

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

А. Маслов

16+

3
2016
Часть XI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 3 (107) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 01.03.2015. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) — русский этнограф, антрополог, биолог и путешественник.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Аилчиева Т. А.**
Семантическое содержание специальной лексики по механике машин 1061
- Алпаткина А. А.**
Функциональные особенности окказиональной лексики в идиостиле Эльмара Шенкеля 1064
- Бабаева А. А.**
Образ автора в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» 1067
- Белькова А. Е., Плоткин А. А.**
Продуктивные словообразовательные модели языковых неологизмов в рекламно-информационных текстах 1069
- Гавришева Г. П., Чалова С. С.**
Литературные параллели в романах «Шагреневая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда 1071
- Головина Е. В.**
Реферирование как предваряющий прием работы с текстом на занятиях по иностранному языку 1076
- Демина Е. Г., Чуреева О. А.**
Социопсихологические аспекты обучения русскому языку иностранных студентов поколения Y 1077
- Жамгырчиева Г. Т.**
Архаическая поэтика мифических образов дивов в кыргызском эпосе «Манас» 1081
- Кашаева О. И.**
Некоторые аспекты изучения и употребления фразеологизмов в немецком и русском языках 1083
- Когай А. О.**
Антиномия добра и зла в произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 1086
- Мурзагельдина Н. Б., Нестерик Э. В.**
Mythological heroic structures in J. K. Rowling's "Harry Potter" series 1090
- Петухов А. А.**
Особенности идеографических синонимов и их заменяемость в пределах синонимического ряда 1098

Стрелков А. Б.

Идиоматичность семантики производного слова как результат взаимодействия полисемии и словообразования (на материале немецкого языка) 1100

Теппеева Д. Р.

Бинарные концепты «любовь/love» и «ненависть/hate (hatred)» в культурологическом, философском и лингвистическом аспектах 1102

Халикова М. Х.

Печорин — вечный герой нашего времени 1104

Чадина И. С.

К вопросу о методике подготовки переводчиков на современном этапе 1106

Шичкина М. Г.

Способы перевода окказионализмов (на примере романа Джорджа Оруэлла «1984») 1108

ФИЛОСОФИЯ

Арзиматова И. М., Эркинов И. Э.,**Фозилова Ш. К.**

К вопросу о созидательном потенциале национальной эстетической культуры в гражданском обществе 1112

Каприцын И. И.

Пространство и время религиозной культуры 1114

**Скачок В. Е., Петровская Л. Ю., Семенкова Н. В.,
Меньшугин Р. В.**

Духовно-нравственный потенциал традиционных религий как важный элемент гуманитарной безопасности 1117

Фарходжонова Н. Ф., Исмоилов Т. И.

Factors of formation spirituality of youth in the process of globalization 1119

ПРОЧЕЕ

Белькова А. Е., Певцова Т. С.

Специфика социальных функций детских периодических изданий как типоформирующий признак 1122

ҚАЗАҚСТАН

Есмаханова Л. Н., Адилбаев А. А.

NGN (Next Generation Network) модельдері 1125

Есмаханова Л. Н., Нұржанов Б. С.

GPRS технологиясының құрылымдық схемасы мен құрамы 1128

Қоспағарова Ә.

Дүкенбай Досжан әңгімелерінің көркемдік шешімі..... 1131

ФИЛОЛОГИЯ

Семантическое содержание специальной лексики по механике машин

Аилчиева Таалайнур Аилчиевна, соискатель;
Киргизский государственный технический университет

В статье рассматривается номинативный характер специальной лексики, которая обладает всеми свойствами терминологической и нетерминологической лексики в плане как моносемантической и полисемантической.

Ключевые слова: семантическое содержание, омонимы, синонимы, антонимы, специальная лексика.

Основная цель данной статьи состоит в выявлении и описании специальной терминологической лексики, определении источников и путей образования терминологии по механике машин как в русском, так и в киргизском языках.

«Специальная терминологическая лексика, — пишет Л. Ю. Белыхова, — разнообразна и во многом своеобразна» [1, с.85–91]. Вот, например: однозначность в пределах данной терминологической системы, то есть отсутствие синонимов; точность; системность; удобство образования производных слов; соответствие словообразовательным закономерностям языка; краткость; отсутствие выраженной эмоциональности и др признаков считает важными чертами специальной терминологической лексики.

Если подходит с этими требованиями, то основным требованием, предъявленным к терминологии по механике машин является, как известно, моносеманτικότητα, т.е. однозначность. Как в русской, так и киргизской технической терминологии наблюдаются такие же явления как, омонимии, полисемии и синонимии.

Омонимами называют слова, совпадающие по звучанию, но не имеющие ничего общего в семантическом содержании [2, с.251–254]. Различают:

— этимологические омонимы, т.е. слова разного происхождения и значения, которые случайно имеют одну звуковую оболочку;

— омонимы, возникающие в результате использования одной и той же лексемы того или иного языка для названия разных понятий;

— омонимы, являющиеся продуктом расщепления многозначного слова.

Одним существенным недостатком технической терминологии на киргизском языке является то, что до сих пор в ее системе имеется большое количество термины-омонимы первого типа, которые при переводе с русского языка оказались одинаково звучащими на киргизском языке. В качестве примера можно представить следующие киргизские омонимные термины:

Как нам известно, термины на русском языке: «прочность, громкость, жесткость, твердость» — на киргизский язык переводятся одним словом «*катуулук*», что и обратном русском переводе означает «*твердость*». Очевидно, такие термины в большинстве случаев приведет к терминологической путанице и непониманию смысла контекста.

Безусловно, существующие и «наличие терминов-омонимов, каждый из которых служит наименованием двух или более понятий, является одним из наиболее существенных пороков научно-технической терминологии. Этот порок, пожалуй, чаще всего приводит к нарушению взаимопонимания и вызывает недоразумения и практические ошибки» [3, с.78], — писал Д. С. Лотте в одной из своих работ по вопросу теории научно-технической терминологии.

Правда, некоторые из этих терминов настолько укоренились в системе киргизской терминологии, что их заменять другим, неизвестным термином нет целесообразности. Безусловно, в таких случаях к вопросу нужно подходить конкретно. Например, в учебниках и справочниках «громкость» (звука) и твердость» (материала) даны одним термином «*катуулук*». Действительно, киргизское слово «*катуулук*» характеризует совершенно одинаково и «*громкость звука*» и «*твердость материалов*».

Некоторые киргизские технические термины — омонимы возникли в результате расхождения полисемии.

Например: *серпилме* — *пружина*, *серпилгичтик* — *упругость*.

Критерием определения технического термина как многозначного мы считаем наличие хотя бы одного общего семантического момента, у всех лексико-семантических вариантов.

Так термин «*серпилме*» мы рассматриваем как полисемантический:

1) *пружина* — деталь, служащая для временного накопления энергии благодаря упругой деформации под действием нагрузки;

2) *упругость* — свойство тела восстанавливать свою форму и объем либо только объем (для газа и жидкости) после прекращения действия сил или других причин, вызывающих деформацию тела. Общим семантическим моментом этих слов на киргизском языке является «*серпилуу*».

Семантическому анализу подвергается и ряд терминов киргизского языка, которые выражаются разными словами (синонимные термины).

Слова общелитературного языка признаются синонимами, если они называют одно и то же понятие, тождественны или близки по значению, но отличаются одно от другого оттенками значениями или стилистической окраской.

Синонимия — явление нежелательное, но трудно устранимое. Перечисляя семантические разновидности лексической синонимии в терминологии, В. П. Даниленко [2] называет варианты со случаями замещения (за-

имствованный и русский термины, полный и краткий варианты, термин и символ) и уточнения (аббревиатура и словосочетание, фамильный и системный термины), которые в научной, справочной и некоторых других видах литературы могут считаться профессиональным вариантом нормы. Однако синонимы «всегда представляют определенную опасность, так как некоторые авторы начинают неверно разграничивать их употребление» [2, с.261]. Равнозначность терминов-синонимов проявляется и в отсутствие у них стилистических различий. Они обязательно относятся к одному стилю речи. Таким образом, синонимические термины технических наук являются абсолютными синонимами или дублетами. Однако проблему дублетности или синонимии можно решать и в зависимости от того, как мы будем рассматривать проблему различий между анализируемыми единицами. Эту проблему можно рассматривать в двух аспектах: в предметно-логическом и в особенно лингвистическом. Часто в предметно-логическом аспекте слова представляются так называемыми абсолютными синонимами, но в собственно лингвистическом смысле они же выявляют различия, которые чаще всего лежат в сфере лексической сочетаемости. В этом смысле в сфере научного стиля речи возможно гораздо больше синонимов. Некоторые лингвисты полагают, что термин — один из основных разрядов синонимизирующихся слов [1, с.89].

В связи с этим проблему различий между синонимами можно поставить шире. Слова-синонимы могут отличаться не только смысловыми, функционально-стилистическими, эмоционально-экспрессивными, сочетаемостными признаками, но и внутренней формой, т.е. способом обозначения. Думается, что если рассматривать синонимию слов-терминов в ономаσιологическом аспекте, то синонимов действительно гораздо больше в языке, потому что в слове-термине преобладающим признаком семантической структуры является «*номинативное значение слов*» [3, с.118].

Синонимные отношения в технической терминологии уже был предметом исследования. Однако в терминологии по механике машин синонимных терминов мы встречаем очень мало: *балка-брус*, *конвейер-транспортёр*, *вибробулава-вибромолоты*, *винтовой конвейер-шнек*, *демпфер-глушитель* др. Здесь терминологическая семантика выражается в родовидовых связях термина. Как видим, терминологическая лексика определяется логическим содержанием.

Антонимия. В терминологической лексике по механике также проявляется антонимия, т.е. противопоставление слов: *подъем отвала* — *опускание отвала*, *мягкий ход* — *жесткий ход* и т.п.

Антонимия в терминологической лексике по механике машин основана на противопоставлении логико-терминологического содержания. Например:

свободное перемещение — *принудительное перемещение*, *монтаж* — *демонтаж*, *механизм периодического действия* — *механизм непрерывного действия*, *прямая лопата* — *обратная лопата*, *реверсивный двигатель* — *нереверсивный двигатель* и т.п.

Вопрос антонимов в терминологической лексике киргизского языка еще недостаточно изучен. Поэтому при более углубленном исследовании этого вопроса на материале терминологии по механике можно будет выявить дополнительные свойства антонимии как лингвистического явления. Например:

1) техническими терминами-дублетами в киргизском языке являются следующие термины:

- главный — «негизги», «башкы»;
- вид — «тур», «корунуш»;
- выравнивание — «тузоо», «теноо», «тегиздоо», «текшилоо»;
- высадка — «чоктуруу», «отургузуу», «тундуруу»;
- выступ: «домпок», «томпок»;
- включатель: «кошкуч», «туташтыргыч»;
- вибрация: «дирилдоо», «титироо»;
- впадина — «чункур», «оюкча»;
- обшивка — «жалгоо», «каптоо»;
- обдирка — «сыдыруу», «аарчуу», «сыйруу»;
- обкатка — «тоголутуу», «таптоо», «сыноо»;
- наклон — «жантык», «энкейиш»;
- надрез — «кесик», «тилик»;
- линия — «сызык», «кырка», «катар», «чек», «тизмек»;
- падение — «тншнн», «кулоо»;
- отсекатель — «кыйгыч», «кескич»;
- охладитель — «сууткуч», «муздаткыч»;
- случайность — «байкосуздук», «кокустук»;
- отклонение — «кыйшаю», «четтоо»;
- осмотр — «коруу», «байкоо»;
- сборка — «кураштыруу», «чогултуу»;
- сверление — «козоо», «тешуу»;
- ручка — «сап», «тутка»;
- положение — «жагдай», «абал», «орун»;
- превращение — «айлануу», «озгоруу» и т.п. [5].

Как мы заметили, в этой группе терминов одному термину на русском языке соответствуют два или более эквивалентных, по смыслу совпадающих, точно соответствующих равнозначных киргизских терминов, иными словами, термины, «выражающие одно и то же понятие, но различные по звуковой форме, по стилю или по употреблению в зависимости от ситуации.

2) есть еще другая группа, в которых технические термины даны на двух языках одинаково. Например:

- винт** — «бурама», «винт»;

Литература:

1. Белахова, Л. Ю., Попова-Черкасова И. Н. Научно-техническая терминология // Сборник стандартизаций и рекламных терминов. — М., 1970. — С.84–91.
2. Даниленко, В. П. Русская терминология // Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, 1977. — с. 246–287.
3. Лотте, Д. С. Омонимы в научно-технической терминологии. — М., 1989. С.49–121.
4. Нуракунов, М. К вопросу упорядочения киргизской физической терминологии. — В кн.: Кыргыз терминологиясынын маселелери. — Ф., 1984. С.38–64.
5. Усубалиев, Ж., Курманалиев К., Акаева М. Д. Русско-киргизский терминологический словарь по механике машин. — Бишкек, 1994. — 190 с.

- предел** — «чек», «предел»;
- прибор** — «курал», «прибор»;
- сигнал** — «белги», «билдируу», «сигнал»;
- сила нормальная** — «чендуу», «нормалдуу куч»;
- сила радиальная** — «окко тете», «радиалдык куч»;
- рычаг** — «калтек», «рычаг»;
- ориентир** — «болжол», «ориентир»;
- вставка** — «кыстыргыч», «койгуч», «вставка»;
- базис** — «негиз», «базис» и т.п. [5].

3) синонимические варианты встречаются также среди терминосочетаний технических терминов в киргизском языке. В качестве примера можно привести такие терминосочетания, как нижеследующие:

- выдавливание** — «кысып чыгаруу», «сыгып чыгаруу»;
- выносливость металла** — «металлдын чыдамдуулугу» «металлдын туруктуулугу»; **клапан дыхательный** — «дем алуу клапаны», «дем алуу капкагы»;
- винт соединительный** — «бириктиргич буралма», «жалгаштыргыч буралма»;
- ролик витой** — «орулгон чыгырык», «эшилген чыгырык»;
- свеча зажигания** — «от алдыруу», «тутандыруу»;
- сила натяжения** — «керуучу куч», «нормалдуу куч»;
- прочная крышка** — «бекем капкак», «бышык капкак» [5];

центробежная сила — «борборго умтулуучу куч», «борборго тартылуучу куч». Синонимия, с одной стороны, выполняет функции обогащения языка и стилистической дифференциации. Однако она не является практической необходимостью для технической терминологии.

Большое количество синонимов среди терминов технических дисциплин свидетельствует о неразработанности технической терминологии. По этому поводу Д. С. Лотте выражает свою неудовлетворенность: — «Многозначность и синонимия слов в общей системе языка способствует его гибкости, богатству и представляют собой закономерное явление; многозначность и дублетность терминов являются существенными пороками терминологии» [3, с.58].

Таким образом, М. Нуракунов тоже подчеркивает: «При упорядочении и унификации любой технической терминологии, как правило, нельзя допускать синонимии. В какой-то мере (в исключительных случаях) можно мириться с существованием омонимных терминов, а синонимных — нет» [4, с.39–61].

Функциональные особенности окказиональной лексики в идиостиле Эльмара Шенкеля

Алпаткина Анна Александровна, студент
Московский педагогический государственный университет

В статье рассматриваются окказионализмы современного немецкого писателя и переводчика Эльмара Шенкеля с точки зрения их функциональности в речи писателя.

Ключевые слова: окказионализм, способы образования окказионализмов, языковая игра, идиостиль.

Окказионализмы — индивидуально-авторские слова, которые не входят в языковую систему и не воспроизводятся в речи, а используются исключительно в условиях данного контекста. Они являются одним из самых загадочных и необычных явлений в речи, потому как позволяют увидеть язык в действии.

Актуальность данной работы, которая посвящена исследованию окказионализмов в произведениях современного немецкого писателя Эльмара Шенкеля, определяется необходимостью всестороннего анализа функционального аспекта окказиональной лексики в художественных произведениях авторов, мастерски владеющих техникой словотворчества.

Научная новизна данного исследования обусловлена недостаточной изученностью идиостиля Эльмара Шенкеля, а именно основных художественных функций окказиональной лексики в текстах писателя.

Описание функционального аспекта слова позволяет раскрыть возможности его использования в конкретном тексте. Цель работы заключается в выявлении и описании функциональных особенностей авторских окказионализмов в таких литературных жанрах, как афоризм, эссе, рассказ, очерк, скетч [7, 8].

Использование окказиональной лексики широко распространено в произведениях Эльмара Шенкеля. Она является одной из особенностей идиостиля писателя, то есть индивидуального авторского стиля, в котором отражено его особое мировосприятие [1, с. 21].

Процесс образования новых слов в языке называется словообразованием, под которым понимают образование слов с опорой на узуальные (общепринятые) способы (словосложение, деривация, образование сокращенных слов). Результатом узуального словообразования может быть как узуальное, так и окказиональное слово. Словообразованию противопоставляют словотворчество, создание слов без опоры на узуальные способы. Результат словотворчества — окказиональная лексика. Попытка описать и в какой-то степени систематизировать приемы словотворчества привела лингвистов к описанию особых способов словообразования [2].

Немецкие германисты, как, например, В. Фляйшер, различают словообразование и словотворчество (*Wortbildung* und *Wortschöpfung*), считая словотворчество понятием, относящимся именно к окказиональной лексике [5, с. 5].

В данной работе для описания структуры окказионализмов будет использоваться термин «словообразование». Эльмар Шенкель создает индивидуально-авторские окказионализмы, используя как узуальные, так и окказиональные способы словообразования. Такие слова, как, например, *der Radheiler* (целитель велосипедов), *der Witterungsabstand* (обонятельная дистанция) образованы способом словосложения, *der Baumeler* (от слова «baumeln» — болтаться, висеть, покачиваясь) — суффиксальным способом, а слова *der Struwwelpanzer* (от слова «Struwwelpeter», раскпепа), *der Niedersinn* (от «Unsinn», ерунда), *muttertreppenaltein* (от слова «mutterseelenallein», один-одиношенек) образованы способом субститутивной деривации (замены одного из компонентов слова), *Käsonien* (Сырляндия) — контаминацией и т.д.

О.П. Симутова считает способы словосложения и контаминации в немецком и русском языках ключевыми при образовании окказионализмов, которые создают эффект языковой игры [3, с. 94, 95].

Языковая игра — определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении речевой нормы с целью создания эстетического эффекта. Это всегда яркое и необычное употребление языковых форм. Любая языковая игра — ошибка, с точки зрения нормы. Но эта ошибка — со смыслом [6, с. 127].

Окказионализмы в текстах Эльмара Шенкеля являются неотъемлемой частью языковой игры.

Для более подробного анализа следует обратиться к индивидуальному авторскому словотворчеству и рассмотреть некоторые примеры из рассказов писателя.

Radheiler — окказиональное слово, образованное способом словосложения (*Rad* + *Heiler* «целитель велосипедов»). Интерес вызывает семантическая несочетаемость данных слов. Существительное *Heiler* образовано суффиксальным способом от глагола *heilen*, что означает «лечить болезнь или больного; исцелять, вылечивать, излечивать, врачевать». Это слово применяется в отношении живых организмов, а также различных ран, увечий, болезней. *Das Rad* — велосипед, устранить неполадки которого, можно, лишь его отремонтировать. Из этого следует, что семантически было бы верным употребить слово *reparieren* (чинить, исправлять, ремонтировать, восстанавливать), как и в отношении других слов, обозначающих при-

боры, мебель, автомобильную технику и другие предметы, не имеющие отношения к живым организмам.

Но автор неслучайно образует такое сложное слово. Данный окказионализм не просто придает рассказу оттенок игры, он показывает особое отношение автора к этому средству передвижения. «Исцелять» велосипеды, значит, относиться к ним, как к живым существам. В подтверждение этой мысли следует обратиться к содержанию рассказа „Radheiler”.

На рыночной площади рассказчик по имени Ронни (Ronny, Hieronymus) знакомится с господином Шаркю, который необыкновенным, магическим образом «исцеляет» старые велосипеды, превращая их в сияющие новые.

Цитата: „Fahrräder stehen zwischen Mensch und Tier. Sie haben einen eigenen Willen, sie können hören, sehen und Gefühle zum Ausdruck bringen. Sie ernähren sich von Luft. Die Luftpumpe ist ihre Speiseröhre. Im Gegensatz zum Hund sind sie ihrem Herrn oder ihrer Herrin nicht treu ergeben. Sie sind polygam, polymorph, polytheistisch“ (Велосипеды занимают место между человеком и животным. У них есть своя собственная воля, они могут слышать, видеть и выражать свои чувства. Они питаются воздухом. Воздушный насос — это их пищевод. В отличие от собак они не преданы своему хозяину или хозяйке. Они полигамны, полиморфны и политеистичны) (здесь и далее перевод наш — А.А.).

В дальнейшем Ронни становится ассистентом этого удивительного человека. Слава о господине Шаркю разлетается со стремительной силой, и уже вскоре он отправляется в другие города. Недовольные деятельностью странного гипнотизера производители велосипедов придумывают небылицы про господина Шаркю, отчего у жителей возникает недоверие к необычному методу восстановления велосипедов, и он решает изменить род деятельности, применяя свои волшебные силы на животных в зоопарке. Затем он меняет облик города, а также некоторые процессы, происходящие в нем. Это воодушевляет гипнотизера, и он окончательно убеждается, что в «исцелении» велосипедов уже ни для кого нет ничего примечательного. Однажды, когда господин Шаркю выступает уже в роли обербургомистра, к нему сквозь толпу движутся сотни ополченных против него велосипедов. Господин Шаркю теряет дар и покидает город.

В тексте рассказа автор в лице героя, господина Шаркю, сравнивает велосипеды с живыми существами, считая их недостающим звеном в цепи между человеком и животными; приписывает им качества, характерные лишь для живых существ.

Тот факт, что велосипеды, очевидно, затаившие обиду на забывшего о них гипнотизера, восстают в конце рассказа, будто подтверждает теорию господина Шаркю о том, что велосипедам тоже присущи чувства, которые они способны выражать.

Обратившись к содержанию, не возникает сомнений в том, что автор соединил семантически не сочетаемые слова именно для того, чтобы показать свое отношение к велосипеду, как к живому организму.

Можно утверждать, что окказионализм „Radheiler“ выполняет в рассказе Эльмара Шенкеля эстетическую функцию, так как он отчетливо демонстрирует умение автора мыслить художественными образами, а также воспринимать окружающую действительность по законам красоты, ведь одушевлять велосипеды, видеть в них человеческие черты — под силу не каждому. Также можно выделить экспрессивную функцию, которая служит для выражения субъективного отношения автора к тому, что именуется, и показывает принадлежность данного явления к его микромиру [1, с.18].

Прилагательное *muttertreppenallein* — окказиональное слово, образованное способом субститутивной деривации (от слова *mutterseelenallein*, что означает ‘один-одинешенек’).

„Das Schloss zerbrach in Stücke. Huhn und Fuchs und Eule stoben in alle Himmelsrichtungen. Und übrig blieb nur eine Treppe, die Treppe. Da war sie nun muttertreppenallein auf der Welt“. (Замок рассыпался на кусочки. Курица, лисица и сова разбежались на все четыре стороны. И осталась только одна лестница. Она была одна-одинешенька на всем белом свете).

В данном контексте из-за замены морфемы значение слова *mutterseelenallein* не поменялось, но получилось необычное, новое окказиональное слово, которым можно охарактеризовать именно лестницу.

Примечательным также является то, что автор, употребив в самом начале слово *лестница* с неопределенным артиклем („... und darin stand eine alte, alte Treppe...“), употребляет его вновь в такой же форме, но в значении ‘один’ (Und übrig blieb nur eine Treppe, die Treppe). Автор хочет показать, что ничего и никого не осталось, кроме лестницы, *этой* одной лестницы: после запятой слово *Treppe* стоит с определенным артиклем *die*, что указывает нам на желание автора показать, что лестница была совершенно одинока, всеми забыта и никому не нужна.

Окказионализм *muttertreppenallein* выполняет в тексте игровую функцию, так как происходит некое обыгрывание морфемной структуры слова. Создается эффект новизны, что не может не вызывать интерес у читателей.

Существительное *Käsonien* — окказиональное слово, образованное способом контаминации, при которой происходит слияние, скрещивание слов и частей слов в одно целое.

Попугай Вилли, мышка Вальбурга и книга решают, куда бы им лучше отправиться, чтобы избежать опасности.

„Buch: Also wohin gehen wir?... Vielleicht ins Altersheim? Walburga: Da wimmelt’s von Mausefällen!

Willy: Oder nach Australien? Da komme ich, bzw. meine Vorfahren nämlich her.

Walburga: Nach Käsonien wär mir lieber”.

(Книга: Итак, куда мы идем?... Может быть в пансионат для пожилых людей?)

Вальбурга: Там полно мышеловок!

Вилли: Или в Австралию? Я родом оттуда, или, по крайней мере, оттуда родом мои предки.

Вальбурга: Мне бы лучше в «Сырляндию»).

В немецком языке в названиях стран и областей наиболее часто употребляется суффикс *-ien*. (Например: *Italien, Belgien, Spanien, Sibirien*). В данном контексте употребляется слово *Australien*.

Очевидно, автор соединил слово *Käse* (сыр) со словом *Australien* (Австралия) таким образом, что произошло так называемое междусловное наложение (разновидность контаминации), и получился необычный окказионализм *Käsonianen*, который за счет суффикса *-ien* является своего рода топонимом, обозначающим местность или страну, где много сыра, или все сделано из него, и которую можно перевести на русский язык, как «Сырляндия», место, являющееся раем для мышей.

В данном случае на первый план выходит языковая игра автора, который так умело и легко соединяет, казалось бы, вовсе не сочетаемые слова или части слов. В этом шутивном рассказе присутствуют и другие окказиональные слова, такие, как *der Struwwelppanzer* (от слова *Struwwelpeter* — растрепан), *superbrandneutoll* (*super* + *brandneu* (*ganzneu*) + *toll*), а также целый ряд окказиональных слов *faumeln, waumeln, saumeln, maumeln, kaumeln, schaumeln*, образованных от слов *baumeln, taumeln* с изменением начальной буквы (начального звука) и создающих паронимы. Все это авторское словотворчество придает необыкновенный эффект свежести рассказу, заставляет погрузиться в чтение и принять участие в этой невероятной игре слов.

Эльмар Шенкель — автор не только множества рассказов, романов, многочисленных эссе, ему также принадлежит сборник афоризмов, в котором собраны самые разнообразные и любопытные мысли, высказывания и изречения. И, конечно же, этот жанр не обходится у писателя без его парадоксального словотворчества. Рассмотрим некоторые случаи.

Сложное слово *Volksmundgeruch* — еще один яркий пример авторской игры слов. Несмотря на то, что способ словосложения является узуальным, слово выходит за рамки привычного нам обращения с языком.

„Wo es einen Volksmund gibt, da gibt's auch einen Volksmundgeruch“.

(Где народные уста, там и народный запах изо рта).

Здесь окказионализм *Volksmundgeruch* характерно отражает авторское отношение, его иронию. Интересно то, что данное слово имеет некий негативный оттенок, но в то же время употребляется в шуточной форме. Прочитав афоризм, невозможно не улыбнуться. Но и не задуматься над его не столь радужным смыслом нельзя. Ведь, скорее всего, автор имел в виду следующее: Народные уста — это народный голос, народное мнение, то, что передавалось и передается от одного простого человека другому. Но там, где говорит простой люд, всегда есть место лжи, зависти, недовольству, а потому и то, о чем говорят народные уста, зачастую является неверным, несправедливым, приукрашенным.

Нельзя не отметить, что окказиональное слово здесь выполняет эмоционально-экспрессивную и, в то же

время, игровую функцию, придающую этому высказыванию некоторый комический эффект.

Обратимся к афоризму, который как нельзя более ярко отражает саму суть использования автором новообразования в творчестве.

„Einen Gedanken überqueren können, auch wenn die Grammatikampel auf Rot steht“.

(Суметь пересечь мысль, даже если на грамматическом светофоре горит красный свет).

Данное высказывание объясняет использование окказиональных слов автором. Суметь выразить интересную и необычную мысль, не обращая внимания на отклонение от грамматических норм, как раз и позволяют окказионализмы, которые, хотя и не входят в словарный состав языка, все же существуют в текстах автора, неся в себе мысль, порой глобальную, порой просто непривычную и ни на что непохожую.

Необыкновенную игру слов подчеркивает и окказионализм, участвующий в этом изречении — *Grammatikampel* («грамматический светофор»), образованный сложением двух абсолютно не сочетаемых в семантическом плане слов, что в очередной раз подчеркивает остроту мысли писателя.

В заключение стоит отметить, что творчество Эльмара Шенкеля пронизано безудержной фантазией, оно отражает многогранный и незаурядный внутренний мир автора. Окказиональная лексика в произведениях Эльмара Шенкеля играет значительную роль, призывая к языковому эксперименту и игре.

Рассматривая окказиональные слова писателя в целом, можно сказать, что они выполняют ряд различных функций. В первую очередь, необходимо выделить именно игровую функцию, которая позволяет добиться комического эффекта в речи и образно воспринимать информацию. Окказионализмы также выполняют эстетическую функцию, целью которой является открытие «прекрасного» в самом слове. Эмоционально-экспрессивная функция, которая сопровождается ярко-выраженной оценочностью и заключается в неожиданности, в эффекте рождения сложного художественного образа [1, с.16], так же присуща окказиональной лексике Эльмара Шенкеля. Следует указать и номинативную функцию, которая, в виду отсутствия необходимых номинативных единиц в речи, выполняется окказионализмами. В некоторых случаях прослеживается и компрессивная функция, способствующая усилению смысловой емкости и плотности текста, а также увеличению его экспрессивной насыщенности [4, с. 19], например, слова: *Volksmundgeruch* (*народный запах изо рта*), *Stehenbleibenkönnen* (*возможность остановиться*), *Traum-Ich*, *Wach-Ich* («Я» *моих снов, бодрствующее «Я»*) и другие.

Креативное обращение со словом делает рассказы и афоризмы Эльмара Шенкеля «живыми», яркими, необычными и интересными читателю. Его произведения вызывают восхищение и позволяют взглянуть на окружающую нас действительность под другим углом.

Литература:

1. Жабаева, Ю.А. Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого/Ю. А. Жабаева — Москва, 2010.
2. Нефедова, Л. А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // Нефедова Л. А. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 3. — с. 89–98.
3. Симутова, О.П. Игровые возможности использования языка в словообразовании (на материале публицистических СМИ немецкого и русского языков) /О. П. Симутова // Вестн. Башкирского ун-та. 2007. — Т. 12. — № 4. — с. 94–96.
4. Спиридонов, А.В. «Функционально-смысловые типы окказиональной лексики в произведениях Василия Аксенова»/А. В. Спиридонов/ Автореферат дис. ... канд. филол. н. — Казань, 2014.
5. Fleischer, W., Barz, I «Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache»/W. Fleischer, I. Barz — Tübingen, 1992 — S.5, S.58.
6. Hausmann, F.J. «Studien zu einer Linguistik des Wortspiels»/F. J. Hausmann — Tübingen, 1974, S.127.
7. Schenkel, Elmar. «Sprachzirkus. Texte für und gegen den Spaß»/E.Schenkel — Москва «Высшая школа», 2004.
8. Schenkel, Elmar «Ichverspätungen» Notizen und Aphorismen/E.Schenkel — Казань «Школа», 2006.

Образ автора в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»

Бабаева Анжелика Ахатовна, преподаватель
Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри

Одним из ярких литературных событий 2006 года стал роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы». Это роман о городе ее детства, солнечном и цветном Ташкенте. Роман писался на протяжении 26 лет и вообрал в себя основные мотивы творчества писательницы. По фабуле он вполне прозрачен, автор ничего от читателя не прячет. Более того, на первой странице — «конспект событий», краткое содержание большей части книги. Интересно было бы проследить, как представлен образ автора в романе. Образ автора в романе представлен трехуровневой структурой:

1) Автор биографический.

Автор реальный, биографический — это человек, «наделенный паспортными данными (возраст, пол, социальное положение, национальность) и обладающий определенным складом личности, который выражает себя в тех или иных навыках социально-бытового общежития» [1, 15]. При этом, как отмечает Бахтин, «образ автора» почти сливается с образом реального человека». В романе он представлен образом Дины: « — А у нас гости! — сказала Лилька и пропрыгала на одной ноге до шестого, там повернулась, подпрыгнула и, расставив ноги по обоим классам, остановилась, — Ее Динкой зовут, как нашу собаку». Этот образ имеет свою судьбу, свой характер: «Непреклонно мое лицо на фотографиях тех лет... Беззащитный и одновременно вызывающий взгляд, угловатые скулы, слишком густые, мальчуковые брови: изнуряющий и неостановимый бег взапуски остервенелых хромосом, — жалкое существо, угнетенное служением прекрасному искусству, будь оно проклято... Кроме того, я была скверной ученицей, и многие учителя натягивали мне лицемерную

тройку только из корпоративного сострадания к маме, авторитет которой в педагогическом мире города Ташкента был очень высок». События, которые связаны с биографическим автором, переключаются с главной героиней романа — Верой Щегловой: «В это время неподалеку остановился велосипед. Верзила с конопатой, от разной спелости на ней прыщей, физиономией наклонил руль, и с багажника соскочила девочка, повыше меня, очень худая, со странным, по-взрослому оценивающим, взглядом из-под припухших век... Я заморожено следила за ленивой игрой ее пальцев с моей лентой и вдруг сказала: — Возьми ее себе! — чувствуя катастрофическую жалость к уходящему сокровищу...» Вера и Дина не просто знакомы — они неоднократно сталкиваются в разных временных и географических точках, являясь своеобразным alter ego друг друга (одну ждет успех в литературе, другую — в живописи, одна уезжает в Израиль, другая — с мужем в Америку), но все же они идут по жизни порознь, разделенные жаркими улицами узбекской столицы: «С этой девочкой я потом не раз сталкивалась в самых неожиданных местах. Например, на концерте фортепианной музыки в Республиканской публичной библиотеке.»...

2) Автор-повествователь.

Н.Д. Тамарченко дает следующее определение термину повествователь: «Повествователь — тот, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведения, характеризует его человеческий тип. Повествователь — не лицо, а функция».

В романе автор-повествователь не персонифицирован, не участвует в событиях, рассказывает о судьбе главных героев, имеет свои суждения, комментирования, оценку: « — Значит, вот так: судиться и сволочиться с тобой я не буду... Не хочешь жить нормально — давай размениваться. — Еще чего! — мать возбужденно улыбалась. — Я не для того квартиру зарабатывала, чтоб по ветру ее размотать! О том, как она зарабатывала эту квартиру, до сих пор ходили легенды в жилищном отделе горсовета».

3) Автор-творец.

Автор-творец (концептированный автор, по Б. Корману): «Автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение» [2, 9]. Автор-творец в текст не входит, он «внезаходим» в нем (выражение М. Бахтина). Следовательно, проявлению и выражению авторской позиции в романе служат следующие аспекты:

1. Выбор названия произведения:

Хватай свой плащ, свою кепку,
Оставь свои печали у порога...
Жизнь может быть так сладка
На солнечной стороне улицы! —

Слова из старой джазовой композиции Дж Мак-Хью послужили названием романа. Джазовая мелодия, возникающая ассоциативно, вовсе не случайна, она сопряжена с манерой рубинского почерка, заключающегося в умении мгновенно сменить тональность.

2. Выбор эпиграфов.

3. Письма и голоса ташкентцев: «Вы сказали, что собираете воспоминания бывших ташкентцев, как вы выразились — «голоса унесенных ветром» — ну, и я обрадовался... Рынки, конечно, помню... Алайский рынок, знаменитый... это был какой-то... Вавилон! Вот уж действительно где смешались языки-наречья, пот; слезы, тряпье, тазы; ослы, арбы, люди.»...

4. Посвящение родителям:

«... Мам, а ты послевоенный Ташкент хорошо помнишь?»

— Спрашиваешь!

— ... а как одевались, что было в моде, прически, танцы-шманцы?

— А как же, помню, конечно! В те годы вся жизнь в Ташкенте проходила на улице. Особенно по вечерам, особенно в теплое время года... Неторопливо так прогуливались по центральной, Карла Маркса, пары и компании; мужчины выходили в льняных белых брюках-клеш, дамы — под китайскими зонтиками...»

5. Выражение благодарности Ташкенту: «Мне часто Ташкент снится: платаны, карагачи, тополя... воздух его, вкусная вода... Светает, смеркается... Это плохо, когда человеческая память переживает память города, да еще такого обаятельного и милосердного города, каким был

Ташкент, который всех нас берег и хранил, а вот мы его — не сохранили.»

Таким образом, Дина Рубина, выступив истинным новатором, представила в романе образ автора как объемную, неоднозначную, сложную категорию.

«На солнечной стороне улицы» — это, скорее, путешествие к себе — такое, в поисках утраченного города, я бы сказала. В поисках утраченного места, в поисках утраченной юности, в поисках утраченного города, потому что мой город — это был Ташкент, это была замечательная цивилизация. Цивилизация, которая ушла на дно, как ушла на дно Атлантида. И я, как ныряльщик, сейчас ныряю и достаю обломки этой цивилизации, потому что мне кажется, что только в моих силах, вернее, в силах человека, который там вырос и жил, сохранить какие-то остатки этой цивилизации, чтобы она не пропала совсем. Все писатели в известной мере автобиографичны, но для того, чтобы этот роман держал читателя и заставлял его идти по этому роману, по улочкам, тупичкам и площадям этого давно ушедшего города, я придумала, конечно, некую историю, достаточно завораживающую, достаточно сильную, достаточно держащую внимание» (из интервью Д. Рубиной радио «Культура»).

Читая роман, обрастаешь, как виноградными лозами и сам того не замечая, десятками ярких деталей. Круглые камешки вместо туалетной бумаги; цена за «это самое», написанная на подошвах туфель закинувших ногу на ногу проституток; родительские часы, годами хранящиеся за щекой сироты-беспризорника...

Вся эта круговерть объединена и связана историей художницы Веры Щегловой, главной, после автора, героиней книги, чьи картины — своеобразное хранилище городских персонажей и их судеб.

... особенно он застрял на небольшой картине, где обнаженная черноволосая женщина полулежала в окружении целой стаи невиданных, экзотической окраски, поющих птиц, заморожено уставившись в низ своего живота, откуда вылуплялась очередная птица, — еще один голос, еще одна трель в этом райском хоре... По всему холсту в оперениях птиц, в неподвижных, искаженных вожделением, лицах-масках мужчин на заднем плане — разгорались пожары синего, оранжевого, зеленого и лазурного... И угасая, пеплом отзывались в фоне картины. Этот контраст создавал необычайное энергетическое напряжение...

— Она... поет? — вдруг спросил Дитер, сидя на корточках, снизу вверх глядя на Веру. — Я чувствую музыку... Не знаю, как сказать...

— Да, — Вера кивнула. — Это «Поющая библиотека».

Читать роман Рубиной ОЧЕНЬ нужно. В нем есть то настоящее, ради чего вообще стоит читать романы, — передающееся от сердца к сердцу, живое, щемящее и щенящее.

Литература:

1. Скобелев, В. Поэтика рассказа. — Воронеж, 1982.

2. Корман, Б. Изучение текста художественного произведения. — Москва, 1972,
3. Рубина, Д. На солнечной стороне улицы // Эксмо. — Москва, 2008.
4. Черняк, М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. — Санкт-Петербург-Москва // Сага — Форум. 2009. — с. 95.
5. <http://newslab.ru/article/195062>

Продуктивные словообразовательные модели языковых неологизмов в рекламно-информационных текстах

Белькова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент;
Плоткин Александр Александрович, студент
Нижевартовский государственный университет

Ключевые слова: рекламно-информационный журнал «Выбирай», текст, словообразовательная модель, неологизм, лексический неологизм, интернет-энциклопедия «Луркоморье».

Большое влияние на расширение словарного запаса оказывает развитие печатной коммуникации, а как следствие — образование отдельного пласта журнальной лексики. В русской лексикологии образовался ряд традиций словообразования — это всевозможные «слияния и поглощения», разнообразные сокращения и даже появилась своего рода «таможня», которая адаптирует слова, заимствованные из других языков [1].

Региональный рекламно-информационный журнал «Выбирай» как промежуточное звено в коммуникативной цепи приводит к выработке новых форм и стилей взаимодействия.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последнее время наблюдается усиление интереса лингвистов к изучению языка с точки зрения образования новых слов. Цель написания данной статьи состоит в определении специфики функционирования неологизмов в журнале «Выбирай».

Учитывая дословный перевод понятия *неологизм* (neos «новый» + logos «слово»), будем придерживаться определения, что неологизмы — это слова, как новые или заимствованные из других языков, так и ранее известные слова, употребляющиеся в ограничении либо за пределами языка, либо на какое-то время ушедшие из употребления, а в настоящий момент ставшие широкоупотребительными [2].

Как и многие современные популярные издания, журнал «Выбирай» позволяет себе использовать в материалах огромное количество сленговых неологизмов, в частности таких неологизмов, которые когда-то образовались непосредственно во всемирной паутине. И так как скорость «рождения» подобных новых слов неумовимо высока, то логично будет сказать, что толковые словари просто не успевают систематизировать журнальные неологизмы. Для анализа подобных слов, помощника лучше, чем интернет ресурс, специализация которого направлена

именно на сбор такого рода выражений просто не найти. Именно таким и является сайт известный как «Луркоморье».

По данным википедии: *Луркоморье* (англ. *Lurkmore*) — неформальная, неформатная, фривольная и юмористическая интернет-энциклопедия на движке *MediaWiki*, позиционирующая себя как «энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур, а также всего остального». Статьи Луркоморья написаны на жаргоне, состоящем из интернет-мемов, и в основном описывают явления, события и личностей, связанных с современной популярной культурой [4].

В языковом материале журнала «Выбирай» встречается лексические неологизмы *зомбоидный, фэнтезийный, гиковый, селфи, обнимашки, чмаффки, беливер, лайки, эмотикон, роуд-муви*: «И где-то на одном этапе будущие наггетсы подцепили зомбоидную заразу, первой жертвой которой стала девчушка из частной школы» [3, с. 12]. «О чем: всем известное полотно с обилием неожиданных смертей, тотального насилия, фэнтезийных сцен и драконов» [3, с. 14]. «О чем: о шестерке молодых программистов с гиковыми наклонностями, которые пытаются продвинуть свой революционный алгоритм сжатия данных через венчурные фонды» [3, с. 15]. «Еще затрагивают темы любовных драм, можно целую историю любви представить пошагово: «Как делать селфи?» [3, с. 21]. «Можно написать серьезный труд «Тенденции современных обнимашек и чмаффов у 20-ти летних детей» [3, с. 21]. «И с той поры количество беливеров (так называют себя те, кто верит, что Джексон жив) возросло в геометрической прогрессии» [3, с. 24]. «С первого взгляда это обычная социалка, но вместо лайков и эмотиконов тут замеры настроения и мониторинг психического состояния» [3, с. 22]. «Роуд-муви по тегеранским улицам, если немного абстрагироваться от формы...» [3, с. 23].

Интернет-энциклопедия «Луркоморье» поясняет значение данной лексемы «*зомбоидный* — неологизм прилагательное образованное от слова «зомби», это классический отрицательный персонаж низшего звена, встречаемый героями фильмов, книг, игр в огромных количествах». В материалах журнала «Выбирай» неологизм *зомбоидный* образован от афр. нигр. — *nzambi* — «Бог» с использованием суффикса — *ид (ный)*, называющего похожего по виду и форме на зомби.

Прилагательное *фэнтезийный* образовано от лексемы фэнтези от английского *fantasy* — *фантазия* с использованием суффикса *-ин-*, обозначающего поджанр ненаучной фантастики.

Прилагательное *гиковый* образовано от английского слова *geek* с помощью словообразовательной единицы *-ов*. При добавлении к основе имени существительного образует прилагательное со значением «имеющий какое-то отношение к предмету, понятию, названному производящим словом»: *гик* → *гиковый*. В данном контексте неологизм *гиковый* называет людей, увлечённых компьютерными технологиями.

«Но каждое такое высказывание, особенно не в формате быдлокомедии, заслуживает внимания» [3, с. 13]. В данном случае неологизм *быдлокомедия* образован путем сложения слов «быдло» + «комедия» и характеризует некачественное дешёвое кино с элементами простейшего юмора.

Неологизм *спин-офф* появилось в русском языке относительно недавно, преимущественно используется фанатами сериалов, а также кинофраншиз: «*Спин-офф получился менее экстремальным, но вполне в духе*» [3, с. 14]. Данный неологизм *спин-офф* образован от англ. *spin-off* — раскручивание, сокр. от *commercial spin-off* — коммерческая раскрутка. Неологизм *спин-офф* обозначает художественное произведение, являющееся производным по отношению к другому, уже существующему произведению и эксплуатирующее его популярность, признание или коммерческий успех за счёт использования каких-либо элементов — персонажей, событий или тем — игравших в произведении-предшественнике второстепенную роль.

Лексема «*селфи*» образована от англ. *selfie*, от «*self*» — сам, себя, что означает разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на фотокамеру, иногда при помощи зеркала или палки для селфи. Особую актуальность термин приобрёл в настоящее время благодаря развитию встроенных функций фотоаппарата мобильных устройств.

Обнимашки — неологизм, уменьшительно-ласкательная форма слова «объятия». Часто примерах нашего контекста слово *обнимашки* используется в качестве приветствия.

Чмаффоки — неологизм, уменьшительно-ласкательная форма слова «поцелуй». Такая лексема используется в письменной речи для восклицания при приветствии, прощании, выражении благодарности и виртуального поцелуя.

Сходный процесс образования нового значения словообразовательного неологизма со значением лица наблюдается у такой единицы, как: *белiever*. Неологизм *белiever* образован от англ. *believe* — верить в существование кого-либо, с использованием суффикса *-ep*, называющего лицо по отношению к предмету. В данном примере представлен лексический неологизм, обозначающий людей, отказывающихся верить в смерть своего кумира М. Джексона.

Неологизм *эмотикон* от англ. *emoticon*, обозначает пиктограмму, изображающую эмоцию, которая составляется из типографских знаков (например, :-) или (=) или :) — улыбка, радость; :- (или = (— грусть, печаль и т.д.). Эмотиконы обозначают интернациональные понятия, поэтому они не воспроизводят текущую речь, не отображают грамматических, фонетических и др. особенностей естественного языка. Эмотиконы можно отнести к паралингвистическим средствам письменной коммуникации, или к таким средствам, которые не являются речевыми единицами, но сопутствуют последним с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения.

Лайк в переводе с английского *I Like* — мне нравится. Лайк — это одна из самых популярных кнопок в социальных сетях, это не только отдельное слово или знак. Лайк — это активное поведение, действие для которого образовался неологизм: *лайкать* и производные от него (*лакнуть, лайкнул, лайкнула, лайкнули, лайкали, залайкать* и т.п.), которые обозначают «поставить лайк», т.е. придать контенту дополнительную ценность, значимость, вес, важность или симпатию.

Лексема *роуд-муви* образована от англ. *road movie* — букв. «*дорожное кино*» — фильм-путешествие, герои которого находятся в дороге. В форму роуд-муви облачаются фильмы с ярко выраженной жанровой принадлежностью (комедия, вестерн), но иногда роуд-муви выделяется киноведами и в качестве самостоятельного жанра. Структурно роуд-муви распадается на ряд эпизодов, в каждом из которых главному герою (героям) предстоит преодолеть испытание.

В данной статье представлены примеры неологизмов, функционирующих в региональном рекламном-информационном журнале «Выбирай Нижневартовск». Проведённый анализ языкового материала показывает, что журналистским текстам свойственна высокая концентрация неологизмов, что свидетельствует о широком диапазоне слов, привлекаемых в современных журналистских текстах; стремлении авторов разносторонне отразить изображаемую действительность.

Самую многочисленную и продуктивную группу составляют неологизмы лексического типа (80%).

Большинство новых слов, возникших за последние пять лет, имеют прочную связь со Всемирной паутиной. Интернет оказывает прямое влияние на современные издания, которые стараются не отставать от актуальных тенденций и приспособляются к современной аудитории.

Процесс образования неологизмов и пополнения ими современного русского языка не завершён и осуществляется постоянно, поэтому данная тема представляет довольно обширное поле для дальнейших исследований.

Литература:

1. Белькова, А. Е. Семантико-стилистическая специфика неологизмов в Интернет-ресурсах (на материалах сайта NoNaMe) // Международный научно-исследовательский журнал: Сборник по результатам International Research Journal Conference VII. Екатеринбург: МНИЖ — 2015. — № 11 (42). — Часть 4. — с. 8–11.
2. Котелова, Н. З.: Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, СЭ, 1990. — с. 7.
3. Рекламно-информационный журнал «Выбирай», г. Нижневартовск, выпуск от 15–30 сентября 2015 г., № 15 (126).
4. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki>, дата обращения 18.01.2016 г.

Литературные параллели в романах «Шагреновая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда

Гавришева Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент;

Чалова Светлана Сергеевна, студент

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

На материале сравнительно-сопоставительного анализа в статье представлены: типологическая связь и художественная целесообразность символики в двух произведениях романного жанра крупнейших представителей западноевропейской литературы XIX века: Оноре де Бальзака — «Шагреновая кожа» и Оскара Уайльда — «Портрет Дориана Грея».

Ключевые слова: *типологическое сходство, компаративный анализ, функция символики, философский аспект, диалог культур.*

Цель данной статьи — на материале произведений романного жанра двух крупнейших представителей западноевропейской литературы XIX века: Оноре де Бальзака — «Шагреновая кожа» и Оскара Уайльда — «Портрет Дориана Грея» — выявить художественную функцию символики и показать ее типологическое сходство, как и типологическое различие во французском и английском анализируемых романах методом компаративного анализа.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что компаративный подход к изучению различных аспектов художественной литературы является составной частью общего процесса интенсификации межкультурных и межлитературных связей на современном этапе. Такие понятия, как диалог культур, диалог литератур, диалог искусств, достаточно актуальны в наше время. Об этом свидетельствует значительное количество публикаций, конференций, симпозиумов не только в области литературы и искусства, но и в области обмена информацией в различных отраслях науки и общественной жизни.

Что касается литературной компаративистики, как показывает анализ критических источников, эта отрасль литературоведения подразумевает и включает не только рецепцию, взаимовлияние, но и типологию. Специалисты считают, что задачей литературной компаративистики

является сравнение одной национальной литературы с другой или другими, либо сравнение, сопоставление явлений литературы с аналогичными явлениями в других сферах гуманитарной экспрессии, в системе других искусств и т.п. Данное определение, являясь общеизвестным и вполне убедительным, включает, вместе с тем, в сферу компаративного литературоведения такой аспект, как сравнительное изучение творчества двух или нескольких писателей, сравнительный анализ определенного жанра на разных этапах литературного процесса, сравнительную характеристику эволюции определенного типа персонажей на материале различных произведений писателей, представителей одной или различных национальных литератур.

Этот аспект изучения литературы представляется целесообразным и актуальным не только в плане теоретическом, но и практическом. Включение результатов сравнительных исследований в лекционный материал различных литературоведческих дисциплин способствует как расширению филологического кругозора студентов, так и позволяет более рационально спланировать чтение курса, когда при меньшем количестве аудиторных занятий значительно увеличивается их информационный потенциал, что в свою очередь отвечает современным вузовским программам.

В тезисном виде постараемся обосновать причины выбора для анализа этих произведений. Выбор обусловлен в первую очередь тем, что творчество этих классиков европейской литературы принадлежит XIX столетию, которое вошло в историю культуры как период интенсивного развития различных художественных методов, эстетических направлений, течений, тенденций и литературных школ — от романтизма и его разновидностей к реализму, натурализму, а затем, на рубеже XX века, — к модернизму всех оттенков.

В этом контексте вызывает интерес *присутствие в обоих произведениях* — на фоне реалистического воссоздания действительности — *символики мистицизма, фантастики*, свойственной романтизму.

Кроме того, следует отметить определенные *литературные параллели в образах главных героев*.

И наконец, — и это, очевидно, самое основное, — *содержание обоих романов несет в себе глубокий философский смысл*, который является художественной задачей их авторов. Этот философский смысл каждого из романов связан с упомянутой символикой и судьбой главных героев. Его интерпретация представляет интерес для современного читателя (интерпретатора), что сформулировано выше как основная задача нашего исследования. Сравнительно-сопоставительный анализ произведений поможет раскрыть содержание этих тезисов.

Проблемы, касающиеся творчества Бальзака, нашли отражение в работах следующих исследователей: Е. Эткинд [10], Г. Храповицкая [8], В. Мильчина [3], Е. Петрова [4], С. Брахман [1]. Вопросам творчества Уайльда посвящены работы следующих исследователей: Е. Черноземова [9], М. Урнов [7], Н. Соловьева [6], С. Пинаев [5], Т. Денисова [2]. В настоящей статье эти работы были использованы в качестве основы предлагаемого анализа.

Рассматриваемые романы написаны их авторами независимо друг от друга. Писатели являются представителями различных национальных литератур и принадлежат к разным поколениям литераторов. Однако тематика их произведений перекликается между собой. Несомненно, Оскар Уайльд был знаком с творчеством Оноре де Бальзака, но сходство двух анализируемых произведений является типологическим, а не подражательным. Более столетия разделяют эти книги: роман «Шагреновая кожа» был опубликован в 1831 г., в первой половине XIX века, а роман «Портрет Дориана Грея» — в 1891 г., на рубеже XIX–XX веков. Уже поэтому присутствие символика мистицизма, фантастики, свойственной романтизму, в этих произведениях не обусловлено аналогичными причинами.

Бальзак (1799–1850) жил и творил в первой половине XIX века, он справедливо считается родоначальником реализма в европейской литературе. Но не будем забывать, что его писательское ученичество приходится на 20-е годы, период наивысшего подъема романтизма во Франции. Юный автор увлекается литературой XVII и XVIII веков, творчеством Корнеля, Мольера, а также

историческими романами Вальтера Скотта, романтической прозой с элементами фантастики в духе Гофмана, пишет сам собственные авантурные романы, полностью выдержанные в манере романтизма, подписанные псевдонимом. Этот период ученичества окончился лишь в 1829 г., когда вышел первый роман «Шуаны», подписанный его именем. В следующем 1830 г. Были опубликованы шесть повестей, в том числе «Гобсек». А в 1831 г. вышел роман «Шагреновая кожа», помещенный позднее в «Человеческой комедии» в раздел «Философские этюды».

Эти детали биографии писателя объясняют черты своеобразного синкретизма художественного метода романа «Шагреновая кожа», в котором в реалистический тип повествования вплетается элемент фантастики. «Шагреновая кожа» — ранний роман писателя. Е. Г. Эткинд, известный специалист, тонкий знаток французской литературы, отмечает «противоречивые черты стиля этой символической, фантастической книги, написанной Бальзаком в переходный период его творчества, когда он, преодолевая в себе романтическую трагедию, шел к созданию реалистической системы стиля» [10, с. 116].

Что касается Уайльда (1856–1900) и его романа «Портрет Дориана Грея», как уже отмечалось, временем его публикации является 1891 г., конец XIX века, отмеченный необычайной популярностью разнообразных эстетических тенденций и новых направлений во всех видах искусства — импрессионизм, символизм, неоромантизм и т.п. Еще в юном возрасте Оскар Уайльд был приучен к жизни в мире поэтических образов, вниманию к красоте. Наследник «дендизма», он культивировал в себе эстетическое чувство на протяжении всей жизни.

В молодые годы он слушает лекции Рескина по философии и эстетике в Оксфорде. В зрелые годы авторитетами для Уайльда в области искусства и литературы становятся Эдгар По, Шарль Бодлер, Теофиль Готье [7, с. 347–348]. «Из искусства я сделал философию, — утверждал Уайльд, — из философии — искусство» [7, с. 347]. Но при этом, как отмечает исследовательница Е. Черноземова, он очень рано начал искать механизмы защиты от несовершенства окружающего мира, поскольку в нем присутствует не только красота [9, с. 323]. В результате во всех своих литературных произведениях, как и в жизни, «Уайльд использовал парадокс, который для него был и литературным приемом, и способом мыслить» [9, с. 324].

В этом контексте становится очевидным типологическое различие, относящееся к присутствию символика мистицизма, фантастики в анализируемых произведениях. Если Бальзак включает элемент романтической символика с целью акцентировать философский смысл данного произведения и не возвращаться к подобному приему в своем дальнейшем творчестве, оставаясь, как художник, верным реалистическому методу изображения, то Уайльд сознательно конструирует не только это, но и остальные свои произведения на основе парадокса.

Роман принес автору скандальную известность. Он был создан в рекордно короткие сроки, о соблюдении которых было заключено пари [9, с. 324]. В «Предисловии к роману, составленном из афоризмов, Оскар Уайльд обосновывает концепцию «искусства для искусства». «Художник — тот, кто создает прекрасное»; «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все»; «Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества. Этика же искусства — в совершенном применении несовершенных средств»; «Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ»; «В сущности, искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь»; и т.д. [14]. Однако сюжет романа парадоксально противоречит предисловию, создавая интеллектуальное напряжение [5, с. 382].

Нельзя не согласиться с оценкой романа, которую дает профессор Н. А. Соловьева:

«Портрет Дориана Грея» — роман, в котором смешались все — красота и безобразие жизни, истина и ложь, иллюзия и правда». Текст насыщен яркими парадоксами, которые ливнем обрушились на современников, ошеломляя их, и «вызывая на поединок с действительностью», в которой все иначе [6, с. 280].

В романе Уайльда художник Бэзил Холлуорд, влюбленный в искусство, являет собой пример нравственного отношения к жизни. Он создает портрет красивого юноши Дориана Грея. «Бэзил запечатлел физическую красоту Дориана, отражающую в определенный момент времени его незапятнанную грехом душу» [6, с. 280]. Дориан мечтает о том, чтобы юность его была непреходящей, а жизнь стала прекрасной, как произведение искусства. Ради того, чтобы старел не он, а портрет, Дориан готов заплатить собственной душой.

«-Как это печально! — пробормотал вдруг Дориан Грей, все еще не отводя глаз от своего портрета. — Как печально! Я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если бы могло быть наоборот! Если бы старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это!» [14].

В то же время лорд Генри Уоттон, циник и эстет, исповедующий философию гедонизма, медленно отравляет душу Дориана. Он ведет себя безнравственно, эгоистично, жестоко отвергает любовь юной актрисы Сибилы Вэйн, доводит ее до самоубийства. Ни порочный образ жизни, ни время не отражаются на внешности Дориана, стареет и зловеще меняется лишь его портрет. Высшим проявлением зла в жизни героя стало убийство Бэзила, которому он показал ужасный портрет и раскрыл свою тайну [5, с. 382–383].

После убийства Дориан увидел в портрете осуждение самому себе: руки были в крови. Он бросается на портрет с ножом, вонзает, но убивает он себя: к портрету воз-

вращается красота, а прибежавшие слуги находят рядом с прекрасным портретом безобразного мертвого старика [5, с. 383].

Роман Бальзака «Шагреновая кожа» критики нередко интерпретируют как философскую притчу. Это произведение сыграло особую роль в осуществлении замысла «Человеческой комедии» — уникальной эпопеи, единственной в своем роде художественной энциклопедии жизни Франции XIX века. Сам Бальзак назвал этот роман «началом всего моего дела» [1, с. 197]. Книга с большой симпатией была встречена читателями. Бальзак назвал «Шагреновую кожу» «формулой нашего теперешнего века, нашей жизни, нашего эгоизма»; он писал, что все в ней — «миф и символ». Само французское слово «le chagrin» может быть переведено как «шагрень» («шагреновая кожа»), но оно имеет омоним: «le chagrin» — «печаль», «горе». И это знаменательно: фантастическая, всемогущая шагреновая кожа, могущая исполнить любое желание, даже мысленное, дав герою избавление от бедности, явилась причиной еще большего горя [8, с. 51]. Но форма притчи не противоречит тому, что в этом произведении изображается во всей полноте картина реальной жизни.

Главный герой романа — молодой поэт Рафаэль де Валантен, сын разорившегося дворянина, честный и благородный, но оказавшийся в безвыходном положении, в порыве отчаяния впервые в жизни появляется в одном из игорных домов Парижа и ставит на кон последнюю золотую монету в надежде выиграть, и проигрывает. Он решает покончить с собой, но его удерживает случай: старый антиквар дарит ему восточный талисман — кусок шагреновой кожи, способной исполнить все его желания, но ценой его собственной жизни. С каждым исполнением желания кожа сжимается, «убывает, как наша жизнь». Бальзак изображает перерождение Рафаэля де Валантена после получения миллионов. Теперь Рафаэль может, наконец, обладать всем, что только пожелает. Но вид тающей на глазах кожи убивает в нем самую способность желать. Чтобы жить, он отказывается от самой жизни, становясь слугой своего богатства. Рафаэль не выдерживает испытания шагреновой кожей. Он как личность не дорос до своего талисмана. Он оказался слишком мелок для великих желаний, пожелал земных наслаждений, роскоши, богатства. Золото стало кумиром, теперь оно — эквивалент могущества. Не только Рафаэль, все, кто узнал о всемогущей коже, жаждут просить у нее через Рафаэля денег, денег, денег...

«Рафаэль мог все, но не совершил ничего». Причина тому — эгоизм героя. Пожелав иметь миллионы и получив их, Рафаэль, некогда одержимый великими замыслами и благородными устремлениями, мгновенно преобразуется: «глубоко эгоистическая мысль вошла в самое его существо и поглотила для него вселенную» [13]. С историей Рафаэля в творчестве Бальзака утверждается одна из его центральных тем — тема талантливого, но бедного молодого человека, утрачивающего иллюзии

юности в столкновении с бездушным и эгоистичным буржуазно-дворянским обществом.

«Связывая жизнь своего героя с фантастической шагреновой кожей, Бальзак совершенно реалистически описывает физические страдания Рафаэля с медицинской точностью, как больного туберкулезом» [8, с. 51]. Наша точка зрения полностью совпадает с выводом Г. Храповицкой о том, что главная идея «Шагреновой кожи» — это изображение денежного интереса, разрушающего личность, как социальный двигатель общества, как страшный моральный бич [8, с. 51]. В этой связи символика отнюдь не отвлекает, а наоборот, фокусирует основную идею романа-притчи.

Таким образом, фантастическая символика произведения выполняет художественную функцию, а именно: акцентирует авторский замысел.

Этой же цели служит и антитеза двух женских образов — Полины, воплощение чувства доброты, бескорыстной любви, и Феодоры, которой присущи бездушие, эгоизм, самолюбование, суетность, и мертвая скука, создаваемые миром денег, которые могут дать все, кроме жизни и любящего человеческого сердца [8, с. 51].

Одной из важных фигур является антиквар, открывающий Рафаэлю «тайну человеческой жизни». Она может быть определена глаголами «желать», «мочь», и «знать». «Желать» — сжигает нас, — говорит он, — а «мочь» — разрушает, но «знать» дает нашему слабому организму возможность вечно пребывать в спокойном состоянии» [13]. В состоянии «желать» находятся все молодые честолюбцы, ученые и поэты Бальзака — Растиньяк, Шарден, Валантен. В состоянии «мочь» находятся лишь один Растиньяк. Он смог достичь своей цели, сам становится министром, пэром, женится на наследнице миллионов. В состоянии «знать» находится сам антиквар и ростовщик Гобсек.

Рассматривая мифологическую составляющую анализируемых романов, можно выделить некоторые характерные образы-символы: «ангел-хранитель» и «демон-искуситель».

В романе «Портрет Дориана Грея», «ангелом-хранителем» предстает художник Бэзил Холлуорд. В портрет Дориана Бэзил вложил свою любовь к нему. А «демоном-искусителем» однозначно является Генри Уоттон. Он лорд, аристократ, человек незаурядного ума, автор изящных и циничных высказываний, эстет, гедонист. В уста этого персонажа под непосредственным «руководством» которого Дориан Грей стал на путь порока, автор вложил множество парадоксальных суждений. Лорд Генри очаровал Дориана своими изящными, но циничными афоризмами: «Новый гедонизм — вот что нужно нашему поколению. Было бы трагично, если бы вы не успели взять все от жизни, потому что юность коротка», «Единственный способ отделаться от искушения — уступить ему», «Люди не эгоистичные всегда бесцветны. В них не хватает индивидуальности».

Усвоив философию «нового гедонизма», погнавшись за наслаждениями, за новыми впечатлениями, Дориан теряет всякое представление о добре и зле, попирает хри-

стианскую мораль. Душа его все более и более развращается. Он начинает оказывать развращающее влияние на других. Наконец, Дориан совершает преступление: убивает художника Бэзила Холлуорда, затем заставляет химика Алана Кэмпбела уничтожить труп. Впоследствии Алан Кэмпбел кончает жизнь самоубийством. Эгоистическая жажда наслаждений оборачивается бесчеловечностью и преступностью.

В «Шагреновой коже», образ «ангела-хранителя» легко отождествим с Полиной. Этот женский образ возникает как «цветок, расцветший в пламени». «Существо неземное, вся — дух, вся — любовь...». Как идеал, как символ совершенной красоты, чистоты, гармонии, она недостижима [13]. К Полине Годен, дочери содержательницы скромного пансиона, Рафаэля влекут лучшие стороны его натуры. Выбрать Полину — благородную, трудолюбивую, полную трогательной искренности и доброты — значит отказаться от судорожной погони за богатством, принять спокойное, безмятежное существование, счастье, но без ярких страстей и сжигающих наслаждений. «Упрощенная» жизнь будет дарить свои радости — радости семейного очага, тихого размеренного бытия. Но остаться в патриархальном маленьком мирке, где царит смиренная бедность и незамутненная чистота — эта мысль возмущает себялюбивую душу Рафаэля. Образ Полины в романе — это образ женственности, добродетели, женщины, обладающей мягким и нежным нравом [13].

«Демоном-искусителем» предстает антиквар, продавший Рафаэлю ту самую шагреновую кожу. Образ антиквара можно сравнить с образом Гобсека. Антиквар, как и Гобсек, принадлежит к типу философствующих стяжателей, но еще более отчужден от житейской сферы, поставлен над человеческими чувствами и волнениями. Рафаэля поразила мрачная насмешливость властного лица старика. Владелец антикварной лавки прогуливался некогда «по вселенной, как по собственному саду», жил при всяких правлениях, подписывал контракты во всех европейских столицах и шагал по горам Азии и Америки. Наконец, он «получил все, потому что сумел пренебречь всем». Но он никогда не испытывал того, «что люди зовут печалью, любовью, честолюбием, превратностями, огорчениями — для меня это лишь идеи, превращаемые мною в мечту... вместо того, чтобы позволять им пожирать мою жизнь... я забавляюсь ими, как будто это романы, которые я читаю при помощи внутреннего зрения» [13].

Нельзя пройти мимо следующего обстоятельства: год публикации «Шагреновой кожи» — 1831 — это и год окончания «Фауста» Гете. Несомненно, когда Бальзак поставил жизнь Рафаэля в зависимость от шагреновой кожи, у него возникали ассоциации с «Фаустом» Гете. Первое появление антиквара вызвало в памяти юноши и образ Мефистофеля: «Живописец... мог бы обратить это лицо в прекрасный лик предвечного отца или же в язвительную маску Мефистофеля, ибо на его лбу запечатлелась возвышенная мощь, а на устах — зловещая насмешка».

Проанализировав образы «демона-искусителя» и «ангела-хранителя» в обоих романах, мы можем обозначить литературные параллели между Генри Уоттоном и антикваром (образами «демонов»), и — Бэзиллом Холлуордом и Полиной Годен (образами «ангелов»).

Тема романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» — восприятие действительности через искусство, красоту, добро и зло. Писатель декларирует, что для него высшая цель художника — не стремление к высокому смыслу добра через прекрасное, а культ красоты, в то время как мораль, нравственность, добро, как и зло, являются только предметом изображения. Однако содержание вступает в противоречие с подобным постулатом. Роман утверждает такие истины: жизнь смертна, искусство вечно и прекрасно. Но стремление человека сделать свою жизнь столь же прекрасной, как произведения искусства, не считаясь с моральными принципами, приводит его к деградации и гибели.

Что касается романа Оноре де Бальзака «Шагреновая кожа», это произведение сразу же по выходе в свет завоевало широкую читательскую аудиторию. Роман, написанный уже мастерской рукой, поражает богатством красок, блеском остроумия, меткостью характеристик. Он открывает Бальзаку двери в большую литературу Франции.

Романтическая символика является одной из художественных характеристик произведения. Она заключена

не только в фантастическом образе шагреновой кожи, но и в атмосфере тайны, постоянно окружающей главного героя. Об этом с необычайной пронизательностью говорит тонкий стилист, ученый-эрудит, знаток и ценитель французской литературы, профессор Е. Г. Эткинд. Именно тайна составляет центральный мотив многих эпизодов романа, связанных с судьбой Рафаэля Валантена: «кто такой этот юноша? Что за страдания гложут его душу?» В готическом «романе тайн» это было бы загадочным проклятием, тяготеющим над его родом, или жутким убийством, которое он совершил, или роковой любовью, снедающей его. И вот здесь-то мы и подходим к важнейшей особенности Бальзака. Нет, отвечает нам писатель, эта тайна — не проклятие, не убийство, не любовь. Молодой человек беден, у него нет денег. Вот какова его загадочная трагедия. А снедающая его «таинственная» страсть — желание выиграть и разбогатеть. У роковой тайны — социальная основа. Под романтической формой — вполне реалистическое содержание.

«Возникает противоречие между новым содержанием и старой формой. Образ магической шагреновой кожи возвращает нас к романтической фантастике, но в этот волнительный романтический образ Бальзак вложил реалистический смысл: шагреновая кожа стала социальным обобщением», символом разрушительной власти денег [10, с. 122].

Литература:

1. Брахман, С. Бальзак // История зарубежной литературы XIX века. учебн. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Я. Н. Засурского, С. В. Тураева / С. Брахман. — М.: Просвещение, 1982. — с. 190–206.
2. Денисова, Т. Н. Уайльд Оскар // Зарубіжна література ХХ ст. Хрестоматія — посібник / Т. Н. Денисова. — К.: Генеза, 2000. — с. 89–91.
3. Мильчина, В. А. «Человеческая комедия» // Энциклопедия мировой литературы / Сост. и науч. ред. С. В. Статорский / В. А. Мильчина. — С. Пб.: Невская книга, 2000. — с. 548–551.
4. Петрова, Е. А. Бальзак // История зарубежной литературы: Учебн. для вузов / А. С. Дмитриев, Н. А. Соловьева, Е. А. Петрова и др.; Под ред. Н. А. Соловьевой / Е. А. Петрова. — М.: Высшая школа; Изд. Центр «Академия», 1999. — с. 421–449.
5. Пинаев, С. М. «Портрет Дориана Грея» // Энциклопедия мировой литературы / Сост. и науч. ред. С. В. Статорский / С. М. Пинаев. — С. Пб.: Невская книга, 2000. — с. 382–383.
6. Соловьева, Н. А. От викторианства к XX веку. Оскар Уайльд // Зарубежная литература XX века. Учебн. для вузов / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова и др. Под ред. Л. Г. Андреева / Н. А. Соловьева. — М.: Высш. шк.: Изд. Центр «Академия», 2000. — с. 267–283.
7. Урнов, М. В. Оскар Уайльд // История зарубежной литературы конца XIX — начала XX века: Учебник для филол. спец. ун-тов / Под ред. проф. Л. Г. Андреева / М. В. Урнов. — М.: Высш. школа, 1987. — с. 347–354.
8. Храповицкая, Г. Бальзак // Зарубежные писатели. Библиографический словарь. В 2 частях. Ч. 1. А-Л / Под ред. Н. П. Михальской. — М.: Просвещение, 1997 / Г. Храповицкая. — с. 49–57.
9. Черноземова, Е. Уайльд // Зарубежные писатели. Библиографический словарь. В 2 частях. Ч. 2. М-Я / Под ред. Н. П. Михальской / Е. Черноземова. — М.: Просвещение, 1997. — с. 323–325.
10. Эткинд, Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Часть I. Проза / Е. Г. Эткинд. — М. — Л.: Просвещение, 1964. — с. 116–122.
11. Источники:
12. Balzac, H. de. La peau de chagrin / Honoré de Balzac. — P.: Le livre de poche, 1972. — 416 p.
13. Wilde, O. The picture of Dorian Gray / Oscar Wilde. — New York: Random House: Modern Library, 1998. — 254 p.
14. Бальзак, О. де. Шагреновая кожа / О. де Бальзак. — М.: Просвещение, 1990.
15. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / Оскар Уайльд. — М.: Азбука-классика, 2004. — 320 с.

Реферирование как предваряющий прием работы с текстом на занятиях по иностранному языку

Головина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Реферирование газетного текста является одним из основных приемов работы с текстом на факультетах иностранных языков вузов. Данный прием работы с текстом применяется при изучении таких дисциплин как «Практический курс первого иностранного языка», «Практика перевода первого иностранного языка» и предваряет процесс перевода газетной статьи с иностранного языка на родной. Вслед за М.П. Брандесом мы понимаем термин «реферирование» как «процесс всех видов компрессирования (сжатия) текстов на основе их аналитико-синтетической переработки и перефразирования языка» [1, с. 17].

Любой реферат имеет вполне определенную структуру, к основным элементам которой относятся:

- 1) предметная рубрика;
- 2) тема;
- 3) выходные сведения источника;
- 4) главная мысль реферируемого материала;
- 5) изложение содержания;
- 6) выводы автора по реферируемому материалу.

Также отметим, что реферирование текста составляется по определенным принципам, основными из которых являются:

- 1) сохранение логики текста и точки зрения автора, его аргументации;
- 2) сокращение текста до четверти от предлагаемого объема;
- 3) переформулировка текста, изложение содержания собственными словами; цитирование текста не допускается, однако допускается использование ключевых слов и логических связей текста.

При работе с газетной статьей важно уметь распознать структурные признаки, с помощью которых можно «увидеть» и вычленив информацию из текста. Различают две группы таких признаков:

- 1) лингвистического порядка — графический образ слова, структура предложения, пунктуация, стилистические приемы;
- 2) экстралингвистического порядка — размещение статьи в газетном номере, общий контекст, заголовок, подзаголовок, ссылки и т.д.

Мы выделяем следующие языковые клише необходимые языковые клише для составления реферативного текста:

Тема реферируемой работы: эта статья называется (озаглавлена, имеет название); статья посвящена; в статье рассматривается; это статья о...; автор статьи пишет о...; автор рассматривает следующие вопросы.

Проблематика реферируемой работы: основной проблемой статьи является...; цель статьи показать...; в статье содержатся дискуссионные моменты; сомнительно, что...

Композиция реферируемой работы: статья делится на ... частей; статья начинается (чем, с чего); статья заканчивается...; в начале статьи речь идет о...; далее говорится о...

Описание содержания реферируемой работы: автор анализирует, характеризует, определяет, формулирует, подчеркивает, уделяет внимание, говорит, утверждает, считает, констатирует, объясняет, проводит мысль о том...

Что касается языковых клише на иностранном (французском) языке необходимых для составления реферативного текста, то к таковым относятся:

Dans le texte tiré il s'agit de; l'auteur décrit; aborder; poser, soulever; parler; exposer; raconter; rapporter; annoncer; constater que; commenter que; expliquer que; s'interroger sur; examiner; étudier; analyser; résumer; montrer; noter; faire remarquer que; faire ressortir que; appeler l'attention; mettre l'accent sur; mettre en valeur; insister sur; appuyer sur; évoquer; prendre en considération; tenir compte que; mentionner; signaler; penser; croire; estimer; affirmer; soutenir; prétendre; considérer; être persuadé; démontrer; prouver; témoigner; confirmer; juger; trouver; accepter; approuver; être d'accord; justifier; se prononcer pour; prôner; préconiser; plaider pour; défendre; prendre la cause; louer; admettre; concéder; avouer; reconnaître; convenir; s'élever; se dresser contre; réfuter; nier; repousser; dénoncer; espérer que; préconiser; s'étonner de; appeler à faire.

Как отмечалось выше, реферирование газетной статьи зачастую предваряет ее перевод с иностранного языка на родной.

Мы придерживаемся мнения Ю.П. Солодуб о трактовке термина «перевод»: перевод — это творческая интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче информации с языка-источника на язык перевода. В процессе передачи информации с языка-источника на язык перевода основную функцию — функцию перевода — осуществляет переводчик как личность, владеющая обоими необходимыми для осуществления межъязыковой коммуникации языками [3, с. 24].

В переводоведении существуют разнообразные методы и приемы перевода. По мнению В.В. Сдобникова, к основным приемам перевода относятся «лексические трансформации (конкретизация и генерализация понятий, антонимический перевод, смысловое развитие, компенсация) и грамматические трансформации (перестановки, замена форм слова, замена частей речи и членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении)». К методам перевода В.В. Сдобников относит метод записи, применяемый в последовательном пере-

воде и метод трансформации исходного текста. Метод записи состоит в выделении в устно воспринимаемом тексте ключевой информации и в письменной фиксации этой информации. Метод трансформации заключается в подготовке исходного текста к операциям на формально-знаковом уровне.

Главным критерием оценки качества перевода является адекватность воздействия оригинального текста и текста его перевода. Для достижения высокой степени адекватности воздействия перевода необходимо прежде

всего постичь интенции автора и тематическую направленность оригинала.

Помимо понимания идейно-тематической направленности оригинала, переводчик должен найти адекватные словесные средства для передачи образной системы переводимого текста и специфики языка автора текста.

Таким образом, в данной статье представлена логика составления реферативного текста, даны определения терминов «реферирование» и «перевод», обозначены методические советы для успешного перевода газетной статьи.

Литература:

1. Брандес, М. П. Переводческое реферирование (на материале немецких и русских общественно-политических текстов): учебное пособие / М. П. Брандес. — М.: КДУ, 2008. — 368 с.
2. Сдобников, В. В. Теория перевода: учебник / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 448 с.
3. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 304 с.

Социопсихологические аспекты обучения русскому языку иностранных студентов поколения Y

Демина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент;
Чурева Ольга Александровна, преподаватель
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Актуальность данного исследования обусловлена тем интересом, который в настоящее время вызывает у лингвистов поиск путей адекватного решения острых проблем, связанных с практикой преподавания РКИ в условиях стремительно меняющегося мира. В данной связи следует подчеркнуть, что сегодня происходит активное взаимодействие и взаимовлияние двух планов действительности: киберпространства и мира осязаемых реалий. В результате тектонического сдвига, произошедшего в социокультурной парадигме в начале третьего тысячелетия, образовался когнитивный разлом между поколениями.

В этой связи имеет смысл рассмотреть вопрос о специфике мышления и поведения молодых людей в возрасте 17–35 лет, родившихся на рубеже XX–XXI веков. Для обозначения этой генерации используются разные способы вербальной номинации: поколение Y, «миллениумы», «сетевое» поколение, «поколение 9/11», поколение «next», поколение «Apple» и др. На сегодняшний день в различных источниках их зафиксировано более 70, что, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности проблемы изучения социопсихологических особенностей, характеризующих молодых людей, родившихся в период с 1980 по 2000 годы.

Показательно, что во Франции этих людей называют «поколение 35 часов». Действительно, современные молодые люди живут по субъективному времени, которое

отличается от объективных подходов к его измерению и переживанию.

Справедливость такого определения нового поколения подтверждают данные опроса, проведенного нами среди иностранных студентов-медиков, с целью выяснения наиболее актуальных тем для обсуждения в рамках учебной дискуссии. Респондентам предлагалось написать один вопрос, который волнует их больше всего. Выборка составила 90 человек в возрасте от 18 до 24 лет: 30 студентов первого курса, 30 — второго, 30 — третьего, из них 34 женщины и 56 мужчин; 23 студента — из арабских стран, 67 — из Узбекистана. Были получены следующие результаты:

70% — как растянуть сутки до 35–36 часов?

25% — как сдать анатомию (гистологию, микробиологию) на «пять»?

3% — как пережить третий курс?

1% — как похудеть без диеты?

1% — куда поехать отдыхать?

Данные опроса демонстрируют еще несколько важных особенностей этого поколения: подверженность огромным нагрузкам вследствие необходимости обработки, анализа и освоения большого объема информации; стремление к успеху; желание получать быстрый результат, не прилагая усилий. Подтверждением данного тезиса может служить тотальная приверженность сете-

вого поколения принципам «лайфхака» (Интернет-рекомендации, облегчающие жизнь и помогающие просто решить любую проблему).

Термин «поколение Y», применяемый по отношению к молодым людям, не заставшим мир без Интернета, вошел в обиход благодаря «Концепции четырех поколений» американских исследователей Уильяма Штрауса (William Strauss) и Нейла Хоува (Neil Howe), в которой также рассматриваются предшествующие генерации: «иксы» и «бэби-бумеры».

Социолог Дени Моне (Denis Monpeuse) в своей книге «Les jeunes expliqués aux vieux» («Яйца курицу учат» — перевод названия наш. — *Е.Д., О.Ч.*) фокусирует своё внимание на отношениях между представителями разных поколений, анализирует основные трудности и возможности эффективного взаимодействия. В качестве факторов, препятствующих достижению взаимопонимания и, как следствие положительного результата совместной деятельности, Дени Моне называет ревность старшего поколения по отношению к молодым, страх перед новым и неизвестным, неприятие инноваций. Таким образом, в плане обучения иностранных студентов русскому языку можно условно выделить 2 типа социально-психологических установок преподавателей и студентов: деструктивные и конструктивные.

Деструктивные установки преподавателя: «вот когда мы учились...», «я страдал, когда учился, теперь пусть они тоже страдают...», «им слишком легко всё даётся — пусть помучаются...» и т.п.

Конструктивные установки преподавателя: «они владеют этим — я тоже способен этим овладеть», «я научу их использовать новые технологии эффективно», «я избавлю их от гаджетозависимости (научу мыслить, запоминать, анализировать, догадываться) и т.п.

Деструктивные установки студента: «чему они могут меня научить?», «мне это не надо», «зачем мне посещать занятия — я всё найду в Интернете», «русский язык, философия, история — это не важно» и т.п.

Конструктивные установки студента: «я хочу быстро освоить язык», «я хочу говорить, как Путин», «я хочу участвовать в конкурсах и побеждать», «я хочу ездить на олимпиады и конференции», «я хочу остаться жить и работать в России» и т.п.

В рамках настоящей работы мы попытаемся наметить некоторые пути преодоления деструктивных установок и других трудностей, которые могут возникнуть в процессе обучения иностранных студентов поколения Y, а также способы и методы культивирования и укрепления позитивных установок, направленных на совершенствование качества образования.

Трудность: «ОК, Google...». Главный авторитет — Стив Джобс

Поколение Y сформировалось в период постмодернистского размывания значимости авторитетов. Преподаватель, особенно если он принадлежит к поколению X или бэби-бумеров, зачастую воспринимается современными

студентами как человек другой эпохи, чьи представления о мире, его реалиях и ценностях устарели. Если ещё несколько десятилетий назад именно преподаватель был доминантным источником знаний и опыта, сегодня таким ресурсом для студентов является Интернет в смартфоне. В этой связи важно отметить, что главная отличительная особенность поколения Y от поколений их преподавателей — это использование новых технологий, которые изменили образ жизни и сознание людей.

Студенты поколения Y не хотят ничего запоминать и живут по системе «ОК, Google...». Сегодня, чтобы получить ответ на любой вопрос, достаточно вписать его в строку поиска веб-браузера или использовать сервис голосового поиска. Таким образом, современные студенты часто задают вопросы не преподавателю, а смартфону (и смартфон чётко и ясно отвечает). Однако в отличие от постоянно обновляемых гаджетов современный преподаватель не может отреагировать на запрос студента следующим образом: «По вашему запросу ничего не найдено», так как должен знать всё. Молодые люди новой генерации привыкли получать в сети мгновенные ответы на любой интересующий их вопрос, они и от преподавателя ждут всеобъемлющей осведомленности в данный конкретный момент времени. Задавая вопрос, они хотят получить на него четкий ответ и не воспринимают пространные рассуждения.

Студенты нового поколения используют материалы Википедии и не хотят ничего учить наизусть, поэтому зачастую демонстрируют отсутствие элементарных знаний в тех или иных областях. Легко ориентируясь в системах поиска информации, учащиеся сталкиваются с трудностями в ее структуризации и систематизации. В этой связи обучение логико-структурному мышлению становится, если не первоочередной, то достаточно важной задачей преподавателя.

Путь преодоления:

Важным параметром компетенции преподавателя РКИ должна быть готовность сразу ответить на любой вопрос, связанный с языковой подготовкой, социализацией и аккультурацией. Одним из ключевых факторов эффективного обучения является живой интерес студента к предмету, воодушевление и осознание личной пользы. Если этот интерес не удовлетворяется, теряется мотивация к изучению языка. Следовательно, формула «дающий вовремя даёт вдвойне» в русле новой методологии особенно актуальна.

Если невозможно немедленно удовлетворить интерес студентов и по каким-то причинам дать ясный и понятный ответ, Wikiteacher должен понятно объяснить, как найти эту информацию, обозначить кратчайший маршрут поиска. Таким образом, одним из важных параметров эффективного обучения в рамках новой методологии является объёмный социокультурный тезаурус преподавателя, способность установить эмоциональный контакт, ответить на любой вопрос, связанный с изучением, освоением и осмыслением языка и его функций.

Авторитет преподавателя зависит не только от металингвистической (сквозной, поперечной) компетенции, но и от владения родным языком студента. Данный фактор в значительной мере способствует повышению эффективности процесса обучения, так как в этом случае преподаватель может быстрее подобрать нужные ключи к объяснению конкретного лингвистического материала и выбрать кратчайший маршрут освоения целевого языка, а студент по-другому оценивает и осознаёт свои возможности и ресурсы («если преподаватель знает мой язык, значит, я тоже могу и должен освоить в совершенстве русский язык»).

Трудность: «птичий язык»

В век инновационных технологий, гаджетов и девайсов язык пополняется новыми номинациями, устойчивыми сочетаниями и оборотами, вошедшими в обиход благодаря коммуникативному пространству всемирной паутины. Для обозначения специфического языка молодых людей нового поколения российским учёным Д. М. Перевощиковым ещё в XIX веке было найдено выражение «птичий язык» («язык высоких сфер»). Сегодня таким птичьим языком является язык высоких технологий. И эти реалии необходимо учитывать, если мы хотим решить уравнение: «преподаватель X — студент Y».

Путь решения:

Преподавателю РКИ при переводе с «птичьего английского» на «птичий русский» бесполезно иметь в виду, что в разговорном языке студента «notebook» — это тетрадь, а ноутбук — это «laptop»; «tablet» — планшет, а таблетка — «drug». В этом случае при ответе на вопрос: «Что это?», значительно снижается риск неправильной интерпретации, и студенты понимают, что осваивают не застывший язык, а живой, функциональный, который они могут использовать за пределами аудитории. Также преподаватель должен помочь студенту ответить на вопрос: «Как правильно сказать по-русски?», если речь идёт не о хрестоматийных фразах, а о том, что имеет отношение к реалиям нового времени. В качестве примера можно привести следующие сочетания: work on FB & VK — общаться в социальных сетях (НЕ сидеть, НЕ работать); speak by skype — говорить по скайпу, звонить по скайпу; to recharger — зарядное устройство; to clear rework — отработать занятие; to do gym — ходить в тренажёрный зал, качаться, заниматься фитнесом, бодибилдингом, download photos, video — загрузить/выложить фото, видео (НЕ поставить); keep in touch — на связи.

Трудность: большой объём информации и маленький объём «жёсткого диска»

Студенты ежедневно получают огромный объём информации из различных источников и каналов. Успевают ли они его воспринимать, понимать, обрабатывать и стратифицировать — проблемный вопрос, который зачастую решается отрицательно. Исследуя особенности представителей поколения двухтысячных, психологи отмечают приоритет зрительного и эмоционального восприятия. Игрекам трудно долго концентрировать внимание на

одном объекте изучения, воспринимая большие пласты информации, зачастую они осваивают ее поверхностно, не склонны анализировать и перепроверять. В связи с этим возникают трудности в овладении такими видами учебной работы, как лекция, самостоятельная и научная работа. На наш взгляд, в этих условиях требуется поиск и применение новых подходов к работе с огромными объёмами информации в образовании (в целом) и в обучении русскому языку (в частности).

Путь преодоления:

Виктор Майер-Шенбергер (Viktor Mayer-Schönberger) и Кеннет Кукьер (Kenneth Cukier) в книге «Learning with Big Data: The Future of Education» утверждают, что умение работать с «большим объёмом данных» («Big Data») позволит значительно улучшить качество образования и результаты обучения. Павел Дуров (основатель социальной сети «ВКонтакте») и кроссплатформенного мессенджера «Telegram»), главный транслятор западной философии потребления услуг, вслед за авторами упомянутого выше издания постулирует идею, которая состоит в отказе от «конвейерной», индустриальной модели образования по одному образцу, и выступает за пропаганду свободного сёрфинга по виртуальным базам с целью поиска того, что интересно пользователю. Сегодня с помощью различных Интернет-ресурсов (библиотек, Интернет-магазинов, поисковых систем) можно найти практически всё, что необходимо. На сайтах, подобным Amazon.com, Ozon.ru, студенты заказывают специальную литературу (новейшие издания самых авторитетных авторов) и используют для подготовки в рамках учебного процесса. На наш взгляд, прежде чем анализировать большие корпуса данных, студент должен овладеть навыком анализа менее объёмных блоков многоканальной информации. Лишь в этом случае то, о чём пишут британские учёные (Виктор Майер-Шенбергер — профессор Оксфордского университета), действительно выведет образование на новый качественный уровень.

Для решения задач по формированию навыков запоминания текста, увеличению объёма памяти, сокращению времени, затрачиваемого на мнемонический процесс, с учётом специфики мышления современных студентов мы предлагаем использовать следующие приёмы: методы графической визуализации, к которым можно отнести ментальное картографирование (метод Майкла Типпера), словесное рисование (метод, описанный Е. В. Макеевой).

В рамках решения задачи по формированию у иностранных студентов навыков логико-структурного мышления был успешно протестирован метод логической реконструкции текста как мнемонической техники (при работе с поэтическим текстом в рамках реализации ивент-проекта «По-русски с любовью» — конкурса чтецов русской поэзии среди иностранных студентов 1–3 курсов). Приоритетная цель состояла в том, чтобы предложить полифункциональный метод, который позволил бы иностранным студентам неязыковых вузов овладеть необходимыми навыками и знаниями с учётом ограниченных временных ресурсов. Применение метода логи-

ческой реконструкции в качестве мнемотехнического приёма способствует увеличению объёма памяти, усвоению новых лексических единиц, закреплению различных синтаксических конструкций, улучшению артикуляции, дикции, корректному интонированию и паузированию. Кроме того, приобретение навыка красивой публичной декламации позволяет студенту чувствовать себя более уверенно перед незнакомой аудиторией, передавать это чувство другим. Ощущение успеха, вдохновения, возникающее у студента, самым положительным образом сказывается на процессе дальнейшего освоения изучаемого языка. «Уделяя особое внимание процессам психоэмоциональной эмпатии и логике действия, мы, прежде всего, ориентируемся на развитие у студента внимательности, логического мышления, эмоциональной памяти, подразумевающей опыт переживаний» [2, с. 269].

Трудность: радикальный индивидуализм

В последнее время широкое распространение получила концепция сотрудничества и партнёрства в образовательной среде, которую не всегда можно успешно реализовать в рамках обучения иностранных учащихся русскому языку. Это связано с психологическими и социокультурными особенностями студентов нового поколения.

Для «игреков» характерна философия «каждый сам за себя», от поколения X их отличает крайний индивидуализм. В реальном измерении социума, в коллективе (даже в микрогруппе) они чувствуют себя неуверенно и держатся обособленно. Именно поэтому такое тотальное распространение получают сегодня разнообразные тренинги по обучению «работе в команде», по формированию «командного духа».

Путь преодоления:

Отсутствие навыков и желания работы в группе, на наш взгляд, можно преодолеть с помощью специальных методик вовлечения студентов. Среди наиболее эффективных путей решения этой проблемы — рейтинговая стимуляция: рейтинг группы влияет на личный рейтинг студента.

На смену модели, в соответствии с которой наиболее успешный студент задавал темп и динамику процесса обучения, создавая атмосферу здоровой конкуренции и соревновательности среди студентов, сегодня в роли человека, задающего темп (пэйсмэйкера), может выступать преподаватель, обладающий компетенциями, обозначенными нами выше, и студенты будут следовать за ним, помогая друг другу преодолевать препятствия, объединившись в микрогруппы.

Трудность: воинствующий прагматизм

Студенты нового поколения в подавляющем большинстве — прямые, уверенные в себе люди, которые не делают того, в чём не видят практической целесообразности. Они живут по принципу «зачем мне география — извозчик доездит» и стремятся ограничить обширный объём информации конкретными прагматическими целями и задачами.

Путь преодоления:

Преподаватель должен быть готов на любом этапе передачи знаний ответить на вопрос о практической цен-

ности выполняемой в данный момент работы. Следует отметить, что целеполагание на каждом этапе работы является одним из базовых принципов методики РКИ.

Учитывая фактор жёсткого контроля студентами времени, затраченного на учебу, преподаватель должен формулировать четкие рекомендации, составлять своеобразные «дорожные карты» для решения поставленных задач.

Выводы:

Информация о когнитивных возможностях студента, о механизмах и принципах коммуникативного устройства виртуальной среды его обитания поможет скорректировать систему взаимоотношений «преподаватель — студент», структурные элементы которой принадлежат не только к разным поколениям, но к конфликтующим когнитивным пространствам.

Чтобы сблизить два способа мышления, две различные базы знаний и разные подходы к освоению мира, необходимо несколько иначе взглянуть на практику преподавания РКИ и надстроить над прочной основой отечественной образовательной традиции гибкую конструкцию, которая позволит быстро и легко осуществлять трансфер опыта и необходимых знаний из пункта А (от педагога-носителя языка) в пункт Б (к изучающему новый язык) с наибольшим коэффициентом полезного действия.

При этом следует учитывать два основополагающих момента. Во-первых, овладение целевым языком должно сопровождаться обучением логико-структурному мышлению. Поскольку язык — это система, постольку обучение языку уже само по себе способствует развитию системного мышления. Как нельзя лучше развитию понятийного мышления способствует обучение конспектированию, тезированию, реферированию. Приобретение навыков сворачивания информации сопровождается структурированием и глубоким анализом текста.

Во-вторых, взаимопонимание студента и преподавателя достигается не только путём обучения студента иному способу мышления, но и желанием преподавателя овладеть языком нового поколения, глубже познакомиться реалиями их универсума.

В данной связи следует отметить, что преподаватель, обладающий металингвистической компетенцией, по-прежнему является главным авторитетом, к помощи которого студент будет прибегать во всех сложных случаях. Важно осознавать, что современный учащийся получает информацию из разных источников, осуществляя самостоятельный поиск по разным каналам. Преподаватель, таким образом, часто выступает в роли третьей стороны, и это требует от него высокой квалификации, компетентности, наличия широкого кругозора. Следовательно, сегодня имеет смысл говорить о таких параметрах преподавания и обучения, как мобильность, гибкость и многоканальность.

Студенты нового поколения реактивны, амбициозны, нацелены на успех. Они обладают высокоскоростным мышлением и делают то, что любят. Следовательно, для

успешного обучения русскому языку необходимо грамотно выстроить систему стимулов и реакций; убедительно ответить на вопросы «зачем это учить», и «как это пригодится», привить любовь (позитивное отношение) к изучаемой дисциплине.

Думается, практическая разработка вопросов, изложенных в настоящем исследовании, может быть плодотворной и полезной для совершенствования процесса преподавания иностранных языков в соответствии с требованиями глобализованного мира.

Литература:

1. Чуреева, О. А. Метод логической реконструкции как техника запоминания поэтического текста при обучении инофонов русскому языку в медицинском вузе// Русский язык как иностранный: прошлое, настоящее, будущее: XI Международная научно-практическая конференция, посвящённая 50-летию кафедры РКИ МПГУ: Сборник материалов. — М.: ФОРУМ, 2015. — С.268–271.
2. Mayer-Schönberger, V., Cukier, K. Houghton Mifflin Harcourt, 2014. — 60 p.
3. Monneuse, D. Les jeunes expliqués aux vieux. — Paris: L’Harmattan, 2012. — 222 p.

Архаическая поэтика мифических образов дивов в кыргызском эпосе «Манас»

Жамгырчиева Гулина Толобаевна, доцент
Ошский государственный университет (Кыргызстан)

В статье рассматривается поэтика архаических мотивов мифических дивов в кыргызском эпосе в сравнительном плане с материалами мирового фольклора.

Цель исследования — показать художественное изображение архаических мотивов в кыргызском эпосе в мифопоэтическом контексте.

Задача исследования — определение роли архаических мотивов в формировании и развитии эпоса.

В статье применен сравнительно-типологический метод исследования в фольклористике. Результаты исследования могут быть использованы в изучении фольклора, в частности, эпосоведения.

Ключевые слова: архаические мотивы, мировой фольклор, древнее мировосприятие, мифические образы дивов, эпос.

Given as an archaic motif in the Kyrgyz epos

Zhamgyrchieva G. T., OshSU (Kyrgyz Republic)

The article deals with the archaic motif of the Given Kyrgyz epos in comparison with materials of world folklore. The aim of the research is to show the artistic image of the archaic motifs in the Kyrgyz epic of the mythological and poetic context. The objectives of the study are to determine the role of archaic motifs in the formation and development of the epic. In writing the research article we have used the comparative-typological method of folklore study. The research results can be applied to studies of folklore in the philological aspect, particularly in the study of epic.

Key words: archaic motifs, world folklore, ancient worldview, myth animal, Given, epic.

Вдлительной истории формирования человечества известно какой долгий путь развития прошли мифические персонажи от простых инстинктивных реакций страха, злости, огорчения и до точных раздельных понятий. Такой процесс поэтапного формирования можно наблюдать в эпосе “Манас”. Мифические понятия помогали человеку в борьбе с негативными силами и формировали его отношение к природе. Примером тому может служить один из мифических персонажей страшный див Макел, который по мере эволюционного развития эпоса постепенно теряет начальные качества мифического чу-

довища. Здесь наблюдается историческая трансформация мифического образа. [1, 49 с.].

Китайский манасовед Лан Ёин в сравнительном исследовании эпоса “Манас” и греческих эпосов, показывая их типологические близость и различия, отмечает борьбу трех поколений богатыря Манаса с одноглазым исполином [2. 87 с.].

Архаические образы, находясь в тесной связи с родословной, мировосприятием и понятиями людей, играют основную роль в построении сюжета эпосов. К ним относятся человекоподобные великаны, ди-

вы-пери, ведьмы, получеловеки, полуживотные метаморфозные существа.

Они, будучи своеобразной основой архаических мотивов и сюжетов эпосов, служат образной системой, используемой в качестве художественных средств. Таким метаморфозным существом в эпосе «Манас» и является одноглазый див, великан Макел. Он в разных вариантах эпоса именуется по-разному — Макел-Малгун, Мадышкер, Мадыкан, Адамдук.

Макел (Малгун, Макел-Малгун) — антропоморфное, сказочное существо, которое у сказителя С. Орозбакова именуется как Макел-Малгун [3, с. 121], а у С. Каралаева — Малгун и Мадыкан. Образ одноглазого великана Макела — есть древний образец понятий народа, создавшего эпос, о мифологических животных. Он сражается на стороне эпического врага и гибнет от рук Алмамбета и Чубака. А по варианту С. Каралаева Малгуна убивают Алмамбет и Сыргак.

Если останавливаться на образах див, то надо отметить схватку Гульчоро и Мадыкана в части «Семетей» в варианте сказителя Жусупа Мамаева. Сказочно-мифический образ Мадыкана — это одноглазый исполин, в начале, имеющий один рог. Мады или Мадыкан выходит на единоборство на сером быке. У некоторых сибирских народов слово Мады означает хозяин горы или человек горы. Примечательно, что сегодня в Карасуйском районе Ошской области Кыргызстана есть село с таким названием.

Морфема «кер» в слове «Мадышкер» в древности имело значение «большой». Так, в этом значении «кер»

Кереп турат Мадыкан,
Керилип саят Гүлчоро,
Кебелбей койду Мадыкан.
Чочубады Гүлчоро,
Букасына камчы уруп,
Оозунан өрт чыгып,
Кош колдоп саят Мадыкан,
Козголбой турат Гүлчоро...

встречается в названиях мифических животных алтайских эпосов: Кер-Жутма (большой жутма, живоглот), Кер-Балык (большая рыба), Кер-Бука (большой бык), Кер-Куш (большая хищная птица, сокол) и др. Также эта морфема присутствует в названиях коней кыргызских эпических батыров, например, Карагер, Кулагер. Слово «кер» в фразе «керней баштуу кер жылан» (длинноглазая большая змея), встречающаяся в обрядовых песнях кыргызского фольклора, обозначает не цвет, а размер змеи. Следовательно, и эпический образ Мадышкер имеет значение «Большой Мадыкан».

С течением времени обновляются миропознание, взгляды, понятия народа, изменяются его отношение и к сказочно-мифическим персонажам. В результате общественного развития меняются мифические понятия и произведения обретают новые признаки в соответствии с идейным содержанием. Такой образец эволюционного развития поэтики в эпосе можно наблюдать в образах див Мадыкана, Малгуна, Макела. В эпосе Мадыкан, сохраняя мифологическую внешность и признаки, превращается в устойчивого негативного персонажа и предстает в качестве эпического батыра — врага. В военном походе мы видим, как он меняется в характере и действиях, он уже не предводитель, не хозяин себе как было прежде и дается как персонаж, подчиняющийся врагам и служащий их интересам. Здесь, несомненно, наблюдается трансформация сюжета и приведение его в соответствие с требованием общества последующих эпох. Дивы Гүлчоро и Мадыкан вступают в честную схватку, следуя воинским традициям прошлого:

На изготовье стоит Мадыкан,
Бьет с размаху Гульчоро,
Но не дрогнул Мадыкан.
Не испугался и Гульчоро,
Ударив плетью быка,
И выпустив пламя изо рта,
Двумя руками вонзает Мадыкан,
И не шевелится Гульчоро. [4, 123 с.]

Единственный глаз дива Мадыкана не является его уязвимым местом, от удара по которому он безусловно должен умереть. Гульчоро свалил его ударом с серого быка, отрезав ему голову и только потом нашел свою смерть. Но убийство Мадыкана не является обычным убийством врага на войне. Он просто умереть не может. Для того, чтобы убить его навсегда, необходимо выполнить определенные условия. Обычно в народных эпосах у таких персонажей как Мадыкан, обладающих волшебными качествами, сначала отделяют голову от туловища. Только тогда он теряет свои мифические и магические качества и больше не может ожить. Убийство одноглазых сказочно-фантастических персонажей отрезанием головы встречается в сюжетах эпических произведений и у других народов.

Заключая, отметим, что архаичность произведения доказывается в соответствии с эпическими закономерностями миропознания мифических персонажей кыргызских

эпосов. Мифические понятия о антропоморфных животных и метаморфозах в эпосе служат яркими примерами, характеризующие взгляды на мир наших древних предков.

Достижение типического уровня главных героев, образов мифических персонажей в развитии, формировании произведений, считается одним из основных тайн сохранения традиционности в различных вариантах эпосов на протяжении долгих исторических эпох. С изменением мировосприятия сказителей эпоса следующих эпох наблюдается постепенная деградация мифических мотивов, происходит утеря начальных качеств мифических образов и превращение их в обычных персонажей из реальной жизни.

Таким образом, следует сказать, что в кыргызских эпосах, мифические элементы, если смотреть с художественно-эстетической стороны, постепенно вытеснились из сознания сказителей и в результате их дальнейшей трансформации, сохранили лишь свои художественные функции.

Литература:

1. Жамгырчиева, Г. Т. Архаические мотивы в кыргызских эпосах (по эпосам “Манас”, “Эр Тоштюк”, “Кожожаш”). На кырг. языке. — Ош, 2015. — 302 с.
2. Лаң Йиң. Если сравнивать эпосы “Манас” и Йунан. На кырг. языке / Кыргыз руху — “Манас”. Ала-Тоо, спец-выпуск. — Б., 1995.
3. Манас. Эпос. Вариант С. Орозбак уулу: книга IV. На кырг. языке — Ф.: Кыргызстан, 1982. — 366 с.
4. Манас. В сказании Жусупа Мамае. На кырг. языке — Урумчи, 2012. — 1875 с.

Некоторые аспекты изучения и употребления фразеологизмов в немецком и русском языках

Кашаева Ольга Игоревна, студент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В данной статье рассматривается такое языковое явление, как фразеологизмы. Фразеологизмы являются неотъемлемой чертой каждого языка. Был проведен сравнительный анализ фразеологизмов в немецком и русском языках, для того, чтобы выявить особенности, на которые стоит обратить внимание при переводе данных выражений.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеологизмы, фразеологические сочетания, признаки фразеологических высказываний, зооморфные фразеологизмы.

Изучение фразеологизмов лежит в основе многих исследований. Данная тема является актуальной на протяжении изучения многих языков. Можно выделить множество исследователей, которые занимались данной проблемой, например, Д. О. Добровольский, Л. С. Косман, Д. Г. Мальцева.

Обратимся к словарю Ожегова, чтобы дать определение таким понятиям, как фразеологизм и идиома. Фразеологизм (в языкознании) — устойчивое выражение с самостоятельным значением, близким к идиоматическому [1]. Идиома (в языкознании) — оборот речи, значение которого не определяется отдельными значениями входящих в него слов [1]. Из дефиниций можно сделать вывод, что фразеологизмы являются особенностями того или иного языка, возникшие под влиянием исторических событий, быта людей, и культуры в целом.

Изучающие иностранные языки часто сталкиваются с фразеологизмами в устной и письменной речи. Особенностью этих выражений является то, что они не могут быть переведены «слово в слово», и не несут в себе прямого значения. В результате, такие словосочетания приходится просто запоминать, или искать перевод в специальных источниках. Однако, несмотря на все трудности, связанные с их употреблением, фразеологизмы придают языку яркую эмоциональную окраску.

При переводе фразеологизмов встает вопрос об их замене полными эквивалентами. Однако такой перевод может привести к потере описания особенностей менталитета носителей того или иного языка. Сохранить национальные черты можно, например, если дать дословный

перевод этого устойчивого словосочетания, и в сноске пояснить особенности и сложившееся семантическое значение.

Часто грамматическое значение идиом не отвечает нормам современного языка, поэтому их можно отнести к грамматическим архаизмам.

Семантическая слитность фразеологизмов может варьироваться в достаточно широких пределах: от не выводимости значения фразеологизма из составляющих его слов во фразеологических сращениях (идиомах) до фразеологических сочетаний со смыслом, вытекающим из значений, составляющих сочетания. [2]

Признаки фразеологизмов:

1. фразеологизмы обычно не терпят замену слов и их перестановки, за что ещё зовутся **устойчивыми словосочетаниями**.

2. многие фразеологизмы легко заменяются одним словом: сломя голову — быстро, рукой подать — близко.

3. самая главная черта фразеологизмов — их образно-переносный смысл.

4. часто прямое выражение превращается в переносное, расширяя оттенки своего смысла. Например, трещит по швам — из речи портного приобрело более широкое значение — приходиться в упадок; поставить в тупик — из речи железнодорожников перешло в общее употребление в значении привести в замешательство. [3]

После проведения исследования оказалось, что практически все фразеологизмы можно разделить по тематическим группам. Так как фразеологизмы — это продукт жизнедеятельности человека, то они напрямую отражают

его быт, развитие, взаимодействие с окружающим его миром. Следовательно, стоит выделить и детально рассмотреть фразеологизмы разных групп, затрагивающих ту или иную тему.

Мы решили разделить некоторые из часто встречающихся фразеологизмов на несколько групп. В итоге, у нас получилось 4 раздела, которые, можно расширять.

Фразеологизмы можно разделить по семантическому значению, например, отношение к работе, к окружающим людям и себе.

Например, *eine ruhige Kugel schieben* — разг. фам. 1) делать легкую работу, быть на спокойной работе; 2) работать с прохладцей. Буквально, толкать шар не спеша. Работая с этим фразеологизмом, можно самостоятельно выделить значение, если знать истоки его появления. Так в 17–18 веке в Германии становится популярной игра в кегли. Поэтому и в фразеологическом высказывании отражена основная тактика этой игры, быть спокойным и не торопиться [4].

Die Katze im Sack kaufen — покупать кота в мешке (приобретать что-либо за глаза, без предварительной проверки). При переводе «слово в слово» смысл сохраняется, что помогает в понимании смысла высказывания.

Пример: *Obgleich ich wenig von Lokomotiven verstehe, erkundigte ich mich nach Typ, Baujahr, Kolbenweite, um bei dem Mann den Anschein zu tun, der nicht gewillt sei, die Katze im Sack zu kaufen.* (W. Hildesheimer, «Eine größere Anschaffung») [Хотя я мало разбираюсь в локомотивах, я спросил все же, какого он типа, в каком году построен и какой у него объем поршня. Пусть мой собеседник думает, что я — человек понимающий и не собираюсь покупать кота в мешке.]

Mein Name ist Hase (ich weiß von nichts) — моя хата с краю, ничего не знаю (меня совершенно не касается, ко мне не имеет никакого отношения). Попробуем перевести дословно: «Мое имя — заяц (я ничего не знаю)». Рассмотрим контекст: «Wenn das Hitler wüßte, sagen sie, der weiß ja nichts, sein Name ist Hase, soll ja auch keine höhere Schule besucht haben. Na, ich war sprachlos über solche Zersetzungen». (B. Brecht, «Furcht und Elend des Dritten Reichs») [5].

Для русского человека заяц символ отсутствия смелости. Немецкие земли были богаты на этого зверька, поэтому среди мужчин была популярна охота на зайцев, но при этом зайцы описывались, как увертливые зверьки, которых трудно поймать, даже опытным собакам. Отсюда появились такие фразеологизмы, как «wissen wie der Hase läuft» (дословно: знать, как заяц бежит) — знать толк в чем-либо; или «ein alter Hase» (дословно: старый заяц) — опытный работник. Так можно выделить разное лексическое значение во фразеологических выражениях русского и немецкого языка. В русском языке заяцлицетворяет трусость, а в немецком — опытность человека, хорошее знание своего дела. О трусливом, робком человеке говорят «заячья душа». В немецком языке понятие «трусишка» передается словосочетанием «Hans Hasenfuß». [6]

Herumgehen wie die Katze um den heißen Brei — ходить вокруг да около (говорить недомолвками, не касаясь сути дела). Дословно «ходить, как кот около куста». Т. к. этому фразеологизму можно найти полный эквивалент, то само значение так же легко определимо.

Пример употребления: «Wie die Katze um den heißen Brei, so schlich ich um meinen Vater herum, und endlich hatte er meinen stummen Blick verstanden» (Th. Storm, «Pole Popenpäler») [Я терся около отца, не зная, как приступить к делу, и наконец он понял мой выразительный взгляд.] [5]

Еще одной из ведущих тем фразеологизмов является обращение к животному миру.

На протяжении многих лет человек неотрывно связан с окружающими его миром, в том числе и с животными. Наблюдая за повадками животных, их черты часто сопоставлялись с человеком, и его характером. Так и сложились устойчивые фразы (зооморфные фразеологизмы), которые основаны на сравнении, чаще всего, домашних животных и человека. В русском языке, такие фразеологизмы, в большинстве случаев, носят отрицательный характер (упрямство, глупость). Например: упрямый как баран; трусливый как заяц, врет как сивый мерин. Кошки на душе скребут.

В немецком языке можно найти некоторые совпадения зооморфных фразеологизмов с русскими.

Например, по отношению к свинье, чаще всего встречаются выражения с отрицательным значением. *Perlen vor die Säue werfen* — метать бисер перед свиньями. При переводе фразеологизму можно легко подобрать эквивалент, поэтому играя в предложении роль уточнения, или подчеркивая особенности поведения, смысл высказывания не вызывает недопонимания и затруднения. «Perlen vor die Säue, möchte man meinen, wenn man diejenigen vor dem inneren Auge vorbeimarschieren lässt, die den Kakao auch noch trinken, durch den man sie zieht» [7].

В разговорной речи часто можно услышать такую фразу «sein Schwein schlachten», что в переводе означает «пустить в ход свои сбережения». Хотя если при переводе не обратить внимание на специфику фразеологических высказываний, то эта фраза может быть интерпретирована как «резать свинью», что полностью утрачивает изначальное значение. Раньше люди занимались домашним хозяйством, в том числе и выращиванием животных, а исходя из этого, можно подобрать более подходящий эквивалент, где отражается семантическая особенность фразеологизма.

Зооморфные фразеологизмы так же можно охарактеризовать по степени популярности, например, в немецком языке чаще других встречаются такие животные, как собака, лошадь и кошка. Например: *die Katze im Sack kaufen* (покупать кота в мешке); *da liegt der Hund begraben!* («Вот где собака зарыта!»); *herumgehen wie die Katze um den heißen Brei* (ходить вокруг да около); *stark wie ein Pferd* (сильный как лошадь). В русском языке наиболее часты упоминания таких животных как собака, муха, кошка (собаку съесть; злой как собака; мухи не обидит; из мухи делать слона; пироги с котятками). Данный феномен можно

объяснить тем фактом, что людям свойственно сравнивать себя с теми домашними животными, которые ближе. Некоторые из этих представлений имеют весьма древние истоки. Так, представление о собаке как о существе гонимом известно еще из Библии. Наименование этого животного дает наибольшее количество негативных коннотаций как в немецкой, так и в русской фразеологии: kein Hund, auf den Hund kommen, wie ein Hund leben, jmdn. wie einen Hund behandeln; собаке собачья смерть, издох как собака, гнать ко всем собакам, собачий сын, собачья погода, гонять собак.

Обратимся к более подробному анализу некоторых немецких зооморфных фразеологизмов. *Den Bock zum Gärtner machen* — пустить козла в огород (давать кому-либо доступ туда, где он может быть особенно вреден, опасен). «Else ist jetzt in einem Süßwarengeschäft als Verkäuferin». — «Na, da haben sie aber den Bock zum Gärtner gemacht. Die nascht ja an einem Tag den Laden leer». [«Эльза работает теперь продавщицей в кондитерском магазине». — «Ну так пустили, значит козла в огород. Эта сластена за один день опустошит всю лавку».]

Einen Bärenhunger haben — быть голодным как собака (очень сильно, до крайности голоден), но в немецком языке объектом является не собака, а медведь, т.е. быть голодным как медведь. По всей Германии еще в начале XIX века были распространены представления о Ржаном Медведе, Соломенном Медведе, Овсяном Медведе и др. В результате и пошло сопоставление медведя с хлебом, а хлеб является неотъемлемой частью стола. Поэтому и «быть голодным как медведь» значит не иметь даже хлеба, сильно голодать.

Ein Wolf im Schafspelz — волк в овечьей шкуре. Полностью совпадает с известным русским фразеологизмом, поэтому не вызывает трудностей при переводе и употреблении в контексте. Например: «Der freundliche Dr. Lester

mit seinen netten alten Freunden entpuppt sich als absolut skrupellos und mörderisch, als reißender Wolf im Schafspelz» («Дружелюбный Доктор Лестер, с его красивыми старыми друзьями оказывается абсолютно безжалостный и смертоносный, как голодный волк в овечьей шкуре»)[11].

Die Katze weiß, wo sie genascht hat — знает кошка, где мясо ела (дословно: знает кошка, где лакомилась). Основная идея высказывания остается идентичной и в немецком и в русском языке: человек, совершивший плохой поступок, сам осознает и принимает это. Оба фразеологизма являются взаимозаменяемыми при переводе.

Из всего выше сказанного можно сделать следующие выводы: фразеологизмы — это устойчивые выражения, которые очень трудно, а порой и невозможно перевести буквально. Они встречаются во всех языках, тем самым и вызывая трудности в изучении. Но, несмотря на это, фразеологизмы являются частью культуры, являются «зеркалом», отражающим все сферы жизни человека, и остаются постоянными на протяжении долгого времени. Мы прибегаем к использованию таких словосочетаний в момент речи, когда хотим передать те чувства и эмоции, которые лучше всего высказать в завуалированной форме, тем самым подчеркивая свое отношение к той или иной сложившейся ситуации. Фразеологизмы не могут существовать отдельно от контекста, и всегда требуют основы, из которой и можно вывести их смысловую нагрузку в данный момент речи.

Одной из самых распространенных тем, лежащая в основе образования фразеологизмов, являются животные. Их повадки неосознанно переносятся на поведение людей, в результате чего и происходит сравнение. Но и здесь надо быть внимательными, так как из-за различия в культурах сформировалось разное восприятие тех или иных характеристик. [5][10][11]

Литература:

1. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: — режим доступа к словарю: <http://slovarozhegova.ru/>
2. Фразеологизмы [Электронный ресурс]: — режим доступа.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%BC>
3. Фразеологизмы [Электронный ресурс]: Раннее развитие детей. — режим доступа.: <http://www.razumniki.ru/frazeologizmy.html>
4. Resensarten Index [Электронный ресурс]: режим доступа.: http://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~den+schwarzen+Peter+haben&suchspalte%5B%5D=rart_ou
5. Немецкие фразеологизмы [Электронный ресурс]: режим доступа.: <http://startdeutsch.ru/poleznoe/chitat/832-nemetskie-frazeologizmy>
6. Мальцева, Д. Г. Фразеологические единицы немецкого языка в лингвострановедческом аспекте и проблемы перевода (Методическое пособие) — М., 1993-С.58
7. Redensarten.net [Электронный ресурс]: режим доступа.: <http://www.redensarten.net/Perlen.html>
8. Resensarten Index [Электронный ресурс]: режим доступа.: http://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~am%20Ball%20bleiben%20/%20sein&suchspalte%5B%5D=rart_ou
9. Deutsch online [Электронный ресурс]: режим доступа. — <http://www.de-online.ru/forum/18-37-2>
10. Идиомы немецкого языка [Электронный ресурс]: режим доступа. — <http://polyidioms.narod.ru/index/0-144>
11. Redensarten.net [Электронный ресурс]: режим доступа.: http://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=~ein%20Wolf%20im%20Schafspelz%20%2F%20Schafsfell&bool=relevanz&suchspalte%5B%5D=rart_ou

Антиномия добра и зла в произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Когай Алла Олеговна, студент
Нижевартовский государственный университет

С самого детства человеку дают представления о добре и зле, этим родители пытаются сориентировать ребенка в жизни, и выделить границы поведения, где и когда человек поступает плохо или хорошо. Тема добра и зла не только в произведениях, но и в жизни является вечной.

О том, что человек может лгать, говоря правду, защищать близкого, причиняя боль другому человеку, и совершать другие противоречивые поступки было известно ещё в период античности. Для изучения таких понятий в древней Греции был выдвинут термин «антиномия», что в переводе с греческого обозначает противоречие в законе.

Термин «антиномия» был впервые предложен представителем поздней протестантской неосхоластики Рудольфом Гоклениусом.

В советском толковом словаре более подробная трактовка понятия «антиномии» имеет два значения:

1) сочетание обоюдно противоречащих высказываний о предмете, допускающих одинаково убедительное логическое обоснование;

2) неустранимое противоречие, мыслимое в идее или законе при попытке их доказательств формулирования.

Более точные изучения антиномии были у И. Канта. В своих исследованиях философ предлагал ввести «заградительные меры» согласовывающие идеальные образы и логику, не допуская противоречий. Иммануил Кант считал зло необходимым следствием чувственной природы человека. По утверждениям Канта разум человека не может выйти за пределы чувственного опыта и познать «вещи в себе». Что делает возможным существование тезиса и антитезиса, образующие неразрешимые противоречия — антиномии [9, с. 113].

В толковом словаре В. Даля дается следующее толкование добра:

Добро — это наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности; является противоположностью зла. Идея Добра отображает требования человека к действительности. В рамках морального освоения мира Добро. играет такую же роль, какую в рамках научного познания играет истина, а в рамках художественного — красота. Термин «добро» обозначает: 1) объективную характеристику предмета, фиксирующую его совершенство в сочетании с эмоциональным одобрением (когда нечто называют добрым, при этом имеется в виду, что оно соответствует своему назначению; напр., доброе сукно, добрый конь); 2) ценность, полезность предметов для человека, а также сами ценные, полезные для человека предметы (добрая весть, нажать добро.); 3) нравственное качество человека и его поступков, делание добро. (сделать доброе дело, добрая

женщина). Понятие «добро» входит в состав специфических категорий философии и этики [1, с. 216].

Понятие зло имеет противоположное значение: злом называются негативные состояния человека и силы, вызывающие эти состояния. К злу относится все, что получает у людей отрицательную оценку или порицается ими. Добро и зло являются понятиями тесно связанными и антонимичными.

Многие писатели освящали темы добра и зла в своих произведениях («Портрет Дориана Грея» О. Уайлд, «Дом где разбиваются сердца» Б. Шоу, «Вишневый сад» А. Чехов «Преступление и наказание» Ф. Достоевский и Л. Толстой мн.др).

Исследуя, антиномию добра и зла в литературе, можно обратить внимание на то, что проблема добра и зла часто переключается и освящается, затрагивая вопросы религии.

По мнению В. Ильина, в русской литературе Л. Толстой и Ф. Достоевский являлись писателями мирового уровня, которые в центре своего творчества содержат большой религиозный и философский замысел:

«... Лев Толстой ... в центре своего творчества содержит ... основополагающий ... религиозно-философский замысел. У Льва Толстого христианская мораль произвольно выхвачена из всего гармонического контекста церко-евангельского учения и превращена во всепожирающего молоха» [3, с. 280].

Так же В. Ильин утверждал, что «... «Анна Каренина» — открывает собою ту страницу творчества Л. Толстого, где сочетаются в приблизительно равной степени искусство и мирозерцание (философия)...» [3, с. 289]. Т. е. Л. Толстой в своем произведении опирается на основные философские понятия.

В. Ильин пишет:

«... философские и богословско-моральные рассуждения в «Анне Карениной», написаны превосходным, типично толстовским стилем» [3, с. 290]. Опираясь на мнение В. Ильина, о том, что преобладание религиозной тематики не делает произведение Толстого недостойным, можно утверждать, что каждый художник, представляя ту или иную, *свою* картину в праве использовать именно те краски и именно в том количестве, которые будут передавать его смысл и решать его художественные задачи.

Роман «Анна Каренина» интересен не только изображением реальной действительности того времени, но и изображением сложной и трагической судьбы противоречивой, мятущейся героини Анны [2, с. 99] и постановкой вопроса противостояния добра и зла.

Так, в этом романе, по утверждению В. Основина, Л. Толстой использует новые приемы. Писатель не про-

тивопоставляет героев на «хороших» и «плохих» [5, с. 36], а показывает то, что в человеке способны ужиться такие антонимичные понятия как «добро» и «зло». При этом одно не исключает другого. Например, Анна в начале романа представлена нам с положительными сторонами характера:

«... Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может содействовать примирению мужа с женой», «... Анна все утро провела с Долли и с детьми». «Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что в ней был другой какой-то, высший мир недоступных для нее интересов, сложных и поэтических». Но читая роман далее, мы замечаем и другие стороны характера главной героини:

«... Я бы не мучилась и тебя не мучала бы своею ревностью...» «Чрез месяц Алексей Александрович остался один с сыном на своей квартире, а Анна с Вронским уехала за границу, не получив развода и решительно отказавшись от него». «... Воспоминание несчастья мужа не отравляло ее счастья. Но, как ни искренно хотела Анна страдать, она не страдала. Позора никакого не было. Разлука с сыном, которого она любила, и та не мучала ее первое время... редко вспоминала о сыне» [4, с. 257]. Важным в поведении Анны, повлиявшим на её жизнь является частый уход от своих проблем, и действительности, которые вынуждали её врать, притворяться и скрываться от своей совести и правды: «... она, ни минуты не задумываясь, с веселым, сияющим лицом вышла к ним... чувствуя в себе присутствие уже знакомого ей духа жи...» [5, с. 179], «Я не могу жить с ним... я зная, что он добрый, превосходный человек, что я ногтя его не стою... мне ничего не остается кроме. Она хотела сказать смерти...» [5, с. 368].

В результате изучение противостояния добра и зла в душе главной героини Анны Аркадьевны мы делаем следующий вывод: Анна Аркадьевна по натуре честная и добрая женщина, вынуждена была покончить жизнь самоубийством, потому что в душе у неё происходили явные противоречия. Она чувствовала, что делает неверные поступки, но продолжала их делать. Её душа раскололась на две части. После рождения девочки, она признается мужу, о том, что в душе её живут две Анны. Она которая была и стала теперь. Но не смотря на прощения мужа она не может с ним жить дальше. Совесть мучает Анну. Она не может себя простить и решает уехать от Каренина к Вронскому. Но с Вронским она не находит счастья. Она боится его потерять, ревнует его, не чувствует его поддержки, и общество её тоже не принимает. Анна решается на смерть. Анна боролась со своими желаниями, мучилась от своей лжи. Но в результате её совесть и расколотая душа больше не могли соединиться. За свои желания и поступки она дорого расплатилась.

Другой герой романа, брат Анны Степан совершает поступок, который с моральной точки зрения считается безнравственным и скверным — измена жены, но этот поступок и некоторые другие стороны его характера не

могут доказывать того, что Степан абсолютно злой персонаж, в его душе прослеживаются и добрые мысли:

««Ах, ах, ах! Ааа!».. — замычал он, вспоминая все, что было. И его воображению представились опять все подробности ссоры с женою, вся безвыходность его положения и мучительнее всего собственная вина его» [5, с. 8].

Далее Л. Толстой показывает нам добродетели Степана, его правдивость и нежелание врать: «Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке» [5, с. 9]. Кроме этого, Степан Аркадьевич имеет такое доброе качество как сострадание: «... он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя» [5, с. 9].

Так же следует отметить, что большинство людей, из окружающего его общества, считали Степана добрым и честным человеком и дружелюбно к нему относились: «Степана Аркадьича не только любили все знавшие его за его добрый, веселый нрав и несомненную честность ... было что-то, физически действовавшее дружелюбно и весело на людей, встречавшихся с ним. «Ага! Стива! Облонский! Вот и он!» — почти всегда с радостною улыбкой говорили, встречаясь с ним» [5, с. 19].

Даже Левин дружил и общался с ним: «Левин был его товарищем и другом первой молодости. Они любили друг друга, несмотря на различие характеров и вкусов, как любят друг друга приятели, сошедшиеся в первой молодости» [5, с. 21].

Анализируя поступки брата Анны, можно сделать следующий вывод: Степан Аркадьевич — это не злой персонаж. Его главная проблема заключается в том, что он привык жить в свое удовольствие. Он выбрал себя и свои интересы. А его жена не в силах этому противостоять, она прощает мужа. Но живет не смотря на все это с ним дальше. И не только жена прощает его все общество не изменяет его отношения к нему. Он живет так же, как и жил раньше, потому что все и он сам привыкли к этому.

Исследуя проблему антиномии добра и зла в душе героев романа, мы не можем не обратить внимание, на такого яркого персонажа как Вронского. Вронский соблазнил замужнюю Анну. Вронский — это не отрицательный персонаж, но его поступок по отношению к семье Карениных нельзя назвать положительным.

В начале романа о нем говорят как о хорошем и уважаемом человеке: «Вронский — это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской. Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем — очень милый, добрый малый. Но более, чем просто добрый малый. Как я его узнал здесь, он и образован и очень умен; это человек, который далеко пойдет» [5, с. 40].

Кроме этого следует отметить, такие его положительные стороны как вежливость, воспитанность, благородство: «.Вронский выехал встречать мать» [5, с. 55],

«Вронский старался быть человеком слова и исполнять свои обещания: «... он не мог отречься от сказанного великодушного слова, хотя и чувствовал теперь, смутно предвидя некоторые случайности его связи...» [5, с. 264].

Вронский, несмотря на то, что он светский человек, особого пристрастия к светской жизни не имеет: «Хотя он и ездил изредка в петербургский свет, все любовные интересы его были вне света» [5, с. 54].

Положение Вронского в обществе, его светская жизнь и его мама прививают в Вронском привычку следовать своим желанием (В прошлой жизни мать в Вронского имела романы о которых было известно светскому обществу, мать Вронского вначале одобряла его связь с Анной потому что её муж занимал высокое положение в обществе). Так живет и Вронский ориентируясь на материальные устремления светского общества. Но не смотря на то, что Вронский соблазняет замужнюю Анну, он старается относиться к ней с уважением. Но овладев ею, его чувства остывают. Счастье Вронского оказалось не вечным. Он не давал полный отчет своим поступкам. Изначально брака он не хотел. И не думал жениться ни на Кити ни на Анне. Также не думал он о том, что у Алексее Каренина может быть такое большое сердце. Вронский был уверен в себе, своим убеждениям. Но кроме него и его желаний были ещё Каренин и сын Анны, которые тоже хотели быть счастливыми и имели право на то, чтоб быть с мамой и женой.

Алексей Александрович характеризуется как деловой человек. Он занят делами и самоуверен настолько, что даже не видит при первой встрече во Вронском своего соперника: «Очень рад, — сказал он холодно, — по понедельникам мы принимаем. — Затем, отпустив совсем Вронского, он сказал жене: — И как хорошо, что у меня именно было полчаса времени, чтобы встретить тебя, и что я мог показать тебе свою нежность, — продолжал он тем же шуточным тоном» [5, с. 97]. «Каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и распределена. И для того чтоб успевать сделать то, что ему предстояло каждый день, он держался строжайшей аккуратности. «Без поспешности и без отдыха» — было его девизом» [5, с. 99].

Несмотря на то, что Алексей Александрович видит обещание Анны и Вронского уже не впервые, заставить обратить внимание на то, что это может быть «неприличным» побуждает его лишь общественное мнение: «Алексей Александрович ничего особенного и неприличного не нашел в том, что жена его сидела с Вронским у особого стола и о чем-то оживленно разговаривала; но он заметил, что другим в гостиной это показалось чем-то особенным и неприличным, и потому это показалось неприличным и ему» [5, с. 126].

Несмотря на большое количество достоинств, которыми обладает Алексей Александрович, его злом является его «зачитанность» и неумение выражать свои мысли и чувства. Как поступать и что делать, когда его семейное счастье рушится, он не знает: ««Но высказать что

же? какое решение?» — говорил он себе в гостиной и не находил ответа» [5, с. 127].

Мысли Алексея Александровича направлены на то, что он «должен» делать, а не на то, что он хочет: «Итак, — сказал себе Алексей Александрович, — вопросы о ее чувствах и так далее — суть вопросы ее совести, до которой мне не может быть дела. Моя же обязанность ясно определяется. Как глава семьи, я лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо ответственное; я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть. Я должен ей высказать» [5, с. 128].

Алексей Александрович делает не то, что ему хочется, а то, что требуют нормы приличия и правила общества: «Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье» [5, с. 128].

Анализируя внутреннее состояние Алексея Александровича единственным недостатком, которое у него выявляем-является его мнительность, страх и неспособность доверять своим чувствам. Общественное мнению и книги для него выше его мнений и чувств его жены. Он больше ориентирован на ум и знания, а чувства трудны для его понимания. В его душе противостояние ума и сердца часто заканчивается победой ума. Он любил Анну, жертвовал ради неё, был великодушен с ней простив её. Но он забыл о себе, потому что это в его религиозном мировоззрении понималось как *злое* — думать о себе.

Совсем другие выводы можно сделать изучая противостояния добра и зла в душе Левина и Кити. Кити добрая, послушная дочь, дружелюбная, внимательная девушка. Она дружит с Варей, влюбляется в Анну, помогает брату Константину Левину подготовиться к смерти: «... Кити прыскала в трубочку. Пыли нигде не было видно». [5, с. 426], «... ей так жалко стало его, что слезы навернулись на глаза» «Кити наблюдала своего неизвестного друга, тем более убеждалась, что эта девушка есть то самое совершенное существо...» [5, с. 189] «Кити видела каждый день Анну, была влюблена в нее» [5, с. 73]. Да у Кити тоже есть свои недостатки. Но она ещё юна. Ей восемнадцать лет. В своей юной жизни она не совершила никакого скверного поступка. Принимая важные решения в своей жизни она слушает свое сердце и не забывает об уме.

Возлюбленный Кити, её муж Левин трудолюбивый занятый дворянин, который любит своих крестьян природу и дорожит не только своим именем, своей землей: «он радовался на каждое свое дерево с оживавшим на коре его мохом... хозяйственные планы один лучше другого представлялись ему» [5, с. 139] «Каково! Слышно и видно, как трава растет! — сказал себе Левин» [5, с. 144].

Левин — это единственный образцовый персонаж. Левин тоже, как и Каренин, отличается своей направленности на определенные дела, а именно на ведение домашнего хозяйства. Как и Каренин Левин он любозна-

телен. Если рассмотреть образ Левина в сопоставлении с Вронским, то можно заметить, что в отличие от Вронского он более вдумчив и серьезен. Если Вронских общается с Кити и даже не думает, о том плохо ли это, как это выглядит со стороны («Ему и в голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное в его отношениях к Кити» [5, с. 55]). То для Левина все действия его обдуманы, он часто размышляет и анализирует свои поступки: «... теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, как это могло огорчать... Но прошло три месяца, и он не стал к этому равнодушен» [5, с. 134] «... он вспомнил о брате... Вспоминал потом историю с шулером... Вспоминал затеянный им постыдный процесс...» [5, с. 78] «У Константина больно сжалось сердце при мысли о том, в среде каких чужих людей живет его брат». [5, с. 79].

Изучая противостояния добра и зла в душе героев романа «Анна Каренина» нельзя не обратиться к работе Е. Д. Мелешко, потому что её труд «Христианская этика Л. Н. Толстого», обращается не только к нашей проблеме, но и открывает неожиданные разрешения данной проблемы. Во второй главе работы «Христианская этика Л. Н. Толстого», Е. Д. Мелешко так же акцентирует внимание на роман Л. Толстого «Анна Каренина» и так же выделяет любовь Левина и Вронского противопоставляя их друг другу и объясняя счастья и несчастья их любви и жизни тем, что: «Левин потому так восстает против чувственного драматизма, что в нем таится опасность ухода от разрешения нравственных проблем жизни, потери перспективы и вкуса жизни. *Чувственная любовь и уяснение смысла жизни не могут находиться в противофазе*, они должны подталкивать друг друга, тогда как при «эстетической» любви, напротив, смысл жизни остается туманным, и эта любовь отвлекает от самой жизни и призывается как временное забвение и сладостный сон». [8, с. 36].

И действительно выше сказанные слова Мелешковой можно подтвердить обращаясь к самому роману «Анна Каренина». Среди всех анализируемых нами героев (Анны, Степана, Вронского, Алексея Каренина и Левина), единственным обладателем семейного счастья является Левин и Кити. Потому, что в отличие от остальных персонажей романа в них была целостность их натуры и ориентация на истинные и вечные человеческие ценности и поэтому они смогли соединять в себе добро и зло. Вронских изначально не был ориентирован на семью, Степан Аркадьевич не вникал глубоко в весь смысл понятия семьи. Алексей дорожил семьей, но в нем постоянно происходило противостояния ума и сердца, он часто рассуждал, что хорошо и плохо и выбрал абсолютное добро — отрекаясь от собственной любви, жертвуя своим чувствам. Вронский в противовес Алексею Каренину выбрал себя и был уверен в своей правоте, не думая ни о её чувствах мужа, ни о Анненом сыне, не о её дальнейшей судьбе («Что из этого всего выйдет, он не знал и даже не думал... Ах, да! муж! Теперь только в первый раз Вронский ясно понял то, что муж было вязанное с нею лицо [5, с. 95], «... Он только

за собой считал несомненное право любить её». [5, с. 96]) Левин сумел найти середину между Вронским и Алексеем Карениным. Если Вронский отдается свои чувствам, а Каренин книгам религии и уму, против своих желаний и чувств, то Левин осознает то, что он может быть плохой кандидатурой для Кити. Но он дает ей возможность выбрать, подумать. Он жертвует собой ради Кити, но при этом любит и уважает себя. На брак он смотрит как на дело жизни, и не может представить себя связь женщиной вне брака, как это себе позволяет Степан.

Следует, так же обратить внимание на то, что в отличие от не вполне осознанного Степана, Вронского и совершенно думающего Каренина, Левин обладает трезвостью ума. «Облонский всегда находится в веселом расположении духа и это в большей мере от того, он относится к жизни с небольшим чувством ответственности. Он сначала делает, потом осознает, что он сделал. И думает о том, что все само образумится. Вронский так же как Облонский имеет привычку не думать, о своих действиях. Он поддается своим чувствам, а потом осознает, что он был виной Анниного несчастья, и даже не думает, что кроме него у неё ещё есть любимый сын «Он не мог никак понять, как в такую минуту свиданья думать и помнить о сыне, о разводе. Разве *не все равно* было?» [5, с. 376].

Л. Толстой, изображая духовную драму Анны Карениной, которая в свою очередь отражала судьбы многих на примере своей судьбы, обращается к такой стороне антинормы, как противостояние «добра» и «зла» в душе человека. Проблема добра и зла, связана с темой выбора, осознания этого выбора, истинных ориентиров и борьбы ума и сердца. Наши герои Анна Аркадьевна, Степан Облонский, Алексей Вронский и Алексей Каренин имели возможность выбрать ту или иную форму поведения и решать свои проблемы. Но они выбрали уходить и не замечать их. Нельзя не согласиться с исследованием Д. С. Мережковского, о том, что большинство героев романа находятся под воздействием своих чувственных желаний, вместо того чтобы владеть страстью, они позволяют быть слабавольными и в итоге ими владеет страсть. Так же Мережковский обращает внимание на то, что герои романа нецелостны и в них нет духовного стержня, поэтому чувственным страстям удается овладеть их поведением и повлиять на судьбу [6, с. 236]. Ведь если бы Анна была целостной личностью её жизнь на раскололась на две половинки. В её душе есть честность, но под воздействием своей страсти она начинает закрывать глаза на действительно важные перемены её жизни, жлет и себе и мужу.

Подводя итог всему сказанному, получается, что роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» это роман, который не только описывает модели разных семей, затрагивая важные социальные вопросы. Это роман об истинных ориентирах, о противостоянии ума и сердца, желаний и долга, добра и зла. И решения которых, может быть решенной ориентируясь на модель поведения не добрых и злых, а прежде всего честных, правдивых, целостных и осознанных, разумных героях Кити и Левина.

Литература:

1. В. И. Даль. Толковый словарь. РИПОЛ Классик. 2010. С.785.
2. В. В. Основин. Драматургия Л. Н. Толстого М.: Высшая школа. 1982. С 146.
3. В. И. Ильин. Миросозерцание Графа Л. Н. Толстого. Русский Христианский гуманитарный институт. Санкт-Петербург. 2000. с. 479.
4. Л. Н. Толстой Анна Каренина М.: Просвещение. 1987. с. 257.
5. Л. Н. Толстой Анна Каренина М.: Слово. 1999. с. 704.
6. Д. С. Мережковский Лев Толстого и Ф. М. Достоевский. Жизнь и творчество СПб.: Издание М. В. Пирожкова 1903. с. 375.
7. Р. А. Дистерло Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. С. — Петербург. Типография Н. А. Лебедева.. 1887.
8. Е. Д. Мелешко «Христианская этика Л. Н. Толстого», М., «Наука», 2006. с. 309.
9. В. Ф. Шаповалов. Философия науки и техники. М.: Фаир-пресс. 2004. С. 320.

Mythological heroic structures in J. K. Rowling's "Harry Potter" series

Мурзагельдина Назерке Бакитовна, магистрант;
Нестерик Элла Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова

Criticism of J. K. Rowling's Harry Potter series has maintained that its popularity stems from a well-marketed, repetitive and simple structure. However, this essay considers that this success derives from recognizable mythological heroic structures. The essay traces the protagonist's development from the perspective of two different theories that contrast and complement each other in various ways, Otto Rank's theory of the myth of the birth of the hero and Joseph Campbell's theory of the monomyth. Campbell and Rank both hypothesize that hero myths are repetitive because they emerge from the subconscious of human kind. It can be seen in the tracing of the heroic development in Harry Potter that— although various aspects and features in the hero's journey are followed in the narrative — the series does not strictly fit these theories. The result is a combination of different features from both theories, which modernizes the heroic myth that has pervaded human culture and history since time immemorial.

Keywords: *Campbell; Harry Potter; Heroic Structures; Monomyth; Mythology; Rank.*

Since time immemorial, heroic figures have been a source of inspiration and fascination for mankind. The themes and motifs of the heroic myths have recurred consistently in different narratives, which seem to suggest that heroic myths are imbedded in our culture and history. In J. K. Rowling's series about the wizard-boy Harry Potter, we find the same themes, motifs and structures of the hero myth in a narrative written for younger readers but which appeals to readers of all ages.

One of the more vehement critics of the Harry Potter series, Jack Zipes, contends that the Harry Potter novels are “easy and delightful and carefully manicured and packaged, and they sell extraordinarily well because they are so cute and ordinary.” Zipes continues by claiming: “if you read one, you've read them all: the plots are the same: the story lines become tedious and grating after you have read the first” [17, p.175]. It must be noted that Zipes writes about Harry Potter after the first four books. Therefore, he generalizes about a recurring plot without being able to substantiate his claim to all seven novels. Furthermore, his comments that the novels sell well because they are easy and ordinary, disrespectfully suggest that the audience is un-

intelligent and ready to lap up any well-marketed concoction. However, I would argue that the financial success in the bookstores should be disregarded when the interesting objective of an investigation is to find the reason of the universal appeal of this narrative.

Instead, the appeal of the series brings us back to the everlasting fascination with heroic figures in human culture. The Harry Potter series is strongly centred in the protagonist, whose name appears in the title of each volume (as is typical in literature for younger readers), and the narrative is almost exclusively focalized through him. Consequently, this omnipresence of the protagonist suggests that the fundamental appeal to both young and adult readers lies in Harry Potter himself. Furthermore, because the concept of heroism has pervaded human culture for as long as literature itself has existed, heroes and heroic mythologies have been carefully explored by among others psychoanalysts and mythologists. Two very relevant theories about structures in hero myths will be discussed in this essay, psychoanalyst Otto Rank's theory of the myth of the birth of the hero and mythologist Joseph Campbell's theory of the “monomyth”. More specifically, I would argue that the success

of the Harry Potter series stems from an amalgamation of different features and stages from these mythological heroic structures, which satisfy and comfort both the child and adult reader. Therefore, the objective of this essay is, first, to show this combination of heroic features and stages from fundamental mythological structures that create such an appealing narrative, and second, to discuss how the narrative satisfies and comforts the reader.

Hero Myths, Dreams and Structure

Dudley Jones and Tony Watkins quote Carl Gustav Jung's argument that the hero myths "are transcultural and transhistorical because they emerge from the collective unconscious" [4, p.7]. Similarly, Campbell, as a follower of Jung, contends that "myth is the secret opening through which the inexhaustible energies of the cosmos pour into human cultural manifestation" [1, p.3]. Furthermore, Rank, one of Sigmund Freud's apostles, deems myth as "disguised, symbolic fulfilment of repressed, overwhelmingly Oedipal wishes lingering in the adult" reader (Segal, viii). What can be inferred from these psychological concepts is that myth — and more specifically, the hero myth — has and will always pervade human culture and history. These "inexhaustible energies" are our own "repressed" wishes for a hero to come along and do something to heal an endangered world. Furthermore, these "Oedipal wishes" are our wishes that through the hero myth we can find at least some of the freedom that is withheld from us in our childhood. In addition, both Campbell and Rank stress the importance and relation between dreams and myth. They both agree with Freud's assertion that our dreams are a manifestation of the fulfilment of our own childhood wishes. The human imagination is then the "ultimate source of all myths" [8, p.6–7].

Ultimately, both Rank and Campbell see that there is a strong relationship between the private dream and the public myth as expressions of a common cultural content.

As a result of Campbell's extensive studies in myth and religion, he concludes that although hero myths vary in detail, structurally they are very similar. Campbell calls this theory the "monomyth" and he explores it in his work "The Hero with a Thousand Faces". He claims there that "the standard path of the mythological adventure of the hero is a magnification of the formula represented in the rites of passage: separation departure — initiation — return", which means that the hero's development consists of three major sections or phases. The first major phase is separation or departure where the hero begins his journey from the "world of common day into a region of supernatural wonder". The following phase is initiation where the hero encounters "fabulous forces" in the form of numerous trials and ordeals. This phase ends with the hero's "decisive victory". The last phase is called return, and in this phase the hero starts his journey home from his "mysterious adventure" bringing with him the boon he has secured on his journey to bestow it "on his fellow men" [1, p.28].

Similarly, Rank analyses hero myths from societies around the Mediterranean Sea, from Mesopotamia and from India. Hero myths like those of Oedipus, Hercules, Remus and Romulus, the Persian hero Cyrus and the Indian hero Karna among many others are analysed in detail in his work "The Myth of the Birth of the Hero". Like Campbell, Rank contends that most heroic myths share certain features. He outlines these similarities: The hero is the child of most distinguished parents. His origin is preceded by difficulties. During or before the pregnancy, there is a prophecy, in the form of a dream or oracle. Usually threatening danger to the father (or his representative) ... As a rule he is surrendered... in a box. He is then saved by animals, or by lowly people. After he has grown up, he finds his distinguished parents, in a highly versatile fashion. He takes his revenge on his father, on the one hand, and is acknowledged, on the other. Finally he achieves rank and honors. [8, p.57]

In Rank's outline of the hero's development, in addition to the suggestive titling of his work, we can see that events around and even before the birth of the hero are the focus of his analysis. Robert Segal discusses the same distinction in the introduction to "InQuest of the Hero"; in his discussion of Campbell's and Rank's schemes he argues that Rank's pattern is "limited to the first half of life" while Campbell's in contrast, "involves the second half even more" [8, p.16].

In previous research in this area, in "Harry Potter — A Return to the Romantic Hero", Maria Nikolajeva "deems it legitimate and fruitful" to apply Campbell's theory of the monomyth, because the movement of separation-initiation-return "corresponds to the master plot of children's fiction, home-away-homecoming" [5, p.126]. In contrast to Nikolajeva's article where Campbell's monomyth is discussed, Katherine Grimes discusses Rank's theory of the myth of the birth of the hero (in her article "Harry Potter. 'Fairy Tale Prince, Real Boy and Archetypical Hero"). However, some of their claims can be questioned; for example, Nikolajeva does not fully follow Campbell's pattern throughout its various stages, but instead discusses the role of the mythical hero and how it affects the reader. Grimes, in contrast, follows Rank's scheme but due to the whole of the series not being completed at the time she wrote the article, she was unable to trace all of Rank's scheme. However, like Nikolajeva, she also discusses how Rank's mythical hero affects the reader. There seems to be a gap in the previous research which this essay aims to fulfil. The essay will therefore aim to discuss both patterns and later discuss these essays' arguments concerning the impact of the mythical patterns on the reader.

Furthermore, Segal continues with arguing that Rank's structure "begins with the hero's birth; Campbell's, with his adventure". Where Rank's pattern ends with "the adult hero ensconced at home", Campbell's structure begins [1, p.17]. In the Harry Potter series, however, important features such as the prophecy from Rank's pattern are introduced into the latter part of the series. Therefore, Rank's scheme does not end before Campbell's begin. Rather, Rank's scheme over-

laps with Campbell's structure, at least in the Harry Potter series. Because features in Rank's pattern occur before the birth of the hero, there needs to be some form of exposition. Rowling ingeniously utilizes a magical object, the "pensieve" into which memories that are siphoned from certain characters' minds can be poured and examined [11, p.519]. This object serves as a device for exposition of events common in Rank's scheme which occurs before the birth of the hero. Moreover, Campbell's patterns of the "rites of passage: separation — initiation — return" can be applied to all seven novels individually. However, I will treat all seven novels as an entity and follow the development of the hero throughout all seven narratives while incorporating Rank's pattern where it is apparent.

Separation [Departure]

In Rank's scheme, which begins before Campbell's, the hero is separated from his parents soon after his birth and "surrendered... in a box" [8, p.57]. In the first chapter of "Harry Potter and Philosopher's Stone", Harry is similarly left in a "bundle of blankets" [8, p.24] to "lowly people"; in this case the lowly people are Harry's only remaining relatives the Dursleys: his aunt Petunia, his uncle Vernon and his cousin Dudley. Their lowliness is represented by their ordinariness. The Dursleys are also important in Harry's development with regards to Rank's heroic pattern and his discussion of the importance of neglect in the protagonist's heroic development. Rank states that "opportunities arise only too frequently when the child is neglected, or when he misses the entire love of the parents" [8, 60]. By introducing the characters of the Dursleys, Rowling presents a picture of a tragic, innocent fairy-tale protagonist, such as Cinderella, in Harry who is inherently good despite the maltreatment he suffers.

Mary Pharr emphasises another aspect of the Dursleys' treatment of Harry when she argues that "by abusing Harry, The Dursley family makes him identify with the abused" [14, 57]. By abusing Harry, the Dursleys make him understand what kind of position petty cruelty and suppression can put people in. For example, Harry recognizes the same superiority and cruelty in Draco Malfoy on the train to Hogwarts and, consequently, he declines Draco's offer of friendship [14, p.120].

In Harry's subsequent heroic development, Campbell's hero pattern can be perceived as beginning. According to Campbell, the first phase, the separation or departure, consists of five stages. The hero receives a "call to adventure," sometimes in the form of a "blunder" that "reveals an unsuspected world," or through the appearance of a "herald" from that world — usually some shadowy, veiled, mysterious figure, or someone "dark, loathly, or terrifying, judged evil by the world" — who may literally call the hero "to live or to die" [1, p.46–48]. Both the blunder and the appearance of a herald are signs that are apparent in "The Philosopher's Stone". The blunder that reveals the unsuspected world of

magic is the letter that is sent to Harry. The blunder which occurs, "apparently by the merest chance" [1, p.46] is Harry's own belief that the letter must be some form of mistake because "no one, ever, in his whole life, had written to him. Who would?" [1, p.42]. Interestingly, in "The Philosopher's Stone", the second stage in Campbell's departure phase, the refusal of the call, takes place before the herald makes his appearance. The refusal of the call which typically comes from the hero is reversed here. In this case the refusal can be inferred as the reaction of the Dursleys, who destroy the re-appearing letters and drive away from the house. Although Harry does not know that the letter contains the promise of adventure, the transposition of Campbell's structure creates suspense and curiosity.

However, the call to adventure cannot be prevented and the herald makes his appearance. The herald in the Harry Potter series is Rubeus Hagrid and we can see by his entrance and description that he fits the model of the herald: "A giant of a man was standing in the doorway. His face was almost completely hidden by a long shaggy mane of hair and a wild, tangled beard, but you could make out his eyes, glinting like black beetles under his hair" [14, p.55]. Hagrid's description fits the model of the herald, with a dark physical stature that could be deemed evil. The proposal of "to live or to die" that the mythical herald offers is represented by the choice of going to Hogwarts where he will experience friendship, happiness and nurture, or the choice "to die", which is to stay with the Dursleys and keep living in the same detestable neglect and abusive environment that he has lived with for ten years.

After receiving the Call, the monomythic hero acquires "supernatural aid" from "a protective figure often a little old crone or old man who provides the adventurer with amulets". The hero can rest assured, when danger looms, he "has only to know and trust, and the ageless guardians will appear" [1, p.63–66]. In Harry's adventure, the magical "amulets" are his wand and invisibility cloak. His wand is provided by the wand maker Mr. Ollivander, who is described "as an old man," while Albus Dumbledore, the "tall, thin and very old" headmaster of Hogwarts gives Harry an invisibility cloak [14, p.93]. In addition, in "The Deathly Hallows", Harry encounters two other magical objects, the Resurrection stone which holds "the power to bring back the dead" and the Elder wand which is "more powerful than any wand in existence" [10, p.331]. Harry receives the Resurrection stone through Dumbledore's will and the Elder wand he wins in a battle.

According to Campbell, the hero next crosses the undetectable threshold that normal people are "more than content", even proud, to avoid seeing. This threshold hides an unknown world that leads to a sphere of rebirth and may be defended by a protective guardian and/or a destructive watchman [1, p.71]. There are many thresholds that Harry has to cross to step into the unknown magical world. The Leaky Cauldron and Platform Nine and Three-Quarters are thresholds to Diagon Alley and the Hogwarts Ex-

press. There are also other and less frequented thresholds that hide an unknown world. A department store hides St Mungo's Hospital for Magical Maladies and Injuries and underground public toilets are portals into the Ministry of Magic. While all of these thresholds are not indefinitely defended by a "guardian", in the second novel, "Harry Potter and the Chamber of Secrets", the threshold at Platform Nine and Three-Quarters is sealed by the house-elf Dobby [9, p.112]. The fact that all of these thresholds cannot be seen by normal people suggests that the defense mechanisms of these thresholds are ignorance. Knowledge of how to reach these thresholds has to be acquired by Harry in order to pass through them.

In the departure phase's final stage the hero—"instead of conquering or conciliating the power of the threshold"—"is swallowed" in "the belly of the whale." "The hero goes inward, to be born again" [1, p.83]. This may mean that the hero dies and is born again. In Harry's heroic adventure it does not necessarily mean really dying, it is more symbolical. By passing thresholds into the unknown magical world, Harry shrugs off his commonness in the Muggle (non-magic) world and embraces his uniqueness, thereby being reborn as a new person.

As we can see, most of the stages in Campbell's first phase are fulfilled in the Harry Potter series. More interestingly, when Harry receives the call from the herald, we can see the overlapping of the two structures, since a few more of Rank's features are revealed to the protagonist. Harry is the "child of distinguished parents"; in this case his father is a wizard and his mother a witch. Moreover, Harry gets to know that his "origin is preceded by difficulties" when it is revealed that the main antagonist of the series, Lord Voldemort, tried to kill him as a baby [14, p.64–65].

Furthermore, it can be seen that, Campbell's structure and first phase is not strictly adhered to when the refusal of the call occurs before the arrival of the herald. Campbell defines the refusal as "refusal to give up what one takes to be one's own interest" [1, 55]. Therefore, the Dursleys' fear of anything strange and mysterious and their unwillingness for Harry to partake in anything mysterious and strange could be deemed as a refusal of the call. The hero who usually is the one that hesitates in accepting the call is ignorant of the call. As a result, the narrative becomes suspenseful when both the reader and the protagonist are ignorant of the call to adventure. Moreover, we can see that the two theories complement each other well at certain stages. For example, neglect and lack of love which are important in Rank's hero pattern makes the hero especially susceptible to the call to adventure in Campbell's structure.

Deborah De Rosa also stresses the effect that neglect has on the hero's inclination for escape and adventure. In her discussion of the safe home and the threatening unknown environment, she convincingly argues that "Rowling prevents 'boredom' by upsetting expected elements in the initiation paradigm". De Rosa continues that "Rowling inverts the traditional paradigm" of the initiate leaving the safe home for

the unknown and threatening environment [2, p.163–165], Harry departs from the hostility and neglectful life with the Dursleys to the contrasting nurture and safety in the unknown wizarding world. Granted, the wizarding world contains its own dangers, however, Harry does not suffer from the malnutrition and ostracism of the unsafe Dursley household.

Initiation

The first stage in the "monomyth's" initiation phase is "the road of trials," a series of tests in which the hero is assisted by the advice or agents of those who have offered supernatural aid, by the talismans given him, or by a "benign power everywhere supporting him" [1, p.89]. This stage fits the Harry Potter series best because the hero is faced with a series of tests and ordeals in each novel throughout the series which he overcomes by using the magical items or advice given to him by supernatural helpers. Dumbledore serves as Harry's mentor throughout the series, providing advice and help. Harry's friends, Ron and Hermione, can also be deemed to be helpers to the hero. Ron and Hermione provide Harry with certain abilities that he does not possess when they have to overcome obstacles to reach their goal. Hermione provides intelligence, learning and logic, while Ron is the traditional sidekick and brother-in-arms to the hero. Neville and Luna are two other characters — although quirky — who remain faithfully by Harry's side and give surprising aid at crucial times.

The hero might also encounter a goddess, a temptress, or both. We can see here again the flexibility of Campbell's pattern in the Harry Potter series when this stage actually takes place in the epilogue to the last novel, "The Deathly Hallows", where we find out that Harry is married to Ginny. While Ginny is not really a "goddess", she is the princess that is saved by the hero, a fact that is shown in the second volume of the Harry Potter series, when Harry saves Ginny from Voldemort. Harry is rewarded with marrying the princess, after all "the barriers and ogres have been overcome". According to Campbell, the marriage fulfils "the hero's total mastery of life; for the woman is life, the hero its knower and master" [1, p.100]. The "barriers and ogres" represent various obstacles that hinder Harry's search for happiness. Ginny represents Harry's completion as a hero. He has found the "barriers and ogres" in his life and has overcome them.

After the encounter with the goddess or temptress, atonement with the father or father figure is sought. The father figure is represented as "the initiating priest through whom the young being passes on into the larger world" [1, p.125]. While there are many father-figures in Harry's life (his uncle Vernon, his Godfather Sirius Black, his school teacher Remus Lupin) only Dumbledore is present throughout all seven narratives and he is the one who could be viewed as the initiating priest through whom the protagonist "passes on into the larger world". Dumbledore em-

bodies the omniscient character that possesses knowledge that the protagonist seeks but will not acquire until he has proven himself.

We can see signs of Dumbledore's influence on Harry's life very early in the series. In "The Philosopher's Stone" Dumbledore places Harry with the Dursleys because the fame of defeating Voldemort would: "be enough to turn any boy's head. Can't you see how much better off he'll be, growing up away from all the fame until he's ready to take it?" [14, p.20]. While we find out later in "the Order of the Phoenix" that Harry is also magically protected from Voldemort as long as he remains in the care of the Dursleys [13, p.737], it is safe to suggest that Dumbledore in his omniscience believes that living in ignorance in a non-magical world, Harry is distanced from all praise that could make him arrogant.

Furthermore, it is interesting to see that Harry does not seem to want to confront his father figure or the influence he wields over Harry's life. For example, in "The Philosopher's Stone", after his "trial", Harry asks why Voldemort attempted to kill him: "why would Voldemort want to kill me in the first place?" to which Dumbledore answers: "I cannot tell you. Not today. Not now. You will know, one day. And Harry knew it would be no good to argue" [14, p.321]. Very early, Harry demonstrates a lack of curiosity and agency by not pursuing the answer to his question. Even though Harry at other times acts and explores forbidden questions and places without the approval of Dumbledore in almost every volume, ultimately, only Dumbledore as "the initiating priest" decides how and when Harry passes on "into the larger world". Eventually, Harry does progress from his lethargic role in his relationship with Dumbledore. The demise of Harry's godfather Sirius in "The Order of the Phoenix" which Harry feels responsible for is the incident that sparks Harry's revolt against Dumbledore [13, p.726–727]. Harry's sense of guilt in the loss of "the closest thing to a parent" he has ever known, is the last factor that convinces Dumbledore "that Harry is ready for the knowledge Dumbledore has kept from him for so long" and that Harry has "proved that Dumbledore should have placed the burden upon Harry before this time" [13, p.738–739].

Despite the confidence shown by Dumbledore in Harry, the influence and guidance in Harry's quest are still apparent even after Dumbledore's death in the end of "The Half-Blood Prince". The influence on Harry continues when Harry finds out in the end of the ultimate novel "The Deathly Hallows" that he was helped by Snape on Dumbledore's orders. As a result of Dumbledore's influence on Harry's life, atonement is reversed in the Harry Potter series. In Harry's eerie meeting with Dumbledore in the "after-life" in "The Deathly Hallows", it is Dumbledore who asks for Harry's forgiveness and understanding for the manipulation that has led to Harry's death [10, p.571].

While the hero of Campbell's monomyth strives for atonement with a father figure, Rank's hero pattern which is heavily influenced by his discipleship to Freud has many oedipal tendencies: "the hero takes his revenge on his father, on the one hand, and is acknowledged, on the other" [1, p.57]. The father in Rank's structure does not have to be the protagonist's father. Because Harry is an orphan, the oedipal characteristics are represented by a tyrant, in this case Voldemort. For example, we can see in "The Philosopher's Stone" with the herald's appearance that an opposition is set between Voldemort and Harry, when Hagrid tells him that Voldemort killed Harry's parents. Furthermore, Hagrid voices his scepticism that "Voldemort is still out there somewhere but lost his powers" [14, p.65–67]; not only is a possible return suggested but also a confrontation with the father figure.

Moreover, in "The Half-Blood Prince", we can see in Voldemort's and Harry's similarities, that their oedipal relation is further intensified. They are both orphans that grow up in non-magical communities. They both see Hogwarts not only as an escape out of misery but also as their home. Furthermore, the manner in which they receive the information of their aptitude for magic intensifies their natural proclivity for good vs. evil. Harry is surprised, incredulous but curious. In contrast, Voldemort expresses excitement: "I can make bad things happen to people that annoy me... I knew I was different. I knew I was special" [12, p.254]. However, they also differ in other ways: while Harry is ignorant of any magical gifts, Voldemort's powers are "surprisingly well-developed for such a young wizard" and he is already "using magic against other people, to frighten, to punish, to control" [12, p.258–259]. Furthermore, earlier in the series, in "The Goblet of Fire", we find out that Harry's and Voldemort's wands are twins through their same core and in the final volume we find out that they share the same ancestors in the Peverell brothers. All of these similarities strengthen their connection. However, the journey into Voldemort's past is important to the hero because it also enables him firstly, to understand how he can defeat the tyrant in the ultimate confrontation and secondly, to differentiate himself from the evil that Voldemort embodies.

In this stage of Campbell's structure, a feature that characterizes Rank's hero pattern, the prophecy, is revealed with help of the pensieve in "The Order of the Phoenix": "The one with the power to vanquish the Dark Lord approaches... the Dark Lord will mark him as his equal, but he will have the power the Dark Lord knows not and either must die at the hand of the other for neither can live while the other survives" [13, p.741]. Although the characteristic of a prophecy is the definitiveness of the outcome, they are also vague. For example the prophecy in the Oedipus tale tells that King Laius of Thebes will be killed by his son (Oedipus). Laius abandons his son in the river but the son is saved and is raised in Corinth by King Polybus. When Oedipus receives the prophecy that he will kill his father and marry his mother, he flees Corinth in the belief that the prophecy refers to his foster parents. But, he unwittingly kills his father Laius on the way and after saving Thebes, he is given the hand of the queen, his mother, therefore fulfilling the prophecy [8, p.17].

While the prophecy in the Oedipus tale is definitive we can see that the prophecy in the Harry Potter series is more ambiguous since it is unclear who "must die at the hand of the other". Furthermore, the journey of the protagonist is prolonged when the prophecy reveals that he possesses a "power the Dark Lord knows not". Harry must discover this innate power in order to defeat his adversary.

The penultimate stage of Campbell's initiation phase is the hero's apotheosis, which is literally a transcendence of one's humanity to become godlike [1, p.138]. Harry reaches his apotheosis when he learns that "he must die" because a "part of Voldemort lives inside him" [10, p.551]. Love and sacrifice are both religious motifs that serve an important role in the Harry Potter series. It is seen when Harry's mother sacrifices herself out of her love for Harry which gives him a permanent shield. The same sacrificial motif can be seen in the final novel, when Harry performs the last heroic and selfless act of sacrificing himself, just like his mother did: "I've done what my mother did. They're protected from you" [10, p.591]. In his consequent sacrifice, Harry transcends to the after-life and returns, fulfilling his apotheosis.

The initiation phase's final stage is the receiving the ultimate boon, which could be the elixir of life or the God-like power of Zeus and Buddha [1, p.168]. The ultimate boon in the Harry Potter series helps Harry defeat Voldemort in the knowledge that he is "the true master of death" who "accepts that he must die, and understands that there are far, far worse things in the living world than dying" [10, p.377]. The outcome of this knowledge leads to Voldemort's defeat, which consequently leads to peace which is bestowed "on his fellow men".

The pattern, where most of the stages in Campbell's initiation phase are fulfilled while features from Rank's hero pattern are apparent, is still in effect. Moreover, it should be noted that Rank's features create suspense in the plot by prolonging the hero's adventure and creating new twists and turns. The prophecy is an example where the plot gets a new twist when the hero has to face a life-threatening confrontation with his nemesis. By making her prophecy ambiguous in the outcome of the demise of either Harry or Voldemort, Rowling forces her protagonist to discover any weaknesses in the antagonist before the last altercation.

Most importantly, in the initiation phase we can see the importance of Rowling's use of doubling and dualities in the Harry Potter series. The series is full of dualities, as we can see for example in the relationship between the caring and nurturing Weasleys as opposed to the abusing and neglecting Dursleys. Not only do these dualities create a clear distinction between good and bad for the reader, but they also affect Harry in his heroic development as described in Rank's hero scheme. Since Rank's scheme is so focused on oedipal tendencies with the son replacing the father, it becomes difficult to interpret Harry Potter from an oedipal reading. However, I would argue that Rowling's use of dualities helps solve this problem. The revenge on the father

is solved in the antagonism between Harry and Voldemort, Harry's revenge is towards the tyrant Voldemort that murdered his parents. The marriage to Ginny Weasley represents Harry's completion in the replacement of the father. By marrying Ginny, Harry acquires the same family that he lost as a child, the family where Harry acquires female nurture and motherly caring with the Weasleys but is deprived of in the care of the Dursleys.

Return

The third and last phase, Campbell's return phase, consists of six stages or possible aspects of the hero's return after accomplishing his feat. The hero could refuse to return or to give the boon to civilization. His homecoming could involve a "magic flight" that might be opposed or furthered by "magical" means, the hero's attempt to return could end in disappointment, or he could be rescued from outside the unknown world. On returning, the hero may become the "master of the two worlds," which involves attaining the ability to pass easily between them, and he might attain the "freedom to live," to work in the known world without anxiety (1, 179–221).

Harry does not have any difficulties with the return phase in the conclusion of the series in what is understood from the epilogue in "the Deathly Hallows". The "anxiety" that he displays at the ending of each of the preceding volumes when he has to return to the Dursleys is gone. In this epilogue he is happily married to Ginny and has three children. He is the "master of the two worlds," since he does not have any difficulties with passing through the different worlds, a fact that is shown when he accompanies his own children through the same barrier to Platform Nine and Three-Quarters that he passed through in his heroic journey. Moreover, another sign of "anxiety" that is represented by the link with Voldemort is severed when Rowling concludes her narrative with stating that "The scar had not pained Harry for nineteen years. All was well (10, 604–607).

All of the stages in Campbell's last phase are not fulfilled. Because most of the stages involve reluctance on the part of the hero to return to the known world, a solution is needed for this conundrum. The solution is an amalgam where Rowling creates a balance between the magical world and the ordinary when Harry acquires the nurturing and loving home with his new family that he was deprived of as a child, while he still has access to any other wizard and witch to the wonders of the magical unknown world.

Modernization and Value of Myth

As the hero's journey finishes, a discussion about the value of these mythological structures is relevant. First of all, Rowling's own literary abilities should be mentioned and praised. What makes Harry such an appealing character is Rowling's ability to evoke sympathy in the reader in her depiction of Harry as the tragic, ill-treated but still humble boy. Further-

more, Rowling satisfies the desires of both the reader and the protagonist when she reveals the protagonist's uniqueness in the call to adventure. In this revelation, she translocates the protagonist to an awe-inspiring environment where Harry "grapples with his life-altering lessons about personal identity" [2, p.164]. These "life-altering lessons" are provided by his friends and his mentors. For example, In "the Chamber of Secrets", when Harry is dismayed about his similarities with Voldemort, Dumbledore teaches him that "our choices show what we truly are, far more than abilities" [9, p.416]. Harry understands the important lessons that our actions speak louder than words.

Moreover, in her depiction of the protagonist, Rowling defies the stereotypical characteristics of the hero; the immortal, invulnerable Adonis bulging with muscles and with great battle prowess. Harry is bespectacled, small and skinny with knobby knees and unruly hair [14, p.27]. Despite another of Zipes' assertions that Harry "is the perfect model, because he excels in almost everything" [17, p.180]. Harry is not the most intelligent in the school and he most certainly is not the omnipotent hero that overcomes every obstacle by himself. In fact, Rowling provides him with life-long friends in Ron and Hermione who remain by his side through all the numerous trials and tribulation, and whom he needs to overcome them.

Additionally, in the climax of every trial in each novel in the series, Rowling aids Harry in overcoming his adversary with the help of Dumbledore, Snape and even his dead parents. Nikolajeva argues that the success of the Harry Potter series lies in how the novels manage to "both to empower the child and to protect him from the dangers of adulthood". She continues with explaining that "the child hero can be as brave, clever, and strong as he pleases, but in the end, an adult will take over" [6, p.235]. This claim can be discussed, however. In the last novel of the series, Harry reaches adulthood when he returns from the "after-life" and the conversation with Dumbledore, to confront Voldemort alone and take responsibility for all the people that fight for him. This seems to suggest that the only "adult" that takes over in the end, is Harry himself when he finally "comes of age".

Most importantly, in the series Rowling recurrently expresses that love and friendship can overcome evil and destruction. Love is such a strong motif in the Harry Potter series, that it even gives a substantial magical protection. To become the complete hero Harry must undergo some form of self-development where he comes to know his own potential and "the value of other creatures, great and small". To understand that love and friendship can overcome any obstacles is a lesson in Harry's heroic development. As it says in the prophecy, the hero "will have the power the Dark Lord knows not". Love first and foremost is the one redeeming power that can overcome any evil deed. Moreover, these motifs give the reader either child or adult assurance that no matter what, the story is going to have a happy ending.

In her discussion of the mythological hero, Nikolajeva argues that it is not possible to treat Harry Potter as a mythic

hero in the conventional sense since the mythical figure was essential for survival; and therefore it is not relevant to children [5, p.126]. However, she concurs that the mythic figure is a source of inspiration to authors of children's literature. Ultimately, she contends that Harry Potter is the romantic hero who is assisted by magical helpers to triumphantly ascend from the underdog position to perpetual fame and riches [5, p.126, 128]. Nikolajeva's article is yet another that was written before the completion of the series, and while it has its merits, some of the claims can be questioned. Among these claims is the argument that the mythical figure is essential for survival and that he is not necessarily relevant for children. First, Nikolajeva does not clarify why the mythical figure is essential for survival, which makes it difficult to understand her argument. Second, although ancient hero myths may not be relevant for young readers, one cannot deny that hero myths like Oedipus and Hercules sometimes ring true to the young reader. In fact, if a pattern keeps reappearing where the hero goes through the same steps throughout culture and history, it implies a correlation between human imagination and culture. These mythical heroic features do not have to be essential for survival, but for an understanding of life and death and love and hate. These concepts are relevant to all readers, to varying degrees.

While Grimes, too, discusses the romantic fairy-tale quality of Harry Potter, she also discusses what effect myths have on the reader. She argues that a function of the archetypical or mythical hero is "to help establish our connection with God". God represents wisdom and power, we desire this power, and we also want approval and freedom. She argues that adults "vicariously experience Harry's learning that he is destined for greatness, for a meaningful mission". Ultimately, she contends that Rank's theories «provide us with allegories to understand our own worst and best impulses, to help us understand birth, death, sex, identity, and good and evil". Grimes, recognizing Rank's scheme in the Harry Potter series, claims that Rank's theories help us understand concepts such as birth, death, sex, identity, and good and evil. Whether Harry helps us understand all of these concepts can be discussed. While it can be agreed that themes of death, identity and good and evil help the reader understand life in the Harry Potter series, it can be argued whether it helps the reader understand the themes of birth and sex. Harry as a character and the series in general do not delve into questions about sexuality. Granted, there are infatuations between some of the teenage characters but the topic of sex is not further explored. However, there are other concepts that fill this void; stability, nurturing and family are more important and valued.

Furthermore, in my reading of Campbell's and Rank's heroic structures, certain objections can be raised. For example, both of them focus on similarities of hero myths, in Campbell's discussion, similarities of religious and tribal rites and Rank takes his similarities from Mediterranean and Mesopotamian hero myths. Campbell explains his choice in

the preface to "The Hero with a Thousand Faces" where he states that he has overlooked the differences and by focusing on the similarities he hopes to contribute to "human mutual understanding". The result is that Campbell's work does not contain a hero myth that applies or adheres to every stage in the structure, which excuses any failed attempt of seeing the monomyth in any particular literary work. Nevertheless, the point that Campbell and Rank like to stress is that there is something recognizable in their respective structures that has played a cord in readers' hearts and recognition for a long time and always will.

There have been numerous approaches to understanding myth, such as psychoanalytical approaches to dreams and human imagination. While it is ambitious to claim that Rowling consciously used these mythological structures, one cannot deny that modern writers are very aware of these psychoanalytical models in seeing myth narrative due to their overexposure in our culture or "collective consciousness". As a result, writers are influenced either positively or negatively. In the Harry Potter series, Rowling has created a narrative about a tragic childhood overcome by adventure where the protagonist undergoes a self-devel-

opment of his personal identity. While the series does not fully adhere to each individual theory, the amalgamation of different features from these heroic schemes makes the "fortunate blend of the straightforward and the reasonably intricate, the heroic and the everyday in Harry Potter" [6, p.225].

Furthermore, myth is not something we can discard easily because it pervades and has pervaded culture since time immemorial. We cannot deny our satisfaction and gratification when popular mythological patterns are adapted in cinematic and literary media. The Harry Potter series is a worthy example of a text where mythological heroic structures are recognizable. With a heroic pattern that grips our unconscious and our deeply ingrained views of Good and Evil, the Harry Potter series is a modernization of a traditional formula where Rowling has created a highly sympathetic protagonist who in many ways is the antithesis of the omnipotent and powerful hero. The Harry Potter novels are so popular because they contain recognizable features from recurring mythological structures. Just as we sympathetically visualize the young lonely orphan experiencing adventures, it pleases us when he finds friendship, nurture and love.

References:

1. Campbell, Joseph. (1949) *The Hero with A Thousand Faces*. Commemorative ed. Princeton: Princeton University Press, 2004.
2. De Rosa, Deborah. "Wizardly Challenges to and Affirmations of the Initiation Paradigm in Harry Potter". *Harry Potter's World: Multidisciplinary Critical Perspectives*. Ed. Elizabeth E. Heilman. New York: London: RoutledgeFalmer. 2003. 163–184.
3. Grimes, M. Katherine. "Harry Potter. Fairy Tale Prince, Real Boy and Archetypical Hero". *The Ivory Tower and Harry Potter: Perspectives on a Literary Phenomenon*. Missouri: University of Missouri Press 2002. 89–122. EBook.
4. Jones, Dudley & Watkins, Tony (Ed.), "Introduction": *A Necessary Fantasy?: The Heroic Figure in Children's Popular Culture*, New York: Garland, 2000.
5. Nikolajeva, Maria. "Harry Potter — A Return to the Romantic Hero". *Harry Potter's World: Multidisciplinary Critical Perspectives*. Ed. Elizabeth E. Heilman. New York: London: RoutledgeFalmer. 2003. 125–140.
6. Nikolajeva, Maria. "Harry Potter and the Secrets of Children's Literature". *Critical perspectives on Harry Potter*. Ed. Elizabeth E. Heilman. 2 Ed. New York: Routledge, 2009. 225–241.
7. Nikolajeva, Maria. *Harry Potter: Perspectives on a Literary Phenomenon*. Missouri: University of Missouri Press 2002. 53–66. EBook.
8. Rank, Otto. *The Myth Pharr, Mary. "In Medias Res. Harry Potter as Hero-in-Progress "*. *The Ivory Tower of the Birth of the Hero: In Quest of the Hero*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
9. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Chamber of Secrets", London: Bloomsbury.1998.
10. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Deathly Hallows", London: Bloomsbury.2007.
11. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Goblet of Fire", London: Bloomsbury.2000.
12. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Half-Blood Prince", London: Bloomsbury.2005.
13. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Order of the Phoenix", London: Bloomsbury.2003.
14. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Philosopher's Stone", (1997) London: Bloomsbury.2004.
15. Rowling, J.K. "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban", London: Bloomsbury, 1998.
16. Segal, Robert. "Introduction": *In Quest of the Hero*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
17. Zipes, Jack David. *Stick and Stones: The Troublesome Success of Children's Literature from Slovenly Peter to Harry Potter*. New York: Routledge, 2001.

Особенности идеографических синонимов и их заменяемость в пределах синонимического ряда

Петухов Александр Андреевич, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматривается понятие «идеографические синонимы», характерные особенности употребления и заменяемость идеографических синонимов в английском языке на примере анализа сочетаемости синонимического ряда.

Ключевые слова: синонимия, идеографические синонимы, синонимический ряд, синонимическая доминанта.

Тема синонимии в английском языке является достаточно обширной. Синонимическими отношениями между словами пропитан весь английский язык. Синонимы являются важной частью любого языка. Они выполняют две важные функции — отвечают за разнообразие речи, а также за более точную, четкую и яркую передачу информации.

До конца 19 века синонимы рассматривались только как выразительное средство языка. Более глубокому изучению синонимии способствовало развитие структурной лингвистики в 20 веке.

Что же такое синонимия? В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой *синонимия* определяется как совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т.д. Термин *синонимика* же, в свою очередь, означает а) совокупность синонимов какого-либо языка; б) отдел лексикологии, изучающий синонимы и в) то же, что и термин «синонимия». *Синонимы* в словаре О. С. Ахмановой определяются как члены тематической группы, которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств [3, с.406–407]. Таким образом, *синонимия* определяется как свойство, *синонимы* определяются как слова, обладающие этим свойством, а *синонимика* — как совокупность данных слов в языке и как раздел лингвистики, изучающий данные слова.

Существует несколько систем классификации синонимов, но на данный момент общепризнанной является классификация синонимов, разработанная В. В. Виноградовым. Согласно системе классификации В. В. Виноградова синонимы делятся на *абсолютные, стилистические и идеографические*.

Абсолютные синонимы — это слова, эквивалентные, т.е. полностью совпадающие по своим значениям и оттенкам значений, и, следовательно, взаимозаменяемые во всех контекстах. Согласно И. В. Арнольд, абсолютные синонимы появляются в языке в результате семантических или других изменений в тех группах, в которые они входят. В большинстве своем такие изменения происходят в ре-

зультате заимствования иностранных слов. В качестве иллюстрации данного положения И. В. Арнольд приводит следующий пример:

«Примерами, иллюстрирующими это положение, может служить рассмотренная нами выше история слова *travel*. Именно потому, что в английском языке уже был глагол с таким же значением, как заимствованное французское *travailler*, последнее сильно изменило свое значение и стало означать путешествовать, но, получив такое значение, оно оказалось абсолютно синонимичным исконному слову *lidan*, и последнее в силу этого оказалось вытесненным из языка» [2, с.300].

Стилистические синонимы — это слова, имеющие схожее, а зачастую одно и то же значение, но отличающиеся стилистической окраской, т.е. употребляющиеся в разных языковых стилях. Как пишет Т. С. Руженцева, стилистические синонимы обычно отличаются не столько денотативной составляющей, сколько сферой употребления [5, с.38]. Например, стилистическими синонимами являются существительные *enemy*, *adversary* и *opponent*. Все они соответствуют русскому *соперник*, но первое является стилистически нейтральным, второе относится к книжному стилю, а третье — к официальному.

В чем состоит особенность идеографических синонимов? Согласно И. В. Арнольд, идеографические синонимы отличаются либо дополнительными значениями и сопутствующими представлениями, либо употреблением и сочетаемостью с другими словами, но чаще и тем и другим, поскольку устойчивые контексты употребления тесно связаны со смысловой структурой и влияют на значение слова [2, с.297].

Зачастую бывает очень сложно провести четкую грань между стилистическими и идеографическими синонимами. В. Г. Виллюман в своей работе «Английская синонимика» приводит 2 точки зрения на данную проблему. Согласно одной точке зрения, идеографические синонимы, по сравнению со стилистическими, нейтральны в стилистическом отношении, например, идеографическая пара *excellent* — *splendid* по сравнению со стилистической *stunning* — *topping*. Согласно другой, идеографические синонимы всегда стилистически однородны, а стилистические — разнородны, т.е. согласно данной точке зрения, пара *stunning* — *topping* тоже будет являться идеографической,

поскольку является стилистически однородной. Эти же слова окажутся стилистическими синонимами, если поместить их в один ряд: excellent — splendid — stunning — topping [4, с.46]. Отсюда можно сделать вывод, что одно и то же слово может быть и стилистическим, и идеографическим синонимом, но в разных синонимических рядах. Эта точка зрения принадлежит советскому лингвисту В.А. Звегинцеву. Согласно его точке зрения, нестилистических синонимов нет, поскольку в определенных условиях контекста стилистически нейтральные синонимы могут стать стилистически окрашенными, так же, как и стилистически окрашенные синонимы могут в определенных условиях потерять свою окраску и стать нейтральными [4, с.47]. Другими словами, стилистически нейтральные синонимы, несмотря на то, что в большинстве случаев не имеют стилистической окраски, все же будут принадлежать к отдельному стилю языка, а значит, обладать стилистической окраской, что противоречит понятию «нейтральность». Таким образом, одной из особенностей идеографических синонимов является их *стилистикальная однородность*.

Но самая интересная особенность идеографических синонимов заключается в возможности их заменяемости в некоторых контекстах. Тем не менее, во многих учебниках по лексикологии данная особенность не указывается. Это главным образом послужило интересом для анализа сочетаемости идеографических синонимов. Итак, рассмотрим данную особенность идеографических синонимов в приведенном ниже анализе синонимического ряда, взятого из англо-русского синонимического словаря Ю.Д. Апресяна.

В ряде синонимов *anger — indignation — wrath — ire — rage — fury* общим денотативным значением является злость — отрицательная эмоция, вызываемая действиями или обстоятельствами, которые являются неприятными для человека [1, с.34].

Синонимы данного ряда отличаются друг от друга по следующим коннотативным признакам: 1) интенсивность эмоции; 2) причины, вызывающие данную эмоцию; 3) характер и форма проявления эмоции. В соответствии с различием в интенсивности проявления эмоции существительные данного ряда делятся следующим образом:

- 1) средняя степень интенсивности: anger, indignation;
- 2) выше средней степени: wrath, ire;
- 3) крайняя степень интенсивности: rage, fury.

В свою очередь, существительное *anger* может означать:

1) как кратковременную вспышку эмоций, так и более устойчивое чувство: *in anger he broke the vase — со злости он разбил вазу; a dull anger began to gather again at the back of his mind — гнев снова начал накапливаться в глубине его души;*

2) как объективную, так и не объективную злость: *when I saw the boys throwing stones at the dog I was filled with anger — когда я увидел, как мальчики кидают камни в собаку, я был вне себя от злости; we sometimes do things in anger that we are sorry for afterwards — иногда в гневе мы делаем вещи, о которых потом сожалеем;*

3) как бурно проявляющееся, так и сдерживаемое чувство: *in anger he killed her with the knife — в порыве злости он зарезал ее ножом; he gritted his teeth in anger at the insult — он стиснул зубы от злости и обиды;*

Таким образом, синонимической доминантой данного ряда будет являться существительное *anger*, так как оно обладает наиболее абстрактным значением для всего синонимического ряда. Все члены данного синонимического ряда сочетаются с предлогами *with* и *in*, но в несколько разных контекстах:

1) *filled with anger (wrath) — наполненный злостью (гневом); she flushed with ire — она покраснела от гнева; he quivered with indignation — он трепетал от негодования; she was mad with rage — она была в бешенстве; he trembled with fury — он дрожал от ярости;*

2) *he did that in anger (wrath, ire) — он сделал это в порыве гнева; her voice rose in indignation — ее голос становился возмущенным; he gritted his teeth in fury (rage) — он скрипел зубами от ярости* [1, с.35].

Рассмотрим сочетаемость членов ряда с прилагательными. Ниже представлены списки прилагательных, с которыми сочетается каждый член ряда в отдельности:

anger: bitter, black, cold, deep, fierce, great, savage, terrible, genuine, real, growing, rising, sudden, controlled, pent-up, suppressed, popular, public, widespread [6, с.25];

indignation: considerable, great, high, widespread, public, moral, righteous, mock [6, с. 408];

wrath: full, great, divine [6, с. 887];

rage: blind, cold, icy, pure, helpless, impotent, pent-up, suppressed [6, с. 616];

fury: cold, controlled, inner, pent-up [6, с. 335].

Сочетание прилагательных и существительных данного синонимического ряда представим в виде следующей таблицы:

Сущ.	Прилагательные						
	cold	great	controlled	Pent-up	suppressed	public	widespread
anger	+	+	+	+	+	+	+
indignation	-	+	-	-	-	+	+
wrath	-	+	-	-	-	-	-
rage	+	-	-	+	+	-	-
fury	+	-	+	+	-	-	-

Можно заключить, что один идеографический синоним может употребляться в том же контексте, что и другой, а значит, заменяемость идеографических синонимов возможна.

Тем не менее, в заменяемости идеографических синонимов существуют некоторые ограничения. Первое и очевидное заключается в сочетаемости заменяющего синонима с контекстом. Так, например, в словосочетании *cold anger* существительное *anger* нельзя заменить его идеографическим синонимом *indignation* хотя бы по той причине, что существительное *indignation* не сочетается с прилагательным *cold*. Второе же ограничение заключается в том, что при замене слова его идеографическим синонимом необходимо учитывать их коннотативные различия. К примеру, мы можем заменить абстрактное *anger* более эмоционально выраженным *fury* с целью подчер-

кнуть степень злости, но мы не можем заменить *indignation* на *rage* без последующего за этим искажения смысла в тексте. В ситуации, когда нужно заменить слово идеографическим синонимом без серьезного искажения смысла в высказывании, можно заменить его синонимической доминантой ряда, в котором оно представлено, при условии, если конечно оно само не является синонимической доминантой. Например, в предложении *he growled with barely controlled fury* существительное *fury* можно заменить синонимической доминантой *anger*, и это не повлечет за собой серьезного смыслового искажения.

Основная проблема заключается в том, что синонимическая доминанта в синонимических словарях указывается далеко не всегда. Именно поэтому необходимо обладать навыками анализа синонимического ряда для нахождения синонимической доминанты самостоятельно.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Англо-русский синонимический словарь [Текст] / Ю.Д. Апресян [и др.] — М.: Рус. яз., 1979. — 544 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 376 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
4. Вилюман, В.Г. Английская синонимика [Текст] / В.Г. Вилюман. — М.: Высш. школа, 1980. — 128 с.
5. Ружемцева, Т.С. Лексикология: учебно-практическое пособие [Текст] / Т.С. Ружемцева. — М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2011. — 128 с.
6. Oxford Collocations Dictionary for students of English [Текст] / Oxford University Press, 2002. — 930 с.

Идиоматичность семантики производного слова как результат взаимодействия полисемии и словообразования (на материале немецкого языка)

Стрелков Александр Борисович, аспирант
Московский педагогический государственный университет

В данной статье рассматривается проблема взаимодействия двух способов расширения словарного состава немецкого языка: многозначности и словообразования.

Ключевые слова: словообразование, полисемия, немецкий язык.

Традиционно под идиоматичностью понимают формальную невыраженность, имплицитность тех или иных компонентов значения [1, с. 17]. Чем менее выделяем в производном слове мотивировочный признак, чем менее прозрачна словообразовательная структура, тем более высока степень его идиоматичности.

Е.А. Земская и Е.С. Кубрякова, вслед за В.В. Виноградовым, усматривают аналогию между такой особенностью значения производных и идиомами: В идиомах связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она не понятна, не мотивирована с точки зрения синхронии. Аналогия между семантикой производного слова

и идиомы способствовала тому, что указанную особенность производного слова в... языкознании называют идиоматичностью (или фразеологичностью) его значения [2, с. 117].

Таким образом, идиоматичность производного слова есть несводимость его значения к значениям его составных частей. Так, И.С. Улуханов указывает, что значение слова считается фразеологизованным, если оно не равняется простому соединению значений морфем, образующих его, и целое не может быть получено из частей по правилам. Именно наличие дополнительных семантических компонентов делает мотивированное слово идиоматичным. [3, с. 276].

Идиоматическое приращение возникает в результате взаимодействия семантики корней и аффиксов и приводит к асимметрии значения и структуры производного слова. Сам факт возникновения идиоматичности производного слова связан, по-видимому, не только с необходимостью номинации некоего объекта действительности, но и со спецификой человеческого сознания, и свидетельствует об отражении в языке того, что принято называть национальным сознанием. В. А. Звегинцев, в частности, отмечал, что национальное своеобразие содержательной структуры слова связано не с внутренней формой слова, а именно с идиоматичностью значения: «Идиоматичность, как онтологически присущее языку свойство, придает слову статус индивидуальной лексической единицы, обладающей неповторимым, индивидуальным значением — сферой отражения национально-культурной специфики семиотических систем. Именно благодаря идиоматичности в слове «за кадром» содержится имплицитная культурная информация, отражающая опыт общения и обращения с тем или иным предметом, элементом действительности» [1, с. 31].

Таким образом, явление идиоматичности есть, с одной стороны, факт произвольного, непредсказуемого приращения смысла или смыслов, и слова с фразеологической семантикой не могут быть заданы правилами, они резко отличаются от тех регулярных образований, которые могут быть порождены с помощью словообразовательных моделей или синтаксических трансформаций [2, с. 117]; с другой стороны, идиоматичным в производном слове оказывается лишь та часть информации, которая может быть вскрыта любым носителем данного языка.

Степень идиоматичности зависит от того, насколько полно и каким образом сохраняется или трансформируется в нем семантика исходной единицы. Вопрос о фразеологичности производного слова тесно связан с вопросом о том, какие именно структуры мотивируют производные слова разных типов и могут рассматриваться в качестве непосредственного источника деривации. Актуальной задачей словообразования является в этой связи установление набора тех формальных и семантических признаков, которые сохраняются в структуре производного слова или, напротив, устраняются из нее, при разных источниках деривации. Другой стороной этой проблемы оказывается вопрос о том, насколько полно морфологическая структура производного слова отражает формальные и семантические свойства мотивировавшей его единицы [там же].

Специфика идиоматического приращения к значению производного слова обуславливается еще и тем, что мотивированность его имеет двоякий характер: дериват может быть мотивирован семантикой исходной единицы и своей структурой. При этом на степень идиоматичности влияет комплексность семной организации лексических значений производящего и производного имен — чем сложнее структура лексического значения производящего

слова, тем выше вероятность фразеологизации [1, с. 19]. Дополнительное влияние на степень фразеологизации оказывает функциональный тип значения мотивирующего слова, статус (ядерный или периферийный) семы лексического значения производящего слова, актуализирующейся в производном слове, и семантическая нагруженность форманта.

Некоторые лингвисты подчеркивают также, что идиоматичность не выводится по стандарту, что характерно для производных слов, которым свойственен минимум идиоматичности значения, так как является уникальным, неповторимым, индивидуальным приращением к значению производного. Слова с фразеологической семантикой, с одной стороны, не могут рассматриваться как немотивированные языковые знаки. С другой стороны, они не могут порождаться строгими грамматическими правилами, так как их значение всегда содержит нечто специфическое, индивидуальное» [1, с. 118]. Предполагается, что идиоматические приращения регулируются иными правилами, учитывающими не только включенность в значение производного слова значения производящего, но и его особое взаимодействие с семантикой словообразовательного форманта и словообразовательной модели, по которой образовано производное слово.

Идиоматичность, кроме того, отражает специфическое видение номинируемой реалии субъектом номинации и нечто очевидное для всех говорящих на данном языке, не требующее выражения.

Однако «уникальность» идиоматического «приращения» к значению не является гарантом ее «непредсказуемости», невыраженные компоненты значения, составляющие основу идиоматичности, обусловлены компонентами выраженными, запечатленными в морфодеривационной структуре производного, что свидетельствует о том, что уникальность идиоматического приращения является детерминированной, мотивированной, узнаваемой в производном слове. Предопределенность фразеологизация значения является типичной чертой производных слов, создаваемых и воспринимаемых всеми говорящими на данном языке. В этой связи идиоматичность следует считать не только языковым феноменом, но и феноменом сознания познающего субъекта, осуществляющего номинативную деятельность.

Таким образом, изучение производных слов с точки зрения идиоматичности их значения представляется продуктивным прежде всего с точки зрения антропоцентрического подхода к языку.

В этом же заключается и слабость данного подхода. Он не пытается объяснить причины изменений семантики производного слова, но связывает семантические модификации со спецификой сознания носителя языка, с определенными индивидуальными особенностями номинациями. Можно даже сказать, что в какой-то степени мы имеем здесь с дело с «бегством» от лингвистического решения проблемы идиоматичности.

Литература:

1. Антипов, А. Г., Стрыгина О. В. Идиоматичность словообразовательной формы в структуре номинативной деятельности // Наука и образование: Тезисы докладов второй научно-практической конференции. — Белово, 2001. — с. 117–122.
2. Земская, Е. А. Язык как деятельность: морфема, слово, речь. М.: Яз.славян, культуры, 2004—681 с.
3. Улуханов, И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка — М.: Изд. Центр «Азбуковник», 2005. — 311 с.
4. Голев, Н. Д. Функция мотивировки // Производное слово и способы его формирования. — Кемерово, 1990. — 121 с.

Бинарные концепты «любовь/love» и «ненависть/hate (hatred)» в культурологическом, философском и лингвистическом аспектах

Теппеева Джамиля Рамазановна, магистрант
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

В статье рассматриваются концепты «любовь/love»-«ненависть/hate (hatred)», а также характеризуется бинарность их отношений в ракурсе различных аспектов для более подробной характеристики данных концептов. Определяются степени их взаимосвязи.

Ключевые слова: песенный дискурс, любовь, ненависть, бинарность, концепт.

Одной из важных задач современной науки о языке является осмысление языковых и речевых фактов через призму лингвокультурологических методов анализа, через концептуальный анализ ключевых понятий, формирующих языковую картину мира. К такого рода понятиям относятся лингвокультурные эмоциональные концепты «любовь» и «ненависть», которые представляют собой сложные ментальные образования, имеющие языковое выражение и отмеченные этнокультурной спецификой. Целью представленной статьи является рассмотрение данных бинарных концептов в ракурсе различных аспектов.

«Любовь» и «ненависть» представляют собой «концепты-оппозиции» или бинарные оппозиции, так как их эмоциональная и логическая взаимосвязь отражена на разных уровнях репрезентации названных концептов. Концепты «любовь», «ненависть», несомненно, входят в категорию культурных концептов, являясь сегментами национальной концептосферы.

На сегодняшний день бинарная оппозиция — это универсальное средство познания мира. В описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, которые имеют универсальный характер: жизнь — смерть, любовь — ненависть, счастье — несчастье и т.д. Левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая, соответственно, — отрицательно [Руднев, 1997]. В современной концептологии и когнитивистике используются различные термины для обозначения бинарных концептов: концепт-антиконцепт, концептуальная оппозиция, концепт-оппозиция, семантически сопряженные

категории и т.п. С.Г. Воркачев в статье «Лингвокультурная концептология: становление и перспективы» выделяет антиконцепты, которые вместе с концептами составляют единую лингвокультурную идею: идея успешности судьбы (счастья) неотделима от несчастья, справедливости — от несправедливости, патриотизма — от космополитизма [Воркачев 2007: 19]. В соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей бинарная оппозиция предполагает не только контрастное противопоставление ее крайних членов, но и их медиацию и дополнительность.

Концепт «любовь» заслуживает изучения как один из фундаментальных культурных концептов. Понятие «любовь» довольно многоаспектно. Любовь, будучи универсальной человеческой ценностью и занимая особое место среди лингвокультурных концептов, имеет собственное языковое выражение, специфическое для различных этнокультур при наличии некоторой базовой признаковой общности. Концепт любовь — одна из важных составляющих языкового образа внутреннего мира человека.

Л. Э. Кузнецова на основе анализа представлений о любви в этических и психологических исследованиях создает семантическую модель этого понятия. Любовь — это, в первую очередь, глубокое, обычно иррациональное чувство, переживаемое человеком и направленное на другого человека, преимущественно половое, вызывающее сильные переживания и предполагающее проявление уважения, заботы и нежности [Кузнецова 2006: 202]. В результате исследования описаний любви как межличностного чувства в этико-психологических работах ис-

следовательница выделяет в семантической модели понятия следующие признаки: 1) интегральный признак «ценность»; 2) центральное положение предмета любви в системе ценностей субъекта; 3) признак «положительность»; 4) немотивированность выбора объекта любви; 5) индивидуальность объекта любви; 6) сексуальная окрашенность.

Ю. С. Степанов, анализируя лексемы любовь, нрав, нравиться, выделяет такой компонент концепта «любовь», как «взаимное подобие» [Степанов 2001]. Любовь как «универсалия культуры субъективного ряда», в которой фиксируется отношение к объекту как к чему-то ценному; представляет собой, по мнению С. Г. Воркачева, «телеономный концепт в квадрате»: она формирует смысл индивидуальной жизни и через выход за пределы отдельного бытия, и через стремление к единению с абсолютным благом [Воркачев 2007: 41]. Телеономные концепты — это «высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни, — идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть...» [Воркачев 2003]. Концепт «любовь» отражает представление о базовых ценностях и «экзистенциальных благах» [Брудный 1998:75], в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами «счастье», «вера», «надежда». По словам философа Готфрида Лейбница, «любить — это находить в счастье другого свое собственное счастье». Существует немалое количество пословиц, поговорок, афоризмов, раскрывающих сущность данного чувства, начиная от известного высказывания «Все побеждает любовь» (Вергилий Марок Публий) до знаменитой строчки из песни группы Beatles «All you need is love...». С психологической точки зрения, любовь является когнитивным и социологическим феноменом. Единого определения любви, как и единой классификации данного понятия нет. Обобщенный прототип, семантическая модель любви, построенная на базе анализа представлений о ней в научном типе сознания — в этических и психологических исследованиях и словарях, выглядит следующим образом. Любовь — что чувство, вызываемое у субъекта переживанием центрального места ценности объекта в системе его личностных ценностей при условии рациональной немотивированности выбора этого объекта и его уникальности. При этом любящий хочет получить предмет в свою «личную сферу», желает ему добра и счастья, он находит в любви смысл своей жизни. Любовь полна антиномий: она амбивалентна — включает в себя момент ненависти к своему партнеру, вместе с наслаждением приносит и страдание, она — результат свободного выбора объекта и сильной от него зависимости. [Воркачев 2003: 189–208]. В отличие от других концептов, таких как, к примеру, счастье, любовь невозможно описать в терминах сущностных признаков, отправляющих к определенным причинам возникновения этого сильного чувства. Признаком, позволяющим отличить лю-

бовь от просто «хорошего отношения» и от дружбы, является произвольность выбора объекта, его беспричинность: человек не может выбирать, кого ему любить, а кого нет [Зубец 1990: 94]. Специфика песенного дискурса проявляется в том, что предметом изображения зачастую являются коллизии, связанные именно с отношениями между двумя полами.

Таким образом, совокупность дефиниционных признаков концепта «любовь» формируется интегральным признаком ‘ценность’ и дифференциальными признаками «положительность» и «центральность», дополняемыми в случае любви-межличностного чувства признаками «немотивированности (выбора объекта)» и «индивидуализированности объекта».

Концепт «ненависть» не имеет глубокой теоретической традиции, но Х. Ортега-и-Гассет рассматривает его во взаимосвязи с концептом «любовь». Он определяет ненависть как неприятие чего-то злого, абсолютную несовместимость с предметом ненависти. Ненавидеть кого-либо означает не принимать сам факт его существования [Хосе Ортега-и-Гассет 1991]. Ненависть-чувство; как многие чувства, защитная реакция организма при конфликте установок, предназначенная для преодоления рационального конфликта иррациональным путем — например, любовь предназначена для преодоления конфликта между установкой на продолжение рода и установкой на сбережение сил и спокойную жизнь; ненависть предназначена для преодоления конфликта между гуманностью и очевидной целесообразностью негуманного поступка. Основным выделяемым семантическим признаком концепта «ненависть» является интенсивность ненависти как эмоции. Ненависть предполагает полное неприятие объекта субъектом. С точки зрения целого ряда мировоззренческих доктрин, ненависть определяется как антитеза любви, её полная противоположность. Религиозно-философские доктрины, как правило, отрывают любовь от ее земных основ и отождествляют ее сущность с самим Богом (абсолютом). Феномен же ненависти, напротив, всячески удаляется от божественного источника любви. И поскольку любовь тождественна самому Богу, постольку она приобретает абсолютный характер. Тогда как зло (ненависть) относительно. Реже встречаются концепции, которые абсолютизируют зло. Типична в рассматриваемой связи позиция известного немецкого философа Ф. Ницше, который утверждал, что истинной природе человека отвечает война и потому она «необходима». В лингвистическом плане дискурс ненависти можно определить как процесс (вос) производства устных и письменных текстов с эмоционально-смысловой доминантой «ненависть». «Ненависть» как эмоциональный концепт может проявляться в тексте эксплицитно (через посредство прямой номинации этой эмоции и использования соответствующих эмотивов), а также имплицитно — путём актуализации сопряжённых с ненавистью понятий и категорий, таких как отвращение, презрение, страх и т.д. Основными свойствами дискурса ненависти являются агрес-

сивность, иррациональность и манипулятивность. С точки зрения социобиологического подхода, нетерпимость биологически предопределена, так как является врождённым свойством человеческой психики. Кроме биологического фактора немалое влияние на поведение оказывают социальное окружение и процесс социализации. То, как ведёт себя индивид, во многом обусловлено культурой (социальные нормы и ритуалы), в которой он воспитан. Поэтому всё, что отличается от норм, ценностей и представлений индивида может восприниматься им как чуждое и враждебное.

Учеными был проведен эксперимент, в результате которого выяснилось, что за влюбленность и резкое неприятие других людей отвечают одни и те же части мозга. Не случайно ведь говорят, что от любви до ненависти — один шаг [How Hatred Transforms Your Brain, 2009]. С этой точки зрения любовь и ненависть не являются противоположностями, они связаны друг с другом. Противоположностью, как любви, так и ненависти, является равнодушие. Вот как это выражается в песенном дискурсе:

- I hate you then I love you... (Celine Dion)
- I hate everything about you, why do I love you... (Three days grace)
- I love you so much, I hate you so bad... said “I don't miss you”, you know that's not true... (K. Palmer)
- Я люблю и ненавижу... (И. Круг)

Особенность репрезентации концептов «любовь» и «ненависть» в русском языке заключается в том, что лексические единицы, участвующие в этом, могут описывать порой в разных контекстах противоположные чувства. Это подтверждает наличие единого семантического пространства у двух концептов.

В целом вербализация концептов «любовь» и «ненависть» осуществляется в словарных дефинициях, в текстах художественной литературы, в пословицах, цитатах, а также в песнях, которые отражают опыт нации, образ ее мышления, тем самым вырисовывается широкая палитра чувств, причем эти чувства неоднозначно воспринимаются и, как следствие, данные концепты представляют собой особый интерес.

Литература:

1. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века.. — М., 1997.
2. Воркачѳв, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт: монография / С. Г. Воркачѳв. — Москва: Гнозис, 2007. — 19с.
3. Кузнецова, Л. Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и тендерный аспекты: Автореф. дис... канд. филол. наук / Л. Э. Кузнецова. — Волгоград, 2006. — 202 с.
4. Степанов, Ю. Константы. Словарь русской культуры / Ю. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
5. Зубец, О. П. «Одной любви музыка уступает» // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат, 1990.
6. Хосе Ортега-и-Гассет. Этюды о любви, М., 1991

Печорин — вечный герой нашего времени

Халикова Мадина Хусейновна, студент
Чеченский государственный университет

*Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая
от зноя пламенной жизни земля...*

В. Г. Белинский

Творчество великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, проникнуто призывом к свободе и счастью, к борьбе за раскрепощение человека, сыграло огромную роль в развитии русской и мировой литературы. Одним из самых богатых поэтических созданий, дышащее свежою, юною роскошною жизнью у Лермонтова является его знаменитый роман-явление не только русской литературы, но и всего мирового литературного процесса. «Герой нашего времени» является новым словом в русской и мировой литературе.

Наряду с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина, «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя лермонтовский «Герой нашего времени» находится у истоков нового русского романа. Эти произведения — те «три кита», на которых стоит вся последующая русская романистика второй половины XIX столетия, принеся русскому словесности мировую славу.

О роли в этом процессе «Героя нашего времени» образно и точно сказал Л. Н. Толстой». Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы... должны стремиться.

Вся великая русская река романа растекается из этого прозрачного источника» зачатого на снежных вершинах Кавказа».

«Герой нашего времени» впитал в себя многообразные, творчески трансформированные на новой исторической и национальной основе традиции предшествующей мировой литературы изображения «героя века».

В «Герое нашего времени» автор остается верен задаче — поведать о «мечтах, делах и приключениях» своего народного героя, об их противоречивом взаимодействии.

Как и всякое подлинное классическое произведение, «Герой нашего времени» вот уже на протяжении почти двух веков живет интенсивной художественной жизнью, постоянно обновляясь в сознании все новых и новых поколений.

Говоря же непосредственно о «Герое нашего времени», великий критик утверждал: «Вот книга, которой суждено никогда не стариться».

Работа Лермонтова над романом продолжалась около двух лет: 1838—1840 гг. Появился он в печати не сразу, а выходил частями.

Роман «Герой нашего времени» состоит из пяти повестей, объединенных главным действующим лицом — Печориным. Роман построен так, что Печорин и его история последовательно представляют читателю как бы с трех точек зрения. Предисловие автора объясняет цель, общий замысел произведения. Затем идут путевые записки автора, начинающие повесть «Бэла», центральным в повести является рассказ старого офицера, который перебивается описанием крестового перевала. Повествование Максима Максимыча осложнено и тем, что в первую его часть включен рассказ Казбича, а во вторую характеристика Печорина.

Повесть «Максим Максимыч» хронологически является последней повестью в романе композиционно она связующее звено между «Бэлой» и всеми последующими повестями.

В повестях «Журнал Печорина», написанных от первого лица, появляется третий «рассказчик, третье по счету авторское «я» — сам Печорин, судьбой которого автор заинтересовался еще в рассказе Максим Максимыча.

Центральной фигурой, которая сопровождает от начала до конца в романе является Печорин. И мне бы хотелось остановиться на нем. Его образ одно из главных открытий Лермонтова. Печоринский тип поистине эпохален. Это разочарованный молодой человек, находящийся в конфликте с обществом, переживающий трагедию одиночества и затем неудачной любви.

Печорин из тех людей, за которым начиная со второй половины XIX века упрочилось определение «лишнего человека». Лишние люди были тогда необходимы, как необходимо теперь чтобы их не было. Печальный рок лишнего, потерянного человека только потому, что он развился в человека, являлся тогда не только в поэмах и романах, но и на улицах, в деревнях и городах. Но это время прошло. Теперь нет лишних людей, а напротив.

Изображения характера Печорина — сильного и твердого и одновременно внутренне противоречивого и «текучего», непредсказуемого в своем поведении и судьбе, пока смерть не поставит в его развитии последнюю точку, — было тем новым, что внес Лермонтов в художественное постижение человека.

Несоответствие внутреннего внешнему и в то же время обусловленность интенсивного развития духовной жизни невозможностью ее проявления в свободной и многообразной жизнедеятельности с большой глубиной и многосторонностью запечатлены в образе типа-Печорина, в его контрастном распадении на внешнего и внутреннего, в конфронтации между этими двумя сторонами его личности. Он особенно обостренно чувствует противоречивость своего состояния. Душа Печорина внутренне не однородна и противоречива.

Свобода для Печорина является главной целью в жизни. На волю Печорина действуют как страсти, так и разум. Он сам говорит, что думает головой, а не сердцем. И тем самым, подчеркивает особую черту своего характера — никогда не изменять своим правилам. Печорин воплощает такие качества родового человека как развитое сознание и самосознание «полнота чувств и глубина мыслей».

Несмотря на то, что Печорин так и не нашел своей цели в жизни — это один из источников трагизма его судьбы, — было бы несправедливо утверждать, что у него нет жизненных целей вообще. Одна из них постижение природы и возможностей человека. Печорин хочет вызвать «в человеке человека», но он осуществляет это отнюдь не гуманными средствами. Он нередко переступает грань между добром и злом, а иногда меняет их местами, исходя из своих представлений. Это смешение добра и зла придает ему черты демонизма, особенно с женщинами. Примером является его роман с Мэри и то, как жертвой своеволия Печорина стала Бэла, насильственно вырванная из ее среды. В начале он полюбил ее, всем сердцем. Постепенно и Бэла показала ему свою любовь. И вот тогда Печорин начал выявлять свои странности. Для него любовь-это ничто иное, как достижение цели и после достижения которая уничтожается. Любовь Бэлы была для него полным бокалом сладкого напитка, который он выпил зараз, не оставив в нем ни капли: а душа его требовала не бокала, а океана. Он от нечего делать соблазняет женщин, а потом ищет средств чтобы от них избавиться. Печорин человек решительный, алчущий бурь и тревог, готовый на все ради выполнения даже прихоти своей. Он не думает о последствиях, его не волнуют чувства других, он коварный и все же, в нем есть что-то, что заставляет читателя любить его.

В нем живут два человека: первый действует, а второй смотрит и рассуждает о нем. Причины этого раздвоения, очень глубоки, и в них же заключается противоречие между глубиной природы и жалкостью действия одного и того же человека.

Мне бы хотелось вспомнить один случай в романе, когда Печорин по дороге в Эссентуки к Вере, упал с лошади и от бессилия горько заплакал. И здесь, мы видим

совершенно другого человека — напряженная гордость, холодная твердость-все исчезает: уже нет человека, волнующего страстями, — перед нами бедное, бессильное дитя, слезами омывающее свои грехи и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя. По-моему, это случай, к которому автор стремиться от начала романа, это как бы разоблачение Печорина.

Литература:

1. В. Г. Белинский. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. С. — Петербург. 1840. Часть 1.
2. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. М.: Художественная литература, 1986.
3. Белинский, В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В. Г. Белинский. — М. Просвещение 1987.

Печорин не равнодушно несет свои страдания; бешено гонится за жизнью, ища ее повсюду; обвиняя себя в своих заблуждениях. Он сделал из себя самый любопытный предмет наблюдения.

Беда и вина Печорина в том, что его подменно — независимое сознание, его свободная воля переходит в ничем не ограниченный индивидуализм.

К вопросу о методике подготовки переводчиков на современном этапе

Чадина Ирина Сергеевна, магистрант

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева

Данная статья посвящена вопросам подготовки переводчиков на языковых факультетах. В статье рассмотрены основные этапы подготовки переводчиков, а также способы формирования переводческой компетенции учащихся.

Ключевые слова: переводческая компетенция, перевод, методика обучения переводу.

Процесс глобализации предъявляет новые требования ко всем сферам нашей жизни. В том числе и к образованию. Так же это касается вопроса подготовки переводчиков. Так как переводчик является посредником в межкультурной коммуникации, его роль в обществе все больше возрастает. Все это порождает новые требования к разработке инновационных методик обучения переводчиков.

Обобщая представленные в литературе сведения, можно сказать, что перевод — это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные картины мира, разные литературы, разные эпохи, разные уровни интеллектуального развития, разные традиции и установки в поведении.

Таким образом, мы рассматриваем переводчика как посредника, который обеспечивает возможность общения между людьми, говорящими на разных языках, иными словами дает, возможность процесса межъязыковой коммуникации. Но возникает закономерный вопрос, как же подготовить профессионального переводчика. В связи с возросшими требованиями, предъявляемыми на рынке труда к уровню профессиональных качеств переводчика, в особенности остро встает вопрос о профессиональной компетенции применительно к профессии переводчика.

В этой связи представляется верной точка зрения, согласно которой, «... переводчики являются посредниками при передаче содержания, мыслей и чувств, заложенных в культурное пространство текста» [1, с. 210], так же стоит подчеркнуть мысль о том что, «... задача переводчика осложняется необходимостью показать читателю чужую действительность, иную культуру, сохранить текст» [1, с. 213]

Считаем необходимым, привести определение понятия переводческой компетенции. Переводческая компетенция — это совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи. К базовым составляющим переводческой компетенции большинство исследователей относят знания, умения, навыки необходимые переводчику во всех видах перевода. К специфическим составляющим относятся знания, умения, навыки необходимые в каком-то одном или нескольких видах перевода (письменном, зрительно устном, последовательном, синхронном) [4, с. 12].

Таким образом, мы переходим к главной задаче подготовки переводчиков, а именно формирование переводческой компетенции. Поэтому создаваемые методики обучения должны согласовываться в с данной целью.

Как уже отмечалось выше, переводческая компетенция это сложная многомерная лингвокогнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позволяющие переводчику осуществить акт межъязыковой и межкультурной коммуникации. Разные

исследователи выделяют различные компоненты переводческой компетенции, но заслуга создания целостной концепции переводческой компетенции принадлежит В. Н. Комиссарову. «В процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», не переводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом» [2, с. 243].

В связи с изменениями в ситуации на рынке труда, спрос на переводчиков становится крайне высоким, следовательно, лишь приобретение учащимися переводческой компетенции поможет помочь стать им профессиональными переводчиками, востребованными на рынке труда.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть нынешнее состояние и перспективы развития методики обучения переводчиков в ВУЗе, позволяющих формировать переводческую компетенцию.

Методика обучения переводу как наука на данном момент находится на начальном этапе развития. Многие вопросы методики являются спорными до сих пор. Один из самых спорных вопросов касается организации обучения переводу. Имеющиеся в этой области достижения требуют дополнительных исследований. Учебные программы медленно перестраиваются в соответствии с новыми потребностями российского общества и государства

Возникает множество споров о том, как же все-таки учить переводу. Программы обучения различаются по уровню сложности, длительности и содержанию. На современном этапе качество перевода волнует не только преподавателей и практиков, но и профессиональные сообщества, и правительственные организации.

Важно отметить, что содержание обучения переводу во многом определяется теми знаниями, умениями и навыками, которые необходимы для создания у обучаемых профессиональной компетенции переводчика. Для переводчика — это языковые знания и речевые навыки и умения во всех основных видах речевой деятельности. [6, с. 8].

Научно-теоретическую базу для построения содержания профессиональной подготовки переводчика составляют труды Алексеевой И. С., Комиссарова В. Н., Латышева Л. К., Миньяр-Белоручева Р. К., Сдобникова В. В. и др. В них мы можем обнаружить разные вопросы о теории и практики перевода, рассматриваются вопросы подготовки переводчиков в современных условиях.

Необходимо отметить, что в части лингвистической подготовки нельзя одинаково готовить и будущего преподавателя иностранного языка и будущего переводчика. Остается устойчивым представление о возможности профессионального обучения переводу в процессе преподавания иностранного языка без учета модели специалиста, вне контекста профессиональной деятельности перевод-

чика, изолированно от других профессионально значимых знаний и умений, в отрыве от приобретаемого лингвистического, профессионального и жизненного опыта.

Спорные вопросы, связанные с построением программы подготовки специалистов в области перевода и переводоведения приобрели особую актуальность в связи с введением в нашей системе образования системы «бакалавриат — магистратура». Теперь «Перевод и переводоведение» становится одним из четырех профилей направления «Лингвистика», таким образом, вузы готовят не переводчиков, а лингвистов с переводческим уклоном. Но это не должно сказаться на качестве подготовки будущих переводчиков, необходимость в которых будет постоянно возрастать. Но это новшество может создать некоторые проблемы при составлении образовательных программ.

Считаем необходимым отметить, что структура подготовки студентов специальности «Перевод и переводоведение» отражена в Государственном образовательном стандарте. В Госстандарте указано, что студенты должны изучать определенные циклы дисциплин: общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины (ГСЭ), общие математические и естественнонаучные дисциплины общепрофессиональные дисциплины (ОПД), специальные дисциплины, включая дисциплины специализации (СД), факультативы (ФТД). [5 с., 18]

Основой для разработки методик обучения переводчиков является Госстандарт. Но стоит отметить, что Госстандарт определяет лишь минимум образовательной программы, а более четкое содержание учебных программ и распределение часов является прерогативой ВУЗов. Важно помнить, что методы обучения должны соответствовать и максимально приближены к современным реалиям.

Основная задача курса перевода заключается не в сообщении студентам некоторой совокупности знаний, а в подготовке из них высококвалифицированных специалистов, способных выполнять переводы на профессиональном уровне [5, с. 26]. По мнению многих ученых, успех в подготовке будущих переводчиков во многом зависит от личности преподавателя. Повышает эффективность преподавания умение преподавателя постоянно соотносить процесс обучения с практической переводческой деятельностью, демонстрировать, как решил бы ту или иную переводческую задачу профессиональный переводчик, убедительно предлагать собственные варианты.

К основным этапам подготовки переводчиков в соответствии с концепцией Сдобникова В. В. мы относим, обучение технологии перевода, предпереводческий и переводческий анализ текста, перевод спецтекстов, обучение устному переводу, языковая подготовка, переводческая практика студентов.

Подготовка переводчиков осуществляется не только путем преподавания курса теории перевода и практического курса перевода первого и второго иностранных языков, но путем прохождения студентами учебной и про-

изводственной переводческих практик и написания ими курсовой работы и выпускной квалификационной работы. [5, с.21]

Что касается занятия по переводу, то основной целью является выделение часто встречающихся проблем, с которыми студенты обязательно столкнутся и нахождение возможных путей их решения. Не стоит заикливаться на стремлении перевести большое количество текстов как можно быстрее [3].

Одним из основных недостатков существующих методик обучения переводу мы считаем недостаточное внимание к начальному этапу в обучении переводу, а также к подготовке преподавателей по переводу. К сожалению, в настоящее время мы не обладаем научно обоснованными программами подготовки преподавателей перевода.

Обобщая представленные в литературе сведения, мы можем отметить, что, не смотря на значительные достижения в методике обучения переводу, по-прежнему необходимо совершенствовать содержание профессиональной подготовки переводчиков в ВУЗе. Мы выделяем несколько основных этапов на пути к этому: а) акцент на профессионально-личностно ориентации обучения; б) более тщательный отбор языкового материала; в) усиление практической ориентации при подготовке. Реализация данных направлений в целом ориентирует образовательный процесс на достижение единства про-

фессионального развития личности и формирование профессионально-деятельностной компетенции будущего переводчика. [7]

В заключение следует отметить, что профессиональное образование переводчиков в вузе в настоящее время обретает качественно новый смысл, выступает как содержание и среда становления личностного и профессионального опыта будущего специалиста в процессе формирования профессиональной компетентности. Этому способствует современное содержание образования, сочетающее академическую фундаментальную языковую подготовку студентов с поэтапным включением их в профессиональную переводческую деятельность и целенаправленным развитием профессиональной личности.

Итак, мы рассмотрели основные моменты в методике обучения переводу на современном этапе. В свете вышесказанного можно сделать вывод о том, что преподавание перевода — сложное и многогранное явление, которая не сводится к бездумной практике постоянных переводов. Преподаватель должен быть посредником, помогающий студентам самим учиться, развиваться, определять какие тексты переводить, а также участвовать в оценке своей деятельности [3]. Успех в совершенствовании методики преподавания перевода нам видится в объединении усилий всех заинтересованных сторон по переосмыслению опыта в области обучения переводу.

Литература:

1. Ивлева, А. Ю. Роль переводчика в передаче культурного пространства текста оригинала // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия / Научный журнал № 1 (29) 2010. — с. 210–215
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. — М.: ЭТС, 2002. — 326 с.
3. Королева, Д. Б. Современные подходы к организации обучения переводу // Современная педагогика. 2015. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pedagogika.snauka.ru/2015/07/4500>
4. Латышев, Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. — 3-изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия». 2007. — 320 с.
5. Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: коллект. монография / под общ. ред. В. В. Сдобникова; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2007. 165 с.
6. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. — 176 с.
7. Оберемко, О. Г. Совершенствование содержания процесса профессиональной подготовки переводчиков в высшей школе. // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-soderzhaniya-protsessa-professionalnoy-podgotovki-perevodchikov-v-vysshey-shkole>

Способы перевода окказионализмов (на примере романа Джорджа Оруэлла «1984»)

Шичкина Мария Геннадьевна, студент;
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

В статье рассматриваются способы перевода окказионализмов на примере романа Джорджа Оруэлла «1984», перевод которого был выполнен В. П. Голышевым. В контекстуальном ключе проанализированы типы перевода окказионализмов, в частности, преимущества и недостатки каждого способа.

Ключевые слова: *окказионализмы; способы перевода; типы перевода; словотворческий способ; калькирование; неэквивалентный перевод.*

«Не слова нужно переводить, а силу и дух», — сказал Иван Алексеевич Бунин, известный русский писатель и поэт, и эта фраза, родившаяся в начале 20-го века, стала точным отражением потребностей перевода во все времена. Для того, чтобы выполнять перевод на такой высокой планке, без буквализма и формализма, необходимо иметь точное представление о том, какие способы и стратегии перевода существуют. В нашем случае — мы говорим о переводе окказионализмов, «индивидуально-авторских слов» (как определяют данный термин Д. Э. Розенталь и М. А. Телёнок), «созданных поэтом или писателем, согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и использующихся исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры». [6, с. 543] В чём сложность перевода окказионализмов? Во-первых, они существуют в одном языке и не имеют аналогов — они возникают как плод фантазии автора, который может таким образом апеллировать к другим источникам, к своему языку, к культуре своей страны и даже, наконец, к отдельным эпизодам своей жизни. Во-вторых, окказионализмы отдельно взятого автора объединены общим стремлением, или, как пишет А. Ю. Ивлева «Можно предположить, что все они объединены одной общей темой, суть которой настолько глобальна и многогранна, что может быть интерпретирована по-разному в зависимости от особенностей восприятия исследователем ее граней» [4, с. 3].

Переводчик, возможно неознакомленный со всей информацией, к которой делает отсылки автор, вынужден выходить из положения, однако не всегда результат его работы оказывается удачным. Чтобы не потеряться в «многоцветии» языка оригинала, переводчику, как нам кажется, следует не только хорошо ориентироваться в огромной системе законов и правил, которые представлены стремительно развивающаяся наука переводоведения, но и уметь реализовывать все свои знания на практике.

Произведение, на основе которого мы проводим наше исследование, называется «1984», и авторство данного произведения принадлежит британскому писателю Джорджу Оруэллу. В своём романе-антиутопии он создаёт новый язык, так называемый «новояз». Новояз — это не просто упрощенный вариант английского языка, это зеркало общества, отражающее все его наклонности, все его достоинства и недостатки, силу и слабость. Через призму языка можно тайно разглядеть то, что не показывается автором явно. И именно поэтому так важно переводчику посредством языка оживить в фантазии читателей мир, застывший на страницах книги. Для этого переводчикам необходимо знание техники перевода окказионализмов.

Окказионализм (авторское новообразование) — в художественной литературе явление частое, и обусловлена данная особенность многими факторами: отчасти тем, что окказионализмы делают язык книги ярче, выразительнее, а отчасти и тем, что зачастую окказионализмы являются существенным штрихом, значительно дополняющим мир, изображенный в книге. Об окказионализмах писали многие учёные. Например, В. А. Давыдова в своей работе «К проблеме перевода фонетических окказионализмов», Е. А. Смирнова, А. А. Кузнецова «Способы и стратегии перевода авторских окказионализмов (на примере романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти»)» «., Е. А. Наугольных — «Окказионализмы как языковая игра писателя». Есть и другие специалисты в данной области, также прямо или косвенно обращающиеся к теме перевода окказионализмов, однако при написании нашей статьи мы опирались на теоретический материал, представленный только работами вышеперечисленных авторов.

Авторские новообразования — неотъемлемый элемент любого романа с вымышленной сюжетной канвой. Намного больше привлекает мир, созданный из ничего искоркой фантазии, чем тот, запывившийся и серый, в котором читатель изо дня в день переживает одну и ту же рутину. Вымышленные миры являются «благоприятной средой» для возникновения окказионализмов. Действие романа «1984», на основе которого мы проводим своё исследование, разворачивается в стране, которой правит безжалостный к своему народу диктатор, преследующий в своей политике только одну цель — удержать власть над миллионами людей. Он (правитель этой страны) использует для достижения своей цели нечестные способы, вводит в заблуждение свой народ, следит за тем, насколько люди преданны общей идее. Следует учитывать при переводе данную сюжетную особенность, так как фабула романа, его психологическая подоплека, абсолютно все детали, на первый взгляд кажущиеся незначительными, существенно влияют на качество перевода любой единицы текста: практически все окказионализмы наряду со своим основным лексическим значением содержат сопутствующие коннотации.

В переводе романа «1984» было использовано несколько способов перевода окказионализмов, однако самым трудоёмким, без сомнения, является создание переводчиком собственных окказиональных слов в языке перевода. В. С. Виноградов, подчёркивая сложность данного способа, пишет: «даже воспринимаемая окказиональное слово как таковое, многие переводчики не решают заниматься словотворчеством и прибегают к более или менее удачным описательным эквивалентам». [1, 240 с.] Мы считаем, что данный способ сложен по причине не только контекстуальности и экстралингвистических особенно-

стей, присущих каждому авторскому новообразованию, но и из-за его особенной неповторимости, которую можно передать лишь условно. Говоря об окказиональном элементе, Э.И. Ханпира называет в числе свойств его «незаданность» языковой системой, новизну, свежесть, первозданность, способность к созданию эффекта первоприсутствия при рождении слова, значения и т.д., «в его свойстве, деформируя норму, нарушать автоматизм узнавания». [7, с. 304.]. Достаточно трудно, учитывая все эти критерии окказионализмов, выполнить адекватный перевод на другой язык. Мы предлагаем разобрать примеры словотворческого перевода окказионализмов, выполненного В. П. Голышевым.

1) NEWSPEAK — новояз. Логично было бы перевести данное слово как «новоговор» (new — новый, to speak — говорить), но звучит оно в языке совершенно нескладно, и с учётом данного фактора, а также сопутствующей слову «говор» коннотации (субдиалект) переводчик решил найти другой вариант перевода. Почему «новояз»? «Яз» — это общепринятое сокращение слова «язык» / «языковой», и следовательно такая форма уже не вызовет отторжения у получателя перевода, уже привыкшего к данному лексико-семантическому элементу в своём языке. То же самое относится к упоминаемому в романе «староязу» (oldspeak).

2) MALREPORTED — превратно. Приставка “mal” означает «плохо» / «плохой» (MALignant, MALicious, MALevolent), to “report” — передавать, сообщать, рассказывать. Однако, учитывая контекст, в котором используется слово “malreported” (зашифрованный текст на маленьком листе бумаге, предназначенный исключительно для одного человека), значение слова не должно быть до конца ясным, слово должно звучать как бы обрывочно, непонятно. В этом случае мы считаем, что переводчик поступил правильно, переведя глагол “malreported” как «превратно» (вспомним персонажа Эллочку из романа «12 стульев», которая выражала свой восторг только одним словом («знаменито»), что подчёркивало фрагментарность, неполноту её речи).

3) DOUBLETHINK — двоемыслие. ‘Double’ — двойной, двойственный, to ‘think’ — думать: знакомые слова для носителя английского языка. Поэтому ‘doublethink’ звучит так естественно: в нём практически нет ничего выдуманного. Переводчик решил создать аналогичный вариант в русском языке. Известно, что в русском языке есть слова, которые начинаются с «двое»: двоевластие, двоеточие, двоеверие и т.д. Также есть и слова, заканчивающиеся на «мыслие»: вольномыслие, глубокомыслие, единомыслие и т.д. Поэтому слово «двоемыслие» будет звучать так же привычно для читателя романа на русском языке, как и ‘doublethink’ на английском.

Но при переводе романа нельзя было ограничиться только словотворческим способом. Переводчик также прибегал к калькированию. Как пишут И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь и М. А. Телёнок, калькированием является одним из способов заимствования путём построения

лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка или заимствования отдельных значений слов. [6, с. 7]. Например:

1) UNPERSONS — нелица. Этот окказионализм был построен таким образом: приставка — UN, имеющая отрицательное семантическое значение + корень PERSON + окончание множественного числа S.

Не было никакой необходимости использовать словотворческий способ: можно было выполнить перевод путём калькирования слова: приставка — НЕ + корень ЛИЦ + окончание множественного числа А. Получается слово «НЕЛИЦА» (в романе так назывались все преступники).

Как пишут А. А. Кузнецова и Е. А. Смирнова, существуют также три других способа: транслитерация, транскрипция и описательный перевод. К описательному переводу окказионализмов переводчик не прибегает, а случаи транслитерации и транскрипции достаточно редкие, поэтому мы не будем акцентировать внимание на данных способах. Мы бы хотели указать на фрагменты, в которых был выполнен неэквивалентный или не полностью эквивалентный перевод, подчеркнуть те преимущества и недостатки, которые мы видим в данном способе относительно к переводческому контексту.

Можно привести следующие примеры:

1) ANTEFILING — до подшивки. — ‘Ante’ — приставка, существующая в словах только «новояза» — специально созданного упрощенного языка. С одной стороны, можно считать такой перевод не слишком удачным, так как не был передан сам факт наличия в слове вымышленной приставки. С другой стороны, очень сложно выполнить эквивалентный перевод такого слова. В английском языке есть слова, содержащие корень ANTE: ANTErior — предшествующий, to ANTEcede — предшествовать, предвдварять, to ANTEdate — датировать задним числом, предшествовать, предвдварять. В русском языке слова с корнем ANTE иностранного происхождения и не содержат в себе прямого указания на своё значение. Можно было компенсировать отсутствие ANTE сокращением существительного «подшивка», однако в результате такого сокращения семантическое значение слова могло стать вообще не понятным для получателя перевода. Во-первых, в русском языке, который является синтетическим, а не аналитическим, как английский, огромную роль играют окончания слов. Поэтому ANTEFILING и получившийся продукт перевода в итоге всё равно не были бы до конца эквиваленты. Во-вторых, существует много слов, начинающихся на «подш...»: «ПОДШипник», «ПОДШучивать», «ПОДШефный», и возникшие у получателя перевода ассоциации могли бы негативно отразиться на его восприятии перевода. И, в-третьих, получившийся результат всё равно бы не удовлетворял интересам автора романа, так как ANTE является включённой в придуманную Джорджем Оруэлл систему языка приставкой, что подчёркивает бедность и архаичность «новояза» (ANTE — приставка латинского происхождения, BE-

FORE, современный английский — BEFORAN, староанглийский, из прогерманского языка).

2) FULLWISE — сквозь (прилагательное FULL + суффикс наречия WISE = fullwise, сравним: FULLY). В данном случае для вымышленного слова “FULLWISE” было использовано существующее в русском языке слово «сквозь», то есть не полный эквивалент авторского новообразования — однако, если мы проанализируем весь список дефиниций наречия FULLY, мы не найдём среди них ни одну, имеющую значение «сквозь». Обратим внимание на суффикс WISE, он достаточно редкий и встречается в довольно сложных английских словах: CLOCKWISE (по часовой стрелке), EDGEWISE (по ширине), LEASTWISE (по меньшей мере), FLATWISE (плашмя), SUNWISE (по направлению движения солнца). Суффикс WISE происходит из среднеанглийского и имеет несколько определений: 1) имеющее с чем-нибудь сходство или отношение к чему-нибудь (FANWISE — подобно вееру, опахалу), 2) по направлению к какому-нибудь объекту (CLOCKWISE — по часовой стрелке), 3) в какой-нибудь области (STYLEWISE — в плане стиля). В большинстве случаев слова с суффиксом WISE принадлежат к литературному языку. Поэтому такое слово как «полностью» не соответствовало бы своему аналогу в английском языке. Фактически можно было бы перевести ‘FULLWISE’ как «подобнообразно», но это не соответствовало бы замыслу автора романа — все слова в созданном Джорджем Оруэллом языке должны быть предельно простыми и недвусмысленными (двусмысленность речи считалась преступле-

нием, так как за ней могла скрываться идея, направленная против деятельности государства). Можно сделать вывод, что перевод «сквозь» наиболее уместен в данном тексте: коннотация слова не противоречит содержанию романа, перевод был выполнен с учётом морфемных особенностей слова в оригинале и его основного значения.

Таким образом, как было выяснено, переводчик Виктор Петрович Голышев использовал преимущественно (все нижеперечисленные, за исключением транскрипции и транслитерации) следующие способы перевода окказионализмов: словотворческий способ, калькирование и опущение окказионализмов в языке перевода в пользу функциональных аналогов. Данная тема (изучение способов перевода окказионализмов) требует дальнейшего изучения и анализа, так как окказионализмы очень часто встречаются в художественной литературе и не всегда легко поддаются переводческому анализу. Иногда поиск наиболее подходящего варианта перевода может занимать у переводчика много времени и сил. Но результат стоит затраченных усилий. Правильно переведённые окказионализмы передают изящность, красоту и живописность текста получателю перевода в практически неизменном виде, сохраняют его силу и дух. Они являются в некоторой степени залогом правильного перевода — того, о котором писал Иван Алексеевич Бунин. И по этой причине знание способов перевода окказионализмов является очень важным для специалистов: умение переводить окказионализмы — одно из главных навыков в арсенале любого переводчика.

Литература:

1. Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы: учебное пособие. М.: КДУ, 2006. 240 с.
2. Голуб, И. Б., Розенталь Д. Э., Теленкова М. А «Современный русский язык». — 2002
3. Джордж Оруэлл, переведено В. П. Голышевым, «1984», 1977, Sonia Brownell Orwell, Издательство «Прогресс», 1989, перевод, Голышев В. П.
4. Ивлева, А. Ю. Культурное пространство художественного текста/ А. Ю. Ивлева; — Саранск, 2008. — 204с., со стр. 3
5. Кузнецова, А. А., Смирнова Е. А. «Способы и стратегии перевода авторских окказионализмов на примере Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 196–199. (БАК)
6. Розенталь, Д. Э. и Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1976. 543 с.
7. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи / Э. Ханпира // Стилистические исследования. — М.: 1972. — с. 304.

ФИЛОСОФИЯ

К вопросу о созидательном потенциале национальной эстетической культуры в гражданском обществе

Арзиматова Иноятхон Мадимаровна, кандидат философских наук, доцент;
Эркинов Илхом Элмуроджон угли, студент;
Фозилова Шохиста Кобилжон кизи, студент
Ферганский государственный университет (Узбекистан)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созидательным потенциалом национальной эстетической культуры в гражданском обществе.

Questions connected with creative potential of national aesthetic culture in civil society are discussed in the article.

Одной из приоритетных составляющих задач прогрессивного духовного развития современного общества в Узбекистане является развитие и совершенствование нравственно-эстетического потенциала как условие и результат формирования гражданского общества. Актуальной задачей философского исследования является анализ созидательного (креативного) потенциала эстетической культуры, который определяется не только её результатами, но и формами, способами, процессуальным характером и процессуальностью воздействия на умы и души людей. Следует отметить, что обозначенная проблема в течении многих лет не получало достаточной научной разработки. Это вполне объяснимо: официальная идеологическая установка для исследований по проблемам эстетической культуры сводилась к тому, чтобы акцент делался на большом сближении национальных культур, которые в перспективе будет обязательно достигнуто, даже если это будет и не полное их слияние, то, по крайней мере, интернациональное единство.

Существовало ещё одно обстоятельство, не способствовавшее научным изысканиям в данной области; из понятия созидательного потенциала национальной эстетической культуры были изъяты те моменты, которые так или иначе были связаны с национальными традициями. Это касалось многих особенностей фольклора, этнографии, религии и многого другого. Ибо, как отмечает Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, тоталитарный строй был крайне заинтересован вычеркнуть из памяти народа историческую правду.

Сегодня утверждается и актуализируется право на объективное изучение общественных, в том числе и социокультурных явлений и процессов, пришло время для

непредвзятых и глубоких исследований в области национальной эстетической культуры, устранения имеющихся здесь «белых пятен». Переход к новому социальному состоянию не отвергает историко-культурных парадигм положительного опыта народа. В работах культурологов все настойчивее утверждается мысль о необходимости комплексного, системного подхода к изучению эстетики природы, специфики и самобытности национальной эстетической культуры, пересматриваются представления о соотношении динамических и статических начал, взаимодействующих о ней, о роли и значении традиций и новаторства, об эстетическом наследии и т.д.

Для более полного раскрытия творческого и созидательного потенциала эстетической культуры необходимо всесторонне исследовать специфические особенности национальных эстетических традиций, социокультурную роль искусства на разных этапах развития узбекского общества и многообразие видов деятельности, формирующих в своей совокупности национальную культуру. Нельзя игнорировать особенности и своеобразие национального восприятия, взаимодействия с близкими по эстетическим установкам национальными культурами, а также того обстоятельства, как воспринимаются в данном национальном социуме явления менее или более отдалённых генетически (в смысле своего происхождения) национальных культур.

В новых социальных реалиях трансформационные процессы способствуют взаимодействию и взаимовлиянию культур, и они должны дать новые импульсы для развития межкультурного и межнационального сотрудничества, что является реализацией созидательного потенциала эстетической культуры.

Современное общество «прошито» различными кросскультурными коммуникациями, что также является в определённом смысле созидательным потенциалом эстетической культуры. Интеграционные процессы в сфере культуры — это процессы углубления культурного взаимодействия и взаимовлияния между государствами, национально-культурными субъектами и регионами. Это процессы, в которых достигается большее соответствие и согласованность между различными культурными традициями и принципами. Это процессы утверждения единой системы культурных ценностей, в которых происходит дружественный обмен между национальными культурами, как на внутрисоциальном, так и на межгосударственном уровнях, а также на уровне диалога Запад-Восток. «Инокультурные» ценности — это ценности культуры другого народа, этноса, государства, цивилизации, которые воспринимаются как «инновация» или как «чужеродный» элемент. В восприятии, переработке и усвоении инокультурных ценностей реализуется огромный творческий потенциал эстетической культуры. Следует отметить, что подобное взаимодействие и взаимовлияние можно рассматривать как трансформацию культуры в гражданском (открытом) обществе, что само может быть культурным явлением, обладающим скрытым (нереализованным ещё) созидательным потенциалом эстетической культуры.

Интеграция культур народов способствует универсализации духовных ценностей, быстрому и широкому приобщению народов ко всему лучшему, что есть в «культурном арсенале» человечества с одной стороны; с другой стороны, интеграция способствует более глубокому осмыслению собственной культуры как процесса национальной самоидентификации, что тоже является дополнительным креативным потенциалом культуры.

Таким образом, созидательный потенциал эстетической культуры имеет как бы два вектора развития: внутренний и внешний.

Исходя из этого мы выделили в понятии «созидательный потенциал эстетической культуры» несколько основополагающих моментов:

- уровень её развития на современном этапе;
- степень распространения и глубина усвоения её элементов широкими слоями населения;
- развитие традиционно-этнографических и индивидуально-творческих видов искусства, эстетические приоритеты и т.д.

Важен учет гносеологической специфики национальной эстетической культуры, проявляющейся в разных областях художественного творчества и искусства в целом. Таким образом, созидательный потенциал эстетической культуры может быть рассмотрен в двух аспектах — теоретическом и практическом. Каждый из этих аспектов обладает своеобразным образовательным потенциалом — явным или скрытым, реализация которого будет способствовать развитию современной национальной эстетической культуры.

Как известно, уровень развития национальной эстетической культуры характеризуется не только современным её состоянием произведениями или образцами искусства того или иного народа, но и ролью эстетических элементов в быту, общении, традициях, обычаях и т.п. Развитие искусства и уровень профессионализма в отдельности в художественном творчестве не дают основание судить о достоинствах национальной эстетической культуры в целом. И то и другое — лишь её слагаемые.

Нельзя недооценивать и то обстоятельство, насколько распространено в данном обществе знание о творчестве писателей, художников, композиторов, каков в нем уровень исполнительской деятельности, а также степень развития национальных художественных промыслов. Чем больше совпадают эстетические воззрения деятелей литературы и искусства, народных умельцев и широких масс населения, тем совершеннее национальная эстетическая культура. Писатели и художники, композиторы и архитекторы, артисты театра и кино формируют у людей определённые эстетические представления, но и массы, в свою очередь, оказывают немалое влияние на эстетические воззрения создателей произведений искусства и литературы, о чем свидетельствуют итоги конкретно-социологических исследований.

Сближение эстетических представлений способствует реализации созидательного потенциала культуры. Но как условие такого сближения лежит задача развития общей культуры народа. Роль просвещения здесь особо значима, ибо только оно способно открыть доступ к пониманию искусства, к сокровищнице эстетической культуры. Из этого следует, что общая культура народа — одна из важнейших составляющих креативного потенциала эстетической культуры.

Национальная эстетическая культура не может развиваться в современном мире как замкнутая система, изолированная от внешних эстетических воздействий явлений и процессов. Более того, креативный потенциал национальной эстетической культуры умножается при условии творческого восприятия достижений инонационального искусства.

Известно, например, что в узбекской художественной литературе жанр романа и некоторые другие жанры и виды творчества появились только в XX веке. Не без влияния мировой, европейской и других культур развивались узбекская драматургия, жанр портретной живописи и т.д., то же можно сказать о возникновении узбекского кинематографа, оперного и симфонического искусства, современной эстрадной музыки и т.д.

С другой стороны, уже с XVIII века в европейскую эстетическую культуру вторгаются мотивы и образы, заимствованные из искусства народов Востока. Подобные тенденции наблюдаются в немецкой, английской, итальянской художественных культурах. Ярким примером этому является своеобразное отражение в творчестве немецкого поэта Гете восточных мотивов. Как писал о нем Гегель в «поздние годы его свободного внутреннего развития удалось «Западно-восточным диваном» в гораздо

более глубоком духе внести Восток в нашу современную поэзию и освоить её для современных представлений. Осваивая её, он хорошо сознавал, что он западный человек и немец, и поэтому, сохраняя в целом восточный тон в изображении восточных ситуаций и обстоятельств, он, вместе с тем, полностью удовлетворяет наше современное сознание и требования собственной индивидуальности».

Литература:

1. Каримов, И. А. «Юксак маънавият — энгилмас куч». — Тошкент: "Маънавият", 2008.
2. Абдуллаев, М. Эстетическая культура. — Ташкент: Фан, 1991.
3. Абдуллаев, М. Национальная специфика эстетической культуры. *Общественные науки в Узбекистане*. 1991, № 11.
4. Боров, Ю. Б. Эстетика. — Москва: Высшая школа, 2002.
5. Гегель. Эстетика. В 4-х тт. — Москва: Искусство, Т. 1.

Пространство и время религиозной культуры

Каприцын Игорь Ильич, кандидат философских наук, доцент
Запорожский национальный университет (Украина)

Статья посвящена анализу понятий «религиозное пространство» и «религиозное время» как оснований религиозной культуры.

Ключевые слова: религиозная культура, религиозное пространство, религиозное время.

Формирование пространственно-временных отношений человека имеет непосредственную связь с нахождением человеком своего места в мире. Религиозное сознание, лежащее в основе религиозной культуры, закономерным образом связано с основополагающими категориями религиозного времени и религиозного пространства.

Изменения положения внешних объектов окружающей среды происходят относительно друг друга на определенном фоне. Этот фон и получает название пространства. Таким образом, понятие «пространство» используется для объяснения относительности, взаимного положения, взаимосвязи и взаимодействия материальных и идеальных систем.

Категории пространства и времени присутствуют в китайской и индийской мифической деятельности Паньгу и Пуруши. Наличествуют в гомеровой «Одиссее» и гесиодовой «Теогонии». Разработка этих категорий прослеживается у Зенона, Платона, Аристотеля, Плотина, Полибия, Августина, Фомы Аквинского и др.

Религия, будучи традиционной формой мировоззрения, осваивает окружающее пространство на основе веры в существование как «естественного» так и «сверхъестественного» мира. Вера в сверхъестественное, являясь способом существования религиозного сознания, обнаруживается в особой внутренней динамике переживаний, наделении «сверхъестественного» человеческими гипостазированными качествами.

Бережно храня эстетические традиции, соединяя их с прогрессивными продуктивными современными тенденциями, мы можем способствовать утверждению в обществе глубоких гуманистических представлений и оценок, что свидетельствовало бы о развитии гражданского самосознания как условия формирования гражданского общества.

Внешней, социально значимой формой выражения религии, является религиозная культура, как утвердившаяся система религиозного сознания, религиозных институтов, культа, религиозных личностей и групп, а также материальной базы их деятельности. Сущностью религиозной культуры является восприятие человеком взаимосвязи мира реального, познаваемого и мира сверхъестественного, непознаваемого, но, вместе с тем, крайне желаемого в стремлении к единению человека с его гипостазированным идеалом.

Религиозная культура, существующая на основе религиозного сознания и средств его овеществления, предполагает веру в существование сверхъестественного мира, содержит как физические так и метафизические объекты и явления. Религиозным пространством, таким образом, представляется мыслимая системная составляющая общекультурного пространства, являющаяся базовой для развития религиозных феноменов.

Все объекты, имеющие положение в пространстве относительно других объектов, обладают определенной продолжительностью своего существования. Временное измерение, которое раскрывается как текучесть событий из прошлого через настоящее в будущее, связано с пространственностью восприятия мира.

Системную составляющую общекультурной категории «время», которая в отношении религиозного пространства характеризует продолжительность развития разнообразных религиозных процессов, мы будем рассматри-

вать в качестве *религиозного времени*. Как религиозное пространство, так и религиозное время выступают частными проявлениями социального пространства и социального времени.

Близкая связь религиозного пространства и религиозного времени проявляется в традиции измерения пространства временными категориями, например, в днях измеряется путь паломника; или измерения времени пространственными категориями, например, единица времени — количество обходов вокруг буддийской или исламской святыни.

Сама природа является источником последовательно повторяющихся процессов, восприятие которых легло в основу развития религиозного темпорального сознания как осознанного переживания продолжительности и сменяемости религиозного бытия, которое происходит в процессе религиозной деятельности.

Интересно, что традиционная индийская культура не знает хронологии, ее носителям чужды представления о необратимом, линейном однонаправленном времени. «В Индии не было, не могло быть своего Геродота... вообще не могло быть своей истории» (М. Ф. Альбедиль) [1, с. 39], естественно, в европейском понимании истории. Индийская культура выделяется цикличностью всего сущего в «кругу вечного возвращения» (М. Элиаде) [5]. Индийская культурная история заключается в повторяемости, которая соединяет современника с прошлым, периодически воспроизводя акты сотворения мира.

Религиозное темпоральное сознание зарождается одновременно с возникновением религиозного пространства и развивается на его фоне. Примером служит древнеегипетская религиозная культура, которая кроме «населения» всего окружающего пространства богами, детерминирована однородностью ландшафта, на котором все неоднородное привлекало внимание (холмы и др.). Человек наделял эти пространственные особенности жизнью, делал их «обожаемыми» (обжитыми божеством). Выступающие над поверхностью обожествлённые природные и архитектурные объекты ландшафта, отбрасывая солнечную тень, указывали религиозное время от утра к ночи. Ночью внимание привлекало звездное небо. Большинство ярких звезд, за ночь «проходя» по небосклону, исчезали за горизонтом — их движение отмечало время ночи. Лишь звезды близкие к Полярной звезде, вращаясь вокруг нее, никогда не сходили с египетского небосвода. Эти звезды были выбраны символами умерших, обретших вечную жизнь. В древнеегипетской культуре время впервые проявляется в сосуществовании со своей противоположностью — вечностью.

Современные исследования религиозного пространства и религиозного времени, базирующиеся на фундаментальных разработках Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, представлены в культурологии (А. Гуревич, И. Арзуманов), истории (А. С. Лавров) и социальной философии (В. И. Воловик, К. М. Магомедов, А. В. Саввин). И. А. Арзуманов, например, считает, что в философ-

ско-антропологическом и философско-культурологическом смысле религиозное пространство детерминировано потребностями, интересами, аксиологическими, семантическими и семиотическими факторами взаимоотношений, целями и ориентирами общества отраженными в плоскости религиозной культуры [2, с. 13]. Религиозное пространство, в определении В. И. Воловика, категория философии религиозного сознания, обозначающая часть социального пространства, параметры которой фиксируют место, направленность, глубину и протяженность деятельности религиозных субъектов, направленная на постижение потустороннего, небесного, сверхъестественного мира, в реальность существования которого они уверовали и приобщение, к которому посредством соблюдения религиозных норм в процессе их земной жизнедеятельности [3, с. 75].

Общие признаки социального пространства (объективность, многомерность, неразрывная связь со временем и др.) наследуются религиозным пространством, преломляясь в нем под углом утверждения воли божьей (христианство) или человеческого потенциала (буддизм).

Религиозное пространство характеризуется своей спецификой, В. И. Воловик выделяет взаимосвязь субъекта, как с реальными объектами материального мира, так и с ирреальными; существование системы разнокачественных точек религиозного пространства; неопределенность естественного пространственного положения сверхъестественных объектов; непостоянство плотности религиозных объектов и субъектов в критические периоды развития социумов.

По субъективному признаку религиозное пространство разделено исследователем на религиозное пространство верующей личности, церковной общины, объединения верующих, сторонников одного культа, всех верующих одной конфессии...» [3, с. 81].

Кроме того, важно заметить, что религиозное пространство:

- не является извечным, что становится очевидным благодаря мифам творения;
- является антропным (соответствующим человеку) и измеряется человеческими мерками (шагами, локтями и др.);
- является субъектным: человек наделяет религиозное пространство собственными чертами, общаясь с землёй — матерью, рекой — сестрицей и др [4, с. 199—202].
- эмоционально насыщено, что иллюстрируют холмный, скучный Хель, и обильная, вольготная Вальгала скандинавов;
- имеет прикладной характер: «намоленная» площадь храма и проклятая пустошь;
- одушевлено: религиозный и природный мир человека традиционного общества населен живыми существами;
- структурировано по вертикали и горизонтали в виде Мирового дерева с локализацией религиозного центра

Омфалоса («пупа земли») для разных религиозных культур в Дельфах, Риме, Иерусалиме, Багдаде, Мекке.

Таким образом, религиозное пространство — категория философии религиозного сознания, обозначающая условие проявления, переживания и осознания религиозного бытия, характеризующая системные отношения пространственных объектов.

Религиозное время как элемент социального времени «имеет объективный характер, так как не зависит от воли, религиозных субъектов, социальных групп и общества в целом» [3, с.82–83]. Религиозное время и пространство являются динамическими диалектическими категориями, которые имеют как объективный, так и субъективный характер. Человек, руководствуясь категориями пространства и времени, наполняет их содержанием, которое зависит от конкретных религиозно-общественных отношений, культурных и природно-исторических факторов.

Религиозному времени, как и времени вообще, присущи диалектическое единство конечного и бесконечного, прерывности и непрерывности, так как продолжительность деятельности каждого религиозного субъекта имеет свои пределы. Сама религиозная деятельность получает продолжение в преемственности религиозных знаний и опыта.

Архаичные культуры тяготели к неременному соблюдению традиций, поэтому начальное время практически не отделено от пространства. Образ времени на этом уровне развития религиозной культуры представляется в виде Уробороса (змея, кусающая свой хвост), отражая циклично-кольцевую модель времени.

Христианство приносит с собой представление о линейном течении религиозного времени, позже заимствованное светским временем. Происходит фиксация исторического времени в точках рождения Христа, Вознесения и вероятного Второго Пришествия. Христианское время «выпрямлено» между этими пунктами. Хотя при более общем рассмотрении время в христианстве, исходя от Бога-Творца через искупление грехов Сыном Божиим, его Второе Пришествие время должно вернуться в Лоно Создателя — в вечность, идет по циклично-кольцевой модели.

К общим чертам религиозного времени, выступающим на фоне социального времени, отнесем:

1. Зависимость человека от природного времени. Она была настолько сильной, что даже в языке и картине мира современного человека сохранились ценностные аспекты его неотделимости от природы («биологические часы», «природные ритмы»).

2. Антропность измерения времени, как и пространства, заключалась в их переживании. Время имеет вполне практическое содержание, оно заполнено человеческими делами. В религиозной культуре время измеряется количеством религиозных действий.

3. Религиозное время является событийным, а не хронологическим. Понятие жизни и времени не делимы

(например, «времена апостолов», «время молитвы» и др.).

4. Циклическая воспроизводимость религиозных условий жизни является необходимым условием выживания, поэтому выступает высшей ценностью. Повторяемость ценится даже выше добрых перемен.

5. Поколения, которые сменяли друг друга, отмеряли время. Преемственность поколений делала время семейным.

6. Воспроизводство, единение поколений отражались и в слиянии культур. Приятие христианства произошло, в частности, благодаря наложению его литургического времени на природное время.

Общие черты времени, обусловленные культурной деятельностью человека, не исключают специфики религиозного времени, а именно:

1. Внимание к времени как к фону, на котором разворачиваются действия мифа творения. Творение невозможно вне времени.

2. Раздвоенность бытия религиозного субъекта, формирование двух качественно отличительных частей — времени реального бытия на земле и времени иллюзорного пребывания в загробном мире после окончания земной жизни.

3. Особое внимание к настоящему времени религиозного субъекта как возможности повышения качества жизни в вечном будущем.

4. На религиозное время возможно влиять. Ритуалы воспроизведения событий прошлого привносят древность в современность. Прошлое объединяется с современностью и будущим в религиозном ритуале.

5. Религиозное время, как и религиозное пространство, выступает сложно структурированной системой. Выделяют время доминирования политеистических верований, время монотеистических верований и практик.

6. В разных религиозных системах время исчисляется по разному: от рождения основателя (Будда — 563 г. до н.э., Иисус Христос — 4 г.н. э., Магомет — 570 г.н. э. и др.), по солнечному или лунному календарю.

«Религиозное время» — одна из категорий философии религиозного сознания, обозначающая внутренне связанную с религиозным пространством форму религиозного бытия, характеризующая последовательность, продолжительность, ритм и темп деятельности религиозных субъектов, направленная на постижение потустороннего сверхъестественного мира, в реальность существования которого субъекты уверовали и присоединились к нему с помощью соблюдения религиозных норм в процессе их земной жизни.

Подводя итоги, необходимо заметить, каждая форма культуры, является ответом на общественную потребность. Религиозное пространство и время выступают в качестве матрицы, способствующей воспроизводству в социуме различного рода отношений, формирующих религиозную культуру. Вместе в тем, необходимо заметить, непреодолимой преграды между религиозной и не религиозной темпоральностью и пространственностью

не существует. Религиозная культура сохраняет за собой функцию объединения миров на основаниях гипостазированной человечности. В целом же, анализ пространствен-

но-временных характеристик конкретной религиозной культуры позволяет зафиксировать её содержание и сущность, осознать её влияние на общество.

Литература:

1. Альбедиль, М. Ф. Индия: беспредельная мудрость М.: Новый Акрополь, 2013, — 416с.
2. Арзуманов, И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX—XXI вв.). Специальность 24.00.01 — теория и история культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологи. Москва, 2008, — 52 с.
3. Воловик, В. И. Философия религиозного сознания. Монография. Запорожье: Просвіта, 2009. — 216с.
4. Українські замовляння. Упор. М. Н. Москаленко, К.: Дніпро, 1993, — 310с.
5. Элиаде, М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. — 414 с.

Духовно-нравственный потенциал традиционных религий как важный элемент гуманитарной безопасности

Скачок Владимир Егорович, преподаватель;
Петровская Лелия Юрьевна, преподаватель;
Семенкова Надежда Валентиновна, преподаватель;
Меньшугин Родион Витальевич, преподаватель
Автотранспортный и электромеханический колледж (г. Санкт-Петербург)

Сегодня духовно-нравственное воспитание нуждается в особой поддержке и целостном подходе к его расширению, в первую очередь в учебных заведениях. Наступил новый этап развития социума, связанный с изменением менталитета общества и личности, изменением ценностных ориентаций у подрастающего поколения. Мы перестали думать о духовном обогащении, стали игнорировать нравственную сущность поступков. Такие проявления высокой нравственности, как сострадание, соучастие, сопереживание, уважение к другим и самому себе, к сожалению, отходят на второй план. Все острее ощущается потребность в воспитании духовно богатой, высоконравственной личности, способной созидать, а не только потреблять.

Система образования не может быть оторвана от воспитания, от формирования нравственности. В этой связи изучение основ философии и религии, формирование уважения к чувствам верующих, порождаемая религией духовность имеют большое значение в системе обучения. Освоение основ религии вносит большой вклад в гуманитаризацию образования, овладение обучаемыми достижениями мировой и отечественной культуры, вырабатывает у них компетенции, позволяющие свободно самоопределяться в мировоззренческих позициях, духовных интересах и ценностях.

Как утверждал Карл Маркс, «философия — это квинт-эссенция духовной жизни времени». [3 стр.3] Но если проследить историю философии и религии, то можно сказать, что это не просто два близких понятия, они дополняют друг друга. Философия, как и религия, ставит одной

из задач проблему человека в мире, его место и предназначение, обозначение нравственных и духовных идеалов.

В современном мире обостряется кризис нравственных идеалов, являющихся смыслообразующей основой ориентации жизнедеятельности людей. Подобными идеалами не могут выступать ни культ денег, ни потребительское отношение к обществу и другим людям, ни индивидуализм, доходящий до безразличия к интересам страны, в которой живешь. Подобные псевдоценности несут в себе огромный деструктивный потенциал, способный вести к деградации общества, к нравственному опустошению людей.

Сложившаяся ситуация требует поиска достаточно общепризнанных и социально значимых духовных ценностей, способных формировать смысложизненные идеалы и нравственные установки поведения людей. Думается, что в современных условиях одним из важнейших источников подобных духовных ценностей являются традиционные религии. С философской точки зрения, под традиционными религиями мы в данном случае понимаем культуuroобразующие религии, которые внесли значимый и социально устойчивый вклад в историю, культуру, традиции, самосознание и язык определенного народа, государства или человечества.

Большое значение для констатации традиционности той или иной религии имеет её позитивный вклад в самосознание и язык народа. В Российской Федерации явные традиционные религиозные объединения представлены как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных народностей нашей многонациональной страны.

Религиозные нормы, как и нормы права, регулируют поведение человека, побуждая его к совершению одних действий и предостерегая от других.

Близкое соотношение норм права и морально-нравственных норм в традиционных для России религий выступают не только выражением религиозных чувств верующих, но и реальным воплощением общечеловеческих ценностей и достижений мировой культуры. Реализация возможностей использования духовного потенциала традиционных религий способна актуализировать в сознании обучаемых значение таких нравственных категорий, как совесть, долг и воля. Их смысл и значение для воспитания школьников, студентов, а также будущих защитников нашей Родины трудно переоценить.

Совесть является отражением особого состояния духовного мира человека, специфической формой осознания и оценки своих действий, чувств, мыслей, в их соотношении с принятыми в обществе нормами морали. Одной из конкретизаций проявления совести выступает и требовательность студента по отношению к себе самому. Зрелость совести зависит от глубины этого осознания. В формировании такой просвещенной совести большую роль способна играть религия, позволяющая соотносить личные убеждения с огромным нравственным потенциалом традиционных религий.

Следование велениям совести часто требует реализации волевого момента, проявляющегося в способности человека преодолевать препятствия и добиваться поставленной цели. Ощущение собственной правоты, нравственное обоснование действий, формируемое религиозными убеждениями, способно укрепить волю человека и направить её в конструктивное русло.

Сущность справедливости состоит в осмыслении и оценке социальных явлений с точки зрения распределения блага и зла между людьми. Справедливость традиционно связывают с соответствием между заслугами людей и их общественным признанием, между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. Провозглашаемые традиционными религиями принципы общечеловеческой нравственности способствуют осознанию справедливости и формируют психологические установки следования ей.

Моральные установки традиционных религий могут тесно пересекаться с правовыми нормами, поскольку их общей функцией является регулирование поведения людей в обществе. Мораль является более гибким механизмом регуляции деятельности субъекта, её влияние шире, чем влияние права. Право не может оправдать на основании раскаяния, мораль же в отдельных случаях предполагает, что цель достигнута, если человек прошел через раскаяние, совершившее в нем внутренний переворот. Поэтому нравственная справедливость является более гуманным способом разрешения социальных противоречий и конфликтов.

Человек ищет смысл жизни, но зачастую находит систему ценностей в сфере антидуховности, уводящей его от

реализации объективных интересов, а в критических ситуациях — подвергаящей риску его душевное здоровье и саму жизнь. Духовная анемия общества, порожденная кризисными явлениями в экономике, политике и социальной сфере, подрывает культурную почву, лишает человека способности адаптации к жизненным обстоятельствам и поворотам индивидуальной судьбы.

Противостоять такому разрушению основ общественной и индивидуальной жизни может только стремление к добру, правде и справедливости. В этом своем душевном порыве человек встречается со многими препятствиями, испытывает боль утрат и унижений, тяжелый гнет страха и отчаяния. Поэтому он нуждается в утешении, поддержке, помощи. Он ждет любви и прощения от других людей, ищет их в религии, на это он вправе рассчитывать со стороны социальной политики государства.

Работники социальной сферы эффективнее смогут решать свои профессиональные задачи, определенные целями социальной политики и детализированные экономическими и правовыми возможностями, если будут представлять собой цельные, нравственно просвещенные личности, ориентированные на идеалы высокой духовности. Для этого необходимо знание возможностей того потенциала, которое накопило человечество во всех сферах общественного сознания, в том числе в религии. [2 стр.10]

Использование духовно-нравственного потенциала традиционных религий может способствовать укреплению такой важной сферы жизни общества, как обеспечение национальной безопасности. Одной из важных проблем обеспечения национальной безопасности России является вопрос о её гуманитарной безопасности. Безопасность государства зависит не только от крепости границ и мощи армии. Принципиально важным выступает также установившаяся в обществе система духовно-нравственных отношений, ценностные ориентиры воспитания и обучения, принятые в семье, школе, системе образования в целом.

Гуманитарная безопасность России предполагает:

- сохранение богатств русского языка, защиту его от вульгаризации и вытеснения неоправданными иноязычными заимствованиями;
- бережное отношение к духовно-нравственным традициям общества, отстаивание национальных приоритетов в культуре и образовании;
- сохранение социокультурных основ менталитета народа, специфики его национальной характера;
- сохранение и укрепление традиционных религиозных верований и одновременно воспитания уважения к иным религиям, культурам, традициям.

Факторы, определяющие сегодня потенциал России, имеют явное культурное измерение. Они обусловлены ценностными ориентирами национального сообщества и согласованием по поводу основополагающих приоритетов развития, которое не возможно без осознания идентичности российского общества и социального самочувствия его членов, из которых складывается образ нашей

ситуации в мире. [1 стр.9] Обеспечение гуманитарной безопасности означает бережное сохранение и развитие того, что исторически было и остается опорой нашего общества, и это в значительной степени относится к духовным, религиозным ценностям.

Таким образом, можно отметить, что, ориентируясь на обеспечение национальной безопасности, государственная политика в сфере религиозных отношений должна обеспечивать и вероисповедания, а также укреплять и развивать духовно-нравственные ценности, культурное достояние, созидательные национальные духовные традиции российского народа. Реализация этого служит необходимой основой обеспечения национальной безопасности в области духовно-нравственной и правовой сторон жизни общества.

Традиционные религии выступают важным компонентом единой общечеловеческой культуры, что имеет большое культурологическое значение и способствует формированию толерантности, взаимопонимания и взаимоуважения между людьми разных культур и национальностей. В России в условиях многонационального общества, в котором представлены все важнейшие религиозные конфессии, изучение основ религии способствует воспитанию уважения к общечеловеческим ценностям, представленным в различных религиях.

Формирование гражданского общества, происходящее в нашей стране, связано с утверждением демократических общественных отношений. В связи с этим большое значение для будущего России приобретает характер отношений между людьми с различными мировоззренческими установками.

На современном этапе наше общество переживает духовный кризис. Свидетельством тому являются падение

нравственности, расцвет преступности, жестокости, бесчеловечности, наркомания, беспорядок, нарушение дисциплины, спекуляции, хищения, теневая экономика и т.п. В известном смысле кризис общества начинается с кризиса нравственности, кризиса культуры. Мы не сможем решить стоящие перед страной социально-экономические проблемы без обновления духовной сферы.

Осуществляемые в государстве преобразования экономических и политических отношений не должны обойти вниманием стремление к переменам в сфере сознания. Как бы ни были важны перемены в сфере экономических отношений и в технологиях, мы не сможем лишь с их помощью решить стоящие перед государством социально-экономические проблемы, если не произойдут перемены в сфере духовной культуры людей. На новом этапе развития наше государство предполагает значительный рост культуры людей, открытость новаторству, раскрепощенных, незакомплексованных, освободившихся, с одной стороны, от страха и рабской психологии, с другой — от равнодушия и безразличия.

Таким образом, чтобы общество обновилось и стало другим, люди сами должны духовно, нравственно обновиться, стать другими. В этом процессе, безусловно, помогает изучение основ религии, в которой в полной мере показываются идеалы бытия и разгадка в сосуществовании различных проблем актуальных по сей день. Ведь без изменения самих людей, без достижения ими высоких личных качеств кардинальное обновление общества не состоится. Сознание людей должно быть подготовлено к восприятию происходящих перемен и освоению качественно новой системы ценностей, которая приведет к прогрессивной духовности и обеспечению гуманитарной безопасности.

Литература:

6. Культура повседневности. Русская культура и православие: Учеб. пособие / Т. С. Георгиева. — М. Аспект Пресс, 2008. — 397с.
7. Религиоведение: Учебник / О. Ф. Лобазова; под общ. ред. академика РАН, проф. В. И. Жукова. — М.: Дашков и К, 2013. — 488с.
8. Философия: учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др.]; под ред. Ч. С. Кирвеля. — Минск: Выш. шк., 2013. — 528с.

Factors of formation spirituality of youth in the process of globalization

Фарходжонова Нодира Фарходжоновна, ассистент;
Исмоилов Темура Исломович, старший преподаватель
Наманганский инженерно-педагогический институт (Узбекистан)

Farhodjonova Nodira Farhodjonovna, assistant;
Ismoilov Temur Islomovich, senior teacher
Namangan engineering-pedagogical institute (Uzbekistan)

В статье освещены сегодня, на протяжении самых сложных процессов глобализации особое внимание уделяется проблемам, возникших в области духовности, такие как сохранение и приумножение духовности нации и, в частности сохранения ума и сердца молодежи от воздействия различных вредных идеи и мысли.

This article devoted today, throughout the most complicated processes of globalization the especial attention is given to problems arisen in the field of spirituality, such as preservation and increase of spirituality of the nation and in particular preservation of mind and heart of youth from influence of various noxious ideas and thoughts.

The modern world is developing very quickly. In modern times, all mankind is included in a single system of socio — economic, political and other relations globalization. It is necessary to underline, that globalization for today means wide scientific, scientifically — philosophical and vital concept. Following the standard opinion these processes define formation on the one hand, economic, socially — political, naturally — biological condition of absolutely new sense, on the other hand, processes of transformation of local and regional problems in world scale problems. Globalization is, first of all, an immense acceleration of life [1]. At present, this process applies to all spheres; it is characterized by increased exchange of information. The process of globalization humanity has undergone a new threats, that is in a number of these threats, a special place is the ideological, psychological and information threats. President of Uzbekistan Islam Karimov, speaking of the “spiritual threat, indicates that above all, it is necessary in mind the ideological, ideal and informational threats that aim to impact on the spiritual world, regardless of their language, religion and faith, aimed against his freedom “ [2]. Currently, these threats are made against many countries and Uzbekistan is no exception. Spiritual development and formation of the personality on the basis of active life position and creativity is one of the important problems of society. Formation of the spiritual education of the individual is one of the priorities in human life and society. Spirituality — a love of life, recognition of life, exaltation of life and young people come to it, filling the life of the true spirit of celebration, joy and genuine love. It includes philosophical, legal, scientific, moral and religious concepts people. On the basis of the term spirituality is the word “meaning”. “Spirituality is a great power of man, people, society, and the state. Where it does not and will be never happy” [3].

One of the major problems now is education of young generation in the spirit of national and universal values, in pride to the richest moral, to historical values, in love and fidelity to the motherland. Modern youth has sufficient maturity to understand the need for the spiritual life. The problem of youth spirituality — is not only the definition of high-level human exploration of their world, relationship to nature, to society, to other people. This is the answer to many vital questions: Who am I, what I came into this world, what is my place in it, what is the meaning of my life based on what values should I choose their way of life, to define the purpose and meaning of their activities to choose means to achieve them and evaluate their results.

The crisis experienced by our country, caused to some extent the loss of humanistic moral values, moral subordination of political and ideological interests. It is necessary to form a new outlook. And religion has considerably weakened

their influence, bringing its moral requirements absolutely, that no one should be. The spiritual condition of our youth today is very fallen. There are no important moral principles, there was a lot of perverted youth cultural trends that attract pupils, students and lead them to the degradation of the mental, intellectual and spiritual. Along with such qualities as resourcefulness, creativity, efficiency, speed, life optimism is closely coexist rudeness, indifference, laziness, self-confidence.

Television, radio and the press, however, is gradually receding into the background, giving way to a more powerful opponent. World Wide Web, Internet, mass’ media — it’s the name of the same “assembly” of information. After all, one of Wikipedia and social networking is not limited to the Internet. By and large, the Internet can find everything and not always useful. And no matter how much the government of any country not beat the same, say, pornography, it is full. And if you look at the younger generation, they probably know what a “sadistic” than the details of the Great Patriotic War. Of course, the Internet has its advantages, but disadvantages much more. Of special note is the social network. On the one hand, social networks — it’s cool. Really, nice to meet friends that you have forgotten, correspond with classmates and former classmate. People spend hours of their time communicating in another social sphere, and not be easier to go out and talk to live there? It is safe to say that all social networks just taken the life of people. It looks like a drug, right? It is a big problem in the world.

Innovations included today in modern society, more and more developing information technologies have a material adverse effect on the spiritual development of young people, their education, on values that were formed and carefully preserved for centuries together with the creation of an enabling environment incomparable. The concept of civil society and the further deepening of democratic reforms in the country noted that the introduction of new mechanisms for the use of information resources, information technology and systems is accelerating the development of new mechanisms. As a result of large-scale works there are more number of Internet users. In January 2015, the number increased by 10 million, 200 thousand. People or about one-third of the population, the majority of users are young people [5].

The main methodological bases in education of harmoniously developed generation are stated in the book of our President Islam Karimov “High spirituality — unbreakable power”. President underlines following main principles of formation of spirituality of each person which strengthening will lead to a non-admission of ideological threats:

1. Spiritual heritages, cultural riches.
2. National traditions and values.
3. A scientific heritage of great ancestors.

4. Institutes of family and neighborhood (mahalla).
5. National education structure.

Implementation of these principles can develop psychological and ideological immunity in youth. Young people must understand that she has a huge potential and the power to achieve anything they want. This is possible if they can stay in silence alone. Youth is always striving for success. However, the parameters of success are variable. A couple of decades ago, it was considered that a sign of success — is to wear a lot of jewelry. Today, it is not. I evaluate the success

of your smile. I believe that today, a sign of success — is not descended from the face smile, confidence in life and a sense of belonging to all around. That is what our young people should seek to develop in your life a sense of confidence, not vulnerability. These human needs — a love for man, friendship, moral and psychological support, attention to each other, compassion, empathy, sharing of ideas, co-creation, and these feelings depend only on man's inner world, it is their master, and no luck. The main thing — always believe in yourself and you will be sure to succeed.

References:

1. Karimov I. Yuksak ma'naviyat — yengimas kuch. — T.: Ma'naviyat, 2008. — B.111.
2. Karimov I. Yuksak ma'naviyat — yengimas kuch. — T.: Ma'naviyat, 2008. — B.13–14.
3. Karimov I. O'zbekiston: Milliy istiqlol, iqtisodiyot, siyosat, mafkura. — T.: O'zbekiston, 1996. — B.81.
4. Qarshiyev N.O. Issues of formation of spirituality development of the youth.// *Globalashuv va milliy-ma'naviy taraqqiyot tendensiyalari*. Respublika ilmiy-amaliy anjuman ma'ruzalari to'plami. — T., 2015. — B.312.

ПРОЧЕЕ

Специфика социальных функций детских периодических изданий как типоформирующий признак

Белькова Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент;

Певцова Татьяна Сергеевна, студент

Нижевартовский государственный университет

Масс-медиа оказывают колоссальное воздействие на формирование детского сознания. Уже с раннего детства человек подвергается влиянию, оказываемому, со стороны различных информационных источников. При этом, не обладая умением анализировать информацию, отделять реальные факты от разнообразных мнений, детская аудитория наиболее подвержена воздействию масс-медиа (телевидение, пресса, кинематограф, Интернет, радио и пр.). В связи с этим, специализированные СМИ, предназначенные для подрастающего поколения, должны быть в первую очередь, социально ответственными и возлагать на себя функцию осуществления первичной социализации личности.

Ключевые слова: детская периодическая печать, Роспечать, тираж центральных детских изданий, тематика детских изданий, типоформирующий признак, социальная функция, информационная функция, просветительская функция, воспитательная функция, образовательная функция, рекреационная функция, познавательная функция, социализирующая функция, организаторская функция, гедонистическая функция, коммуникативная функция.

В последнее время детская периодическая печать стремится наиболее полно освещать проблемы реальной жизни детей и подростков, чтобы сохранить интерес аудитории, выражающийся в тиражах издания. Дети, особенно подростки и юноши, имеют разносторонние интересы в прессе. Активное обращение к периодике начинается уже в младшем школьном возрасте, но особенно оно усиливается в подростковом возрасте. Очень часто юные читатели покупают периодику самостоятельно. Как правило выбор того или иного журнала, газеты характеризуется спонтанностью, но в старшем возрасте он становится более осознанным. В чтении подростков и юношей преобладают молодёжные, а также женские журналы, ориентированные на развлечение аудитории. Их читают, прежде всего, девочки, тогда как мальчики предпочитают другой вид — спортивные и технические издания. Познавательные журналы читаются сегодня значительно реже, чем раньше, а их основная аудитория — мальчики-подростки.

Периодические печатные издания, адресованные детской и юношеской аудитории, выступают самостоятельным компонентом общей системы средств массовой информации.

В данной статье проанализируем актуальные для российского общества концептуальные модели детской га-

зеты, их типологические характеристики и профильные черты.

По данным Управления правоприменительной деятельности Роспечати на 01.06.2014 г. в России зарегистрировано 1240 детских изданий, из них: 414 газет, 788 журналов, 27 альманахов, 11 сборников. Данных о реальном количестве выходящих в свет детских изданий нет.

В последние годы заметно сокращается количество детских газет, часть из них начало выходить в свет как журналы, часть просто прекратили существование. Тиражи центральных детских изданий колеблются от 59 тыс. до 3—1 тыс. экземпляров.

По своей тематике детские издания можно разделить на:

- общеразвивающие,
- издания о природе,
- издания, направленные на развитие технического творчества детей
- издания энциклопедического типа,
- издания художественной направленности
- издания с исторической и духовно-нравственной тематикой,
- патворки (издания с вложениями игрушек, камней и др.).

В рамках своей компетенции Роспечать ежегодно на конкурсной основе выделяет государственные субсидии

из средств федерального бюджета организациям в сфере периодической печати, реализующим социально значимые проекты, в том числе изданиям для детей, подростков и молодёжи. В 2014 году государственную поддержку получило 44 издания для детей на общую сумму 22 067 900 рублей, что составляет 14% от общего объёма выделенных субсидий (из них — 6 газет и 38 журналов, 10 газет и журналов издаются на национальных языках народов России).

Особая роль детской прессы заключается в её интерактивности. То есть редакция старается «включить» своих читателей в различные виды творческой деятельности. Например, это может выражаться в написании различного рода работ (рассказов, писем и т.д.), проведение конкурсов (рисунков, поделок), юнкорской деятельности, когда ребята пишут короткие заметки, очерки в журнал или газету. Все эти элементы включены в содержательный компонент деятельности аспекта.

Журналистика для детей и юношества, как и журналистика в целом, представляет собой особый социальный институт, выполняющий по отношению к социуму специфические функции. Формирование социальных функций печатных периодических изданий для подрастающего поколения осуществляется под воздействием педагогических идей и взглядов общества. Опираясь на это утверждение, мы можем говорить о наличии целой группы функций, которые присущи печатным СМИ для детей и юношества. Специфику социальных функций можно рассматривать как ещё один типформирующий признак.

В качестве ведущих выделяют следующие функции:

1. Информационно-познавательная функция. Газеты и журналы предоставляют ребёнку информацию об окружающем мире, в котором он живёт, обогащают его новыми сведениями, знаниями об исторических событиях;

2. Просветительская функция. Для детской аудитории характерно активное стремление к познанию, поэтому, возникает необходимость в развитии умений и способностей правильно воспринимать и оценивать не только происходящие события в социуме, но и продукты человеческого труда. В связи с этим, назначение газетной и журнальной периодики — ориентировать подрастающее поколение в духовных ценностях, накопленных обществом, предлагать информацию о возможностях их применения.

О важности и значимости просветительской функции пишет и С.П. Суворова, считая, что «просветительство во всех типах печатных СМИ следует осуществлять через информирование, поскольку зачастую задача журналистов сводится именно к оповещению аудитории о том, что происходит в области науки, искусства, культуры» [4]. По нашему мнению, в детских газетах и журналах задача просветительства имеет значение и отражается в большинстве статей, репортажах, интервью и пр. текстах издания;

3. Воспитательная функция заключается в том, что журнальная и газетная периодика для детской и юношеской аудитории несёт в себе колоссальный воспитательный потенциал.

Детская пресса — ценный и уникальный носитель нравственных и эстетических ориентиров для детей разных возрастов. Например, на страницах периодических изданий можно заметить раскрытие сущности основных эстетических категорий, таких как прекрасное и ужасное, трагическое и комическое и пр., нравственных: добро, зло, дружба, любовь, красота, ответственность и др.;

4. Образовательная функция. Детская и юношеская аудитория, обращаясь к печатным периодическим изданиям, получает определённые знания, умения, компетенции, которые необходимы для жизни в медиатизированном обществе. Так, некоторые детские журналы включают разделы, в которых учат детей считать, способствуют развитию умений читать, мыслить логически.

5. Функция социализации выступает в качестве одной из главных, поскольку основное назначение детских и юношеских печатных периодических изданий — первичная социализация личности.

Приведём высказывание С.В. Фроловой: «концепция детской прессы представляет собой следующее: транслируя максимум публицистической, научной информации..., адаптируя их к возрастным особенностям читателей в разные периоды детства, обеспечивая соответствующие формы мышления и восприятия, содействовать развитию и становлению личности, социализации юных граждан» [5].

6. Организаторские функции. Издания, адресованные разным возрастным группам детей, на своих страницах знакомят с нормами поведения в обществе, коллективе, семье, приобщают к различным видам трудовой деятельности, способствуют выбору профессии.

7. Культурно-образовательная функция имеет важное значение в детской и юношеской прессе, обогащая внутренний мир, делая ребёнка самостоятельной личностью.

8. Рекреативные функции. В эту группу относят гедонистическую и развлекательную функции, которые объединены понятием «психологическая разрядка», в которое входит развлечение, расслабление и наслаждение.

При этом основными формами рекреационной деятельности выступают «отдых», «игра», «развлечение». Многие газеты и журналы публикуют кроссворды, головоломки, рассказы, включают игровые элементы, вызывая активный интерес со стороны юных читателей, способствуя развитию психики ребёнка.

Рекреативная функция в детском журнале и газете отражается за счёт искусственно смоделированной реальности, основным механизмом, которой становится игра. Предлагаемые в детской прессе игровые формы соответствуют возрастной психологии восприятия и обладают огромным образовательным и развивающим потенциалом. На сегодняшний день многие результаты исследований подтверждают тот факт, что «СМИ оказываются для подрастающего поколения средством и способом заполнения свободного времени» [6]. То есть рекреативные функции обладают как положительным

воздействием на аудиторию, так и негативным. Так, исследователь в сфере изучения проблем коммуникации Н. Луман утверждает, что «развлечение — составная часть условной реальности, новой формы мифологии, которая позволяет, как в театре, примерить на себя всё, что увидел или услышал, активизировать забытое пережитое, свои надежды, опасения, скорректировать свои жизненные установки» [3].

Бесспорно, развлечение оказывает влияние на уже существующие знания и опыт, однако, для него не характерна ориентированность на разъяснение. В связи с этим, область развлечений представляет собой с одной стороны, огромный запас положительных установок, а с другой — инструмент негативного воздействия на личность. Поэтому важно уметь создавать и использовать развлекательные ресурсы для целевой аудитории;

9. В последнее время прочные позиции занимает рекламно-справочная функция. Она находит отражение в презентации тех или иных игрушек, которые, в ходе знакомства аудитории с содержанием журнала или газеты становятся мечтой для многих детей;

10. Коммуникативная функция, цель которой — создание особого информационного пространства для обмена мнениями между представителями юной аудитории.

В последнее время функция общения, реализуемая в основном юнкорской прессой, приобретает все большее значение. «Она очень важна для формирования медиакультуры, включает в себя информационную защиту школьников, коммуникативные умения, формирование критического мышления учащихся, выстраивание собственной системы ценностных ориентаций» [2]. На первый план выходит воспитание в детях личностных качеств, гражданской позиции и адаптация творческой личности ребёнка к социальным условиям. По мнению, М. Е. Аникиной, коммуникативная функция одна из важнейших в молодёжных изданиях, её основное предназна-

чение заключается в организации и поддержания общественного диалога [1].

На сегодняшний день в состав периодических печатных изданий, адресованных детско-юношеской аудитории, входят журналы, газеты и приложения к ним. Их содержание характеризуется широким разнообразием, избытком интересных и увлекательных медиатекстов, качественным информационным материалом. Как правило, современные читатели отдают предпочтение журналу, а не книге, что закономерно, поскольку журнальная продукция отвечает запросам и удовлетворяет потребности детской и юношеской аудитории.

К основным видам печатной прессы для юной аудитории относятся следующие: литературно-художественные, социально-политические, гендерные издания, детско-юношеская самодеятельная пресса, СМИ о знаменитостях, об увлечениях и хобби, о кинематографе и телевидении, а также ориентированные на детскую аудиторию.

Специфика социальных функций детских периодических изданий проявляется в воздействии информационной, просветительской, воспитательной, образовательной, рекреационной, познавательной, социализирующей, организаторской, гедонистической, коммуникативной функций.

Современные периодические печатные издания для подрастающего поколения стараются максимально учитывать возрастные, психологические особенности своей аудитории, их тематические, целевые предпочтения. Детские издания в условиях насыщенности современного информационного рынка, стремятся адресовать свою продукцию одновременно нескольким возрастным группам, например, объединяя дошкольников и младших школьников или подростков и старшекласников. Данное явление обосновано тем фактом, что границы каждого возраста очень подвижны, а при переходе от одной возрастной стадии к другой, отношение ребёнка к действительности изменяется не сразу.

Литература:

5. Аникина, М. Е., Баранов В. В., Шкондин М. В., Реснянская Л. Л., Воронова О. А. Типология периодической печати. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс., 2009. — 236 с.
6. Журин, А. А., Бондаренко Е. А., И. А. Малютина И. А. Технические средства обучения в современной школе. М.: 2004. — 346 с.
7. Луман, Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. — 360 с.
8. Суворова, С. П. Реализация просветительской функции журналистики в современных общероссийских газетах: дис... канд. филол. наук. М., 2006. — 232 с.
9. Фролова, С. В. Российские периодические издания для детей: обзор и классификация // Начальная школа. 2003. № 1. — с. 108–113.
10. Цымбаленко, С. Б. Подросток в информационном мире: практика социального проектирования. М.: НИИ школьных технологий, 2010. — 62 с.

ҚАЗАҚСТАН

NGN (Next Generation Network) модельдері

Есмаханова Лаура Нурлановна, аға оқытушы, магистр;
Адилбаев Андас Аманбаевич, аға оқытушы, магистр
М. Х. Дулати атындағы Тараз Мемлекеттік Университеті (Тараз қ., Қазақстан)

Келесі буын желілері дәстүрлік буыннан негізгі артықшылығы: желідегі барлық ақпарат екі құрамдасқа бөлінеді: абоненттердің коммутациясы мен қызметтерді ұсынуды қамтамасыз ететін сигналдық ақпарат; және абонентке арналған (дауыс, бейне, деректер) пайдалы жүктемеден тұратын тікелей пайдаланушылық деректер. NGN ITU функционалдық моделінде объектілердің үш категориясы ерекшелінеді: функциялар, сервистер, ресурстар. Сервистер қолжетімді ресурстардың көмегімен әр түрлі функциялармен іске асырылады. Бір сервис функциялардың әр түрлі жиынтығымен іске асырылуы мүмкін және керісінше, бір функция әр түрлі сервистерді іске асыру үшін пайдаланылады.

Модели NGN (Next Generation Network)

Есмаханова Лаура Нурлановна, старший преподаватель, магистр;
Адилбаев Андас Аманбаевич, старший преподаватель, магистр
Таразский государственный университет имени М. Х. Дулати (Казахстан)

Сети следующего поколения отличаются от традиционных сетей в том, что вся информация, циркулирующая в сети, разбита на две составляющие: сигнальная информация, обеспечивающая коммутацию абонентов и предоставление услуг; и непосредственно пользовательские данные, содержащие полезную нагрузку, предназначенную абоненту (голос, видео, данные). В функциональной модели NGN ITU выделяет три категории объектов: функции, сервисы, ресурсы. Сервисы реализуются различными функциями с помощью доступных ресурсов. Один и тот же сервис может реализовываться разным набором функций и наоборот, одна функция может использоваться для реализации различных сервисов.

Жаңа буынның желісі (NGN) — байланыс желілерін құрудың концепциясы. NGN құрамына таралған коммутациясы бар әмбебап транспорттық платформа.

Жаңа буынның негізгі міндеті — ақпараттың (дауысты, деректерді, бейне) кез-келген түрін таратуы үшін бірегей инфрақұрылым қолдайтын қазіргі уақытта бар және жаңа телекоммуникациялық желілердің өзара әсерлесуін қамтамасыз ету [1, 14 б.].

Осылайша, NGN базалық функционалдық моделінде екі қабатты ерекшелейді: транспорттық және сервистік.

Транспорттық қабат екі географиялық таралған нүкте арасында ақпаратты тасымалдауды қамтамасыз етеді. Негізінде, транспорттық қабат келесі объектілер арасында ақпаратпен алмасуды қамтамасыз етеді:

- пайдаланушы — пайдаланушы;
- пайдаланушы — сервистік платформа;

– сервистік платформа — сервистік платформа.

Жалпы айтқанда, транспорттық қабатта желілік технологиялардың барлық типтері қолданылады, яғни: арналар коммутациясының жалғануына бағытталған (connection-oriented circuit-switched — CO-CS), пакеттер коммутациясының жалғануына бағытталған connection-oriented packet-switched — CO-PS), пакеттер коммутациясының жалғануына бағытталмаған (connectionless packet-switched — CLPS). Алайда, NGN желісін құру үшін қызмет көрсету сапасын қолдаумен IP технологиясына ұсыныс жасалынады.

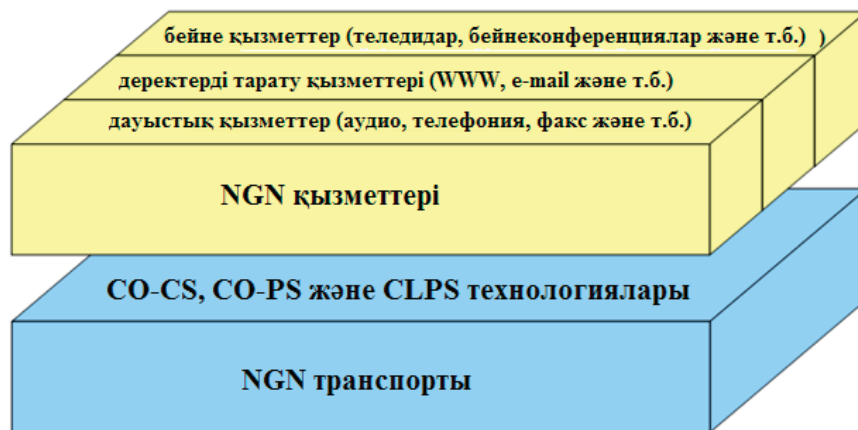
Транспорттық желінің ресурстарын басқарудың деңгейінде сигнализацияның талап етілетін жинағын пайдалану арқылы қонырауларды басқару іске асырылады. Бұл деңгейде көпфункционалды Softswitch (медиашлюз контроллері) объектісі пайдаланылады [2, 41 б.].

Softswitch басқарады:

- қоңырауларды;
- медиашлюздерді (Media Gateway, MG);
- магистралды желілер ресурстарын бөледі;
- сигналдық ақпараттардың өңдеуді;
- аутентификацияны;
- қызметтер құнын ескеруді;
- абоненттерге негізгі сөздік, ұтқырлық байланыс, байланыстың мультимедиа, сондай-ақ қосымшаларды бағдарламалаудың интерфейстері (API) қызметтерді ұсыну.

Жаңа клиенттерді шақырудың негізгі принципі болып талап етілетін қызметтер мен қосымшаларды тез арада жасау және ендіру табылады. Бұл міндет қолданбалы бағдарламалаудың ашық интерфейстері (Application Programming Interfaces, API's) көмегімен шешілуі мүмкін. Қолданбалы бағдарламалаудың ашық интерфейстері — операциялық ортаның әр түрлі қызметтерін жасауға және қолдауға арналған типтік бағдарламалық функция мен командалардың жиынтығы.

1-суретте NGN желісімен қамтамасыз етілетін қызметтердің (сервистердің) мысалы келтірілген.

Сурет 1. NGN желісінде транспортты және қызметтердің бөлінуі

Әр қабаттың бір немесе бірнеше деңгейлері бар. Деңгей үш жазықтықтан тұрады:

- пайдаланушының жазықтығы;
- бақылау жазықтығы;
- менеджмент жазықтығы.

2-суретте NGN желісінің төрт деңгейлі моделі көрсетілген. NGN желісінің төрт деңгейлі моделінде келесі деңгейлер көрсетілген:

- транспорттық пакеттік желіге абоненттік қолжетімділік желісінен тұратын қолжетімділік деңгейі;
- магистралдық пакеттік желіден тұратын транспорттық деңгей (IP немесе ATM хаттамалары базасында құрылған желі);
- телекоммуникациялық желіде қоңырауларға қызмет көрсетудің барлық функцияларын басқару бойынша функциялардың жиынтығынан тұратын коммутацияны басқару деңгейі;
- қызметтер мен эксплуатациялық басқару деңгейі.

NGN моделінің жалпыланған функционалдық моделі

ГII концепциясы қанағаттандыратын желіні құру үшін NGN функционалдық моделінде ITU объектілердің үш категориясын ажыратады: функциялар, сервистер, ресурстар. Қолжетімді ресурстар көмегімен әр түрлі функциялармен іске асыратын сервистер. Бір сервис әр түрлі функциялардың жиынтығымен іске асырылуы мүмкін және керісінше, бір функция әр түрлі сервистерді іске асыру үшін пайдаланылуы мүмкін.

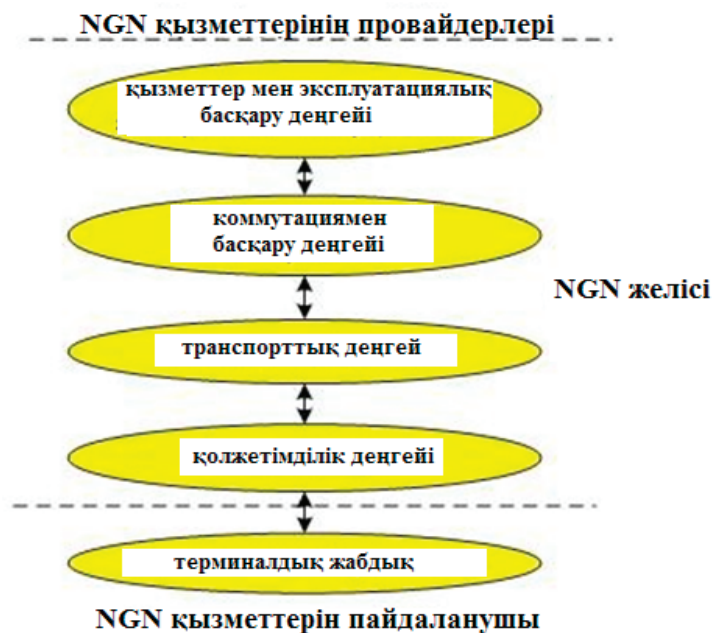
Олардың өзара байланысы 3-суретте көрсетілген [3, 23 б.].

Бірнеше жыл бұрын тіркелген байланыстың қызмет ұсынушылары ұтқырлық операторларының қысуымен өз позицияларын бере бастады. Ұтқырлық байланыс қызметтері қолжетімді болып, ал тіркелген және ұтқырлық телефондармен пайдалану үшін бағалары теңестіріле бастады. Ұтқырлық байланыс абоненттер санының өсуі «Қазақтелеком» жетекшілерінде қолайсыздық туғызды. Егер бұрын республика байланыс нарығында ұлттық гигант үлесіне 95% болса, онда қазір тек 42%. Ұтқырлық операторлары нарықтың шамамен 44% алады, ал қалғандары өзара альтернативтік операторларды бөледі.

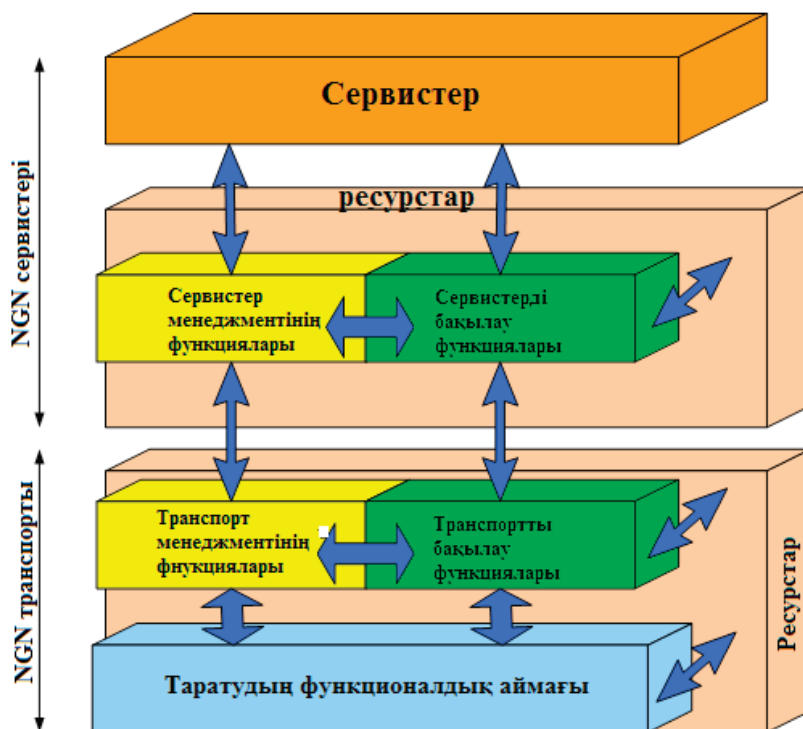
«Қазақтелекомның» NGN желісін құру жобасының жасаушылары және жабдықтарының жеткізушісі болып Nortel компаниясы табылады. Жаңа буынның желісі ақырғы пайдаланушылардың әр түрлі сұраныстарын қанағаттандыруға қажетті компоненттерінен тұрады. Олар қызмет көрсетудің кепілді сапасын және жоғары жылдамдықты мен сымсыз технологиялар базасындағы сервистерге әмбебап қолжетімділікті қамтамасыз етеді. NGN қызметтерінің қолжетімділігі абоненттің орналасуына және ол қолданатын терминалға қарамайды.

«Қазақтелеком» клиенттері үшін NGN желісін іске қосу жаңа мүмкіндіктерді білдіреді, яғни әдеттегі серви-

Сурет 2. NGN желісінің төрт деңгейлі моделі

Сурет 3. NGN моделінің жалпыланған функционалдық моделі

стермен кез-келген уақытта және әлемнің кез-келген жерінен пайдалануды білдіреді.

NGN жесінің транспорттық деңгейін ұйымдастыру үшін «Қазақтелекоммен» эксплуатацияланатын жұмыс істейтін IP-желілер пайдаланылды. Бұл алматылық сег-

мент үшін MetroEthernet қалалық желісі және түйіндері мемлекеттің әр облыстық орталығында орналасқан IP/MPLS магистралдық желісі. Олар NGN желісінің топологиялық сипаттамаларына және дауыстық трафикті тарту сапасының талаптарына жауап береді.

Әдебиет:

1. Олифер В.Г. Основы компьютерных сетей / В.Г. Олифер, Н.А. Олифер. — Спб.: Питер, 2009. — 520 с.

2. Гольдштейн Б. С. Softswitch / Б. С. Гольдштейн. — М.: БХВ — Санкт-Петербург, 2006. — 314 с.
3. Пескова С. А. Сети и телекоммуникации 4-е изд., стер / с. А. Пескова. — М.: Академия, 2009. — 350 с.
4. Абилов А. В. Сети связи и системы коммутации / А. В. Абилов. — М.: Радио и связь, 2004. — 288 с.

GPRS технологиясының құрылымдық схемасы мен құрамы

Есмаханова Лаура Нурлановна, аға оқытушы, магистр;
Нұржанов Берік Сергалиевич, оқытушы, магистр
М. Х. Дулати атындағы Тараз Мемлекеттік Университеті (Тараз қ., Қазақстан)

GPRS технологиясы радиожелілер бойынша пакеттік деректерді тиімді таратудың жаңа әдісін қолданады. GPRS міндеті келесіде: пайдаланушының қолжетімділіктің бір пунктіңде (GGSN түйіні) деректер пакетін қабылдайды және оны қолжетімділіктің басқа пунктіне (GPRS ұтқырлық стансасы) жеткізеді.

GPRS функцияларын қолдау үшін 9 жаңа интерфейс мамандандырылған. GPRS эталонның моделі GSM мен GPRS негізгі желілік элементтерін, сондай-ақ олардың арасындағы интерфейсдерді көрсетеді. GPRS үшін GSM жұмыс істейтін желілерді дайындау үшін алты жаңа элемент анықталған: GPRS ұтқырлық стансасы, PCU пакеттермен басқару блогы, CCU арналардың кодек блогы, GPRS қолдаудың SGSN қызмет көрсететін және GGSN шлюздік түйіндері.

Структурная схема и состав GPRS-технологии

Есмаханова Лаура Нурлановна, старший преподаватель, магистр;
Нуржанов Берик Сергалиевич, преподаватель, магистр
Таразский государственный университет имени М. Х. Дулати (Казахстан)

Технология GPRS применяет новый метод эффективной передачи пакетных данных по радиосетям. Задача GPRS состоит в том, чтобы принять пакет данных пользователя в одном пункте доступа (узел GGSN) и доставить его в другой пункт доступа (мобильная станция GPRS).

Для поддержки функций GPRS специфицировано 9 новых интерфейсов. Эталонная модель GPRS, показывает основные сетевые элементы GSM и GPRS, а также интерфейсы между ними. Чтобы подготовить существующие сети GSM для GPRS, определены шесть новых элементов: мобильная станция GPRS, блок управления пакетами PCU, блок кодека каналов CCU, обслуживающий SGSN и шлюзовый GGSN узлы поддержки GPRS.

GPRS дестелік деректемелерін тарату қызметі, іс жүзіндегі GSM желісінің үстіне ендірілетіндіктен іс жүзіндегі желілік инфрақұрылымның түбегейлі модернизациясы қажет емес. Жаңа функционалдық мүмкіндіктер мен сыртқы желілермен түйіндесу принципінің өзгертуіне келетін болсақ, олар өз мәнісінде іс жүзіндегі желісінің кеңейтілуі болып табылады.

GPRS қызметтері тарату қызметтеріне және телеқызыметтерге бөлінеді. GPRS — те тарату қызметтері арасында (1-суретіндегі 2,4 және 7 нүктелері) деректемелерді тарату мүмкіндігін қамтамасыз етеді.

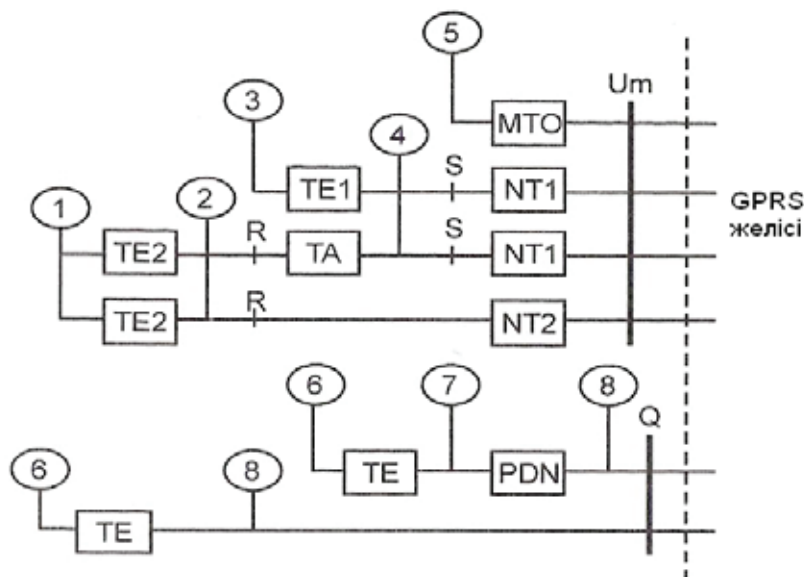
Абоненттер 1-суретінде көрсетілген әр түрлі қатынау нүктелерінде әр түрлі телекоммуникациялық қызметтерді ала алады.

GPRS толық коммуникациялық мүмкіндіктерді қамтамасыз ету үшін телеқызыметтерді қолдайды. Оның құрамына «пайдаланушы-пайдаланушы» хаттамаларын

қолданылатын желі абоненттері арасында байланысқа қажетті терминалдық жабдықтар функциясы бар:

- 1,3,5 және 6 («пайдаланушы-терминал» интерфейс) нүктелерінде телеқызыметтер қатынаулы;
- 2 қатынау нүктесінде (R нүктесінде) ISDN стандартына кірмейтін тарату қызметтері ұсынылуы мүмкін;
- 4 қатынау нүктесінде (S нүктесінде) ISDN-мен сыйысымды тарату қызметтеріне қатынау ұсынылуы мүмкін;
- 7 қатынау нүктесінде деректемелерді таратудың сыртқы желілерінің тарату қызметтеріне қатынау қамтамасыз етілуі мүмкін;
- 8 қатынау нүктесінде таратудың сыртқы желілерінің тарату қызметтерін және оларға тікелей қатынауын қамтамасыз етеді.

Алты жаңа элементтер анықталған: GPRS мобильдік стансасы, PCU пакеттерімен басқару блогы, CCU ар-

Сурет 1. GPRS желісіне қатынау нүктелері

наларының кодек блогы, қызмет көрсетуші SGSN және шлюздік GGSN, GPRS қолдауының түйіндері.

PCU пакеттерімен басқару блогы BSS ішкі жүйесінің модернизациясы болып табылады және талап бойынша сыйымдылықты ұсыну функциясына жауап береді. PCU — пакеттер коммутациясы режимінде және арналар коммутациясы режимінде пайдалану үшін қандай радио ресурстар динамикалық түрде тағайындалатынын шешеді. Базалық стансаның BSC контроллері бұл кезде арналар коммутациясы режимінде пайдалануға тағайындалған радио ресурстармен басқарады, ал PCU радио ресурстармен GPRS трафигі үшін басқарады. PCU функцияларына арналарға қолжетімділікпен басқару, оларды байланыстыру, сондай-ақ сегментация мен пакеттерді қалпына келтіру жатады. PCU блогы SGSN қасында, BSC қасында немесе ішінде, немесе BTS орнату орнында орналасуы мүмкін [1, 25 б.].

CCU арналар кодекінің блогы BSS ішкі жүйесінің модернизациясы болып табылады және кодтаудың жаңа схемаларын, қуатпен басқаруды және синхронизацияны упрещения процедурасын іске асырады. Алғашқыда көптеген операторлар CS-1 және CS-2 кодектерін енгізеді, өйткені бұл кезде BTS бағдарламалық қамтамасыздандырудың модернизациясы ғана талап етіледі, ал CS-3 және CS-4 кодектері BTS-тың өз модификациясын талап етеді.

Қызмет көрсетуші SGSN түйіні жаңа желілік элемент болып табылады. Ол MSC/VLR орналасқан иерархиялық деңгейде орналасады және BSS ішкі жүйесімен, көрші SGSN және GGSN шлюздік түйінінің интерфейстеріне ие. Желіге қолжетімділікті басқару процесі кезінде SGSN түйіні аутентификация мен қолжетімділікті санкционирлеу процедураларына қатысады. Мобильділікпен басқару MSC/VLR сияқты принциптердің негіздерінде іске асырылады. SGSN — BSS ішкі жүйесінің

кірістік трафигінің коммутациясына жауап береді және PDN сыртқы желілермен байланысты орнататын желілік элементтерге қоңыраулар үшін жауап береді. Осылайша, SGSN түйіні пакеттер маршрутизаторының да міндеттерін орындайды.

GGSN шлюздік түйіні PDN сыртқы желілері GSM желісінің пакеттер коммутациясының ішкі жүйелері арасында өзара әсерлесуге қызмет ететін жаңа желілік элемент болып табылады. Ол GSM желісіндегі коммутацияның шлюздік орталығы GMSC орналасқан иерархиялық деңгейде орналасқан. GGSN түйіні деректердің кірістік пакеттерінің маршрутизациясына жауап береді. Деректердің кірістік пакеттері түскен кезде ол берілген уақытта абонентке қызмет көрсететін SGSN түйінді анықтау үшін орналасудың HLR регистріне сұраныс жібереді [2, 18 б.].

HLR функцияларын кеңейтуге GPRS қызметімен байланысты жаңа абоненттік деректерді сақтау үшін талап етіледі. HLR кеңеюі әдетте бағдарламалық қамтамасыздандырылудың жаңа нұсқасы болып табылады. GSM-дегідей сияқты HLR регистрі тіркеу, аутентификация, авторизация, шифрлеу мен мобильділікпен басқару сияқты процедураларға қатысады.

GPRS мобильдік стансалары үш түрлі болады:

А класының терминалдары дәстүрлік GSM қызметтеріне және GPRS қызметтеріне бірдей уақытта қолжетімділікті қамтамасыз етеді. Мұндай терминалдар GSM және GPRS үшін сигнализация мен басқаруды бірдей уақытта орындайды.

В класының терминалдары сигнализацияны GSM мен GPRS өңдей алады, бірақ уақыттың әр сәтінде трафик тек GSM немесе GPRS беріле алады. Егер абонент арналар коммутациясы бар қоңырауды Интернет желісінен ақпаратты жүктеу уақытысында қабылдаса, онда GPRS деректерінің жіберілуі үзіледі. Дауыстық шақырылу

аяқталған кезде деректердің жүктелуі жалғасады, себебі мобильдік терминал мен GPRS желісі арасындағы логикалық байланыс сақталады.

С класының терминалдары тек GSM немесе GPRS қоңырауын ғана өңдей алады. Егер мобильдік станса GSM қоңырауына ғана қызмет көрсетсе, онда ол GPRS трафигі үшін қолжетімді емес және керісінше.

Берілген уақытта нарықта саны бойынша В класының терминалы көшбасшы болып саналуда. В класының терминалдары GPRS қолдаумен деректерді тарату мен Интернетке қолжетімділік үшін модем ретінде пайдалануға болады (RS-232 порты немесе инфрақызыл порты арқылы компьютерге телефонды іске қосу кезінде).

GPRS интерфейстері

GPRS функцияларын қолдау үшін 9 жаңа интерфейстер арналған. 2-суретте көрсетілген GPRS эталондық моделі GSM және GPRS жаңа желілік элементтерін, сондай-ақ олардың арасындағы интерфейстерді көрсетеді.

Gi интерфейсі PDN сыртқы желілері және GSM/GPRS желілері арасындағы эталондық нүкте болып табылады. GPRS және PDN операторлары өз желілерін жалғау үшін пайдаланатын 1 мен 2 деңгейлерінде таратудың технологиясын келісу қажет. GPRS жұмыс істейтін стандарттарымен X.25 және IPv4 хаттамалары бойынша өзара әсерлесу жасалынған.

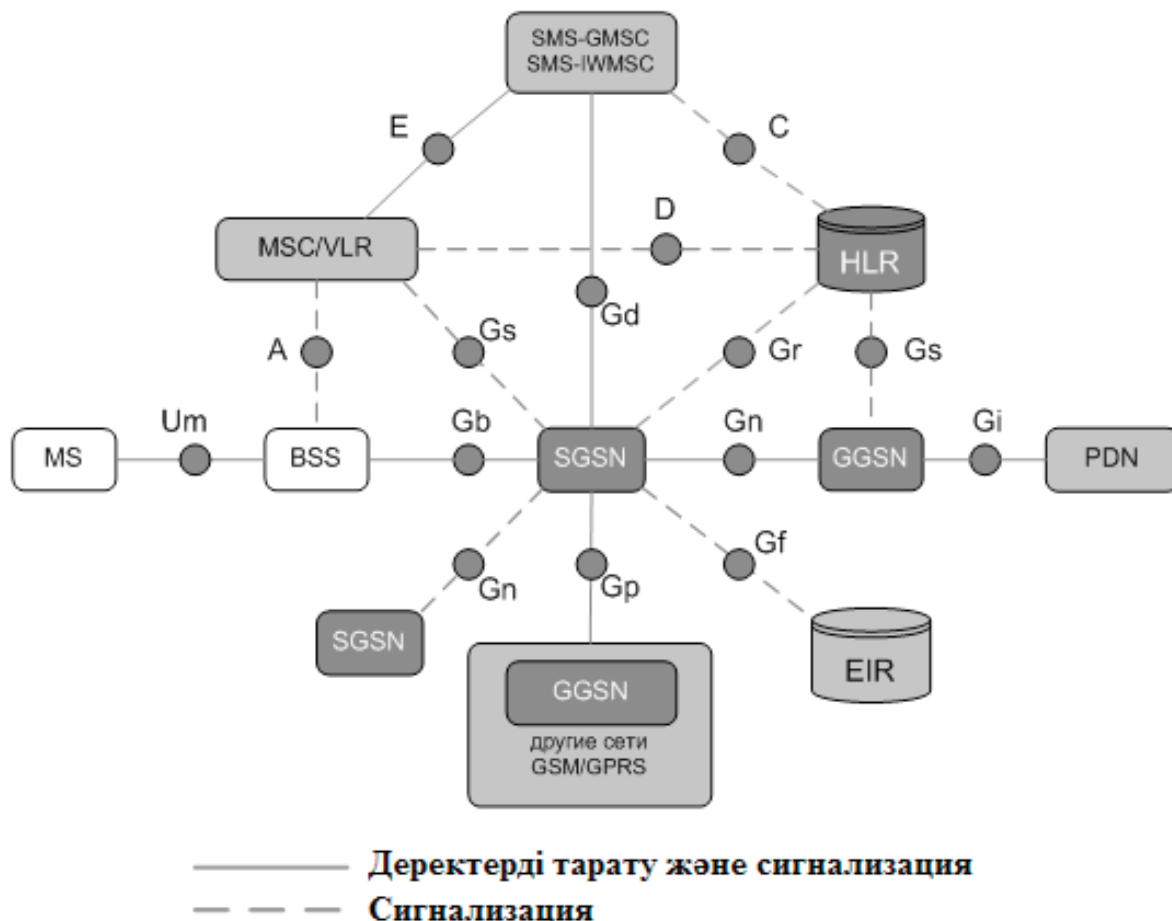
Gp интерфейсі GGSN сыртқы желісінен SGSN-ге деректер пакетін жіберу үшін қызмет етеді. Пайдаланушының деректері мөлдір түрде сыртқы желі PDN мен мобильдік байланыстың стансасы GPRS арасында таратылады. Ол үшін Gp интерфейсінде пакеттерді қалыптастыру мен туннельдеу ретінде белгілі арнайы әдістерді қолданады.

Сь интерфейсі SGSN-ны BSS-пен (PCU) жалғау үшін және GPRS мобильдік стансасымен логикалық байланысты басқару үшін қызмет етеді. PCU блогы қызмет көрсету сапасын көрсететін нұсқаулықтарды қабылдайды. Бұл нұсқаулықтар радио интерфейс арқылы тарату кезінде пайдаланушының деректер пакетіне ұсынылуы керек [2, 33 б.].

Gr және Gj интерфейстері опционалды болып табылады және әр түрлі желілердің SGSN арасында және SGSN мен SMS (SMS-GMSC/SMS-IWMSC) шлюзі арасында сәйкесінше пайдаланылады.

Пайдаланушының деректерін және сигнализацияны тарату үшін пайдаланылатын жоғарыда аталған интерфейстерге қосымша төрт таза сигналды интерфейстер анықталған.

SGSN түйіні мен HLR регистрі арасындағы Gg интерфейс — төрт интерфейс ішіндегі міндетті интерфейс. Егер абонент SGSN қызмет көрсететін аймақта болса, онда SGSN абонент туралы ақпаратты Gg интерфейсі арқылы HLR-ден сұрауы мүмкін.

Сурет 2. GPRS эталондық моделі [6]

GGSN түйіні мен HLR регистрі арасындағы Gc интерфейсы GGSN-ге абоненттің орналасуы туралы деректердің бірінші пакеті түскен кезде сұрау үшін қызмет етеді. Gc интерфейсі жоқ болған кезде сұраныс SGSN-ге Gn интерфейсы арқылы жіберілуі мүмкін. Gn интерфейсы HLR-ге сұранысты Gg интерфейсы арқылы қайта жібереді. Содан кейін HLR маршрутизация ақпаратын SGSN-ге жеткізеді, ол оны GGSN-ге өткізеді.

SGSN түйіні мен EIR арасындағы Gf интерфейсы — міндетті емес, себебі EIR регистрі GSM кез-келген желілерінде опционалды элемент болып табылады.

Gs интерфейсы MSC/VLR және SGSN байланыстырады да, жалпы процедуралар үшін пайдаланылуы мүмкін, мысалы, орналасу орнының жаңалануы. Егер Gs интерфейсы жоқ болса, онда жаңалану процедуралары радио интерфейс арқылы орындалады. Gs интерфейсін пайдалану радио интерфейсін ресурстарын сақтайды.

Әдебиет:

1. Закиров З.Г., Надеев А.Ф. Сотовая связь стандарта GSM. — М: Эко-Трендз, 2004.
2. Закиров З.Г., Надеев А.Ф., Фазуллин Р.Р. Сотовая связь стандарта GSM. — М.: Эко-Трендз, 2004. — 264 с.
3. Коньшин С.В. Системы подвижной радиосвязи. Методические указания к выполнению курсовой работы для студентов специальности 38.04 — Радиосвязь, радиовещание и телевидение. — Алматы: АИЭС, 2001.

Дүкенбай Досжан әңгімелерінің көркемдік шешімі

Қоспағарова Әсем, 2-курс магистранты

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының «Әдебиеттану» мамандығының

Мақалада қазақтың көрнекті жазушысы Д. Досжан әңгімелерінің көркемдік шешімі мен жазу ерекшелігі туралы айтылған.

Түйін сөздер: жазушы, ұлттық салт-дәстүр, шеберлік, автор.

Художественное решение рассказов Дукенбая Досжана

Коспагарова Асем Кабидолдаевна, магистрант

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

В данной статье рассматриваются художественные особенности рассказов казахского писателя Д. Досжана.

Ключевые слова: писатель, народные традиции, мастерство, автор.

Әдебиеттің көркемдік қырларын, бейнелілік мазмұнын тануда А. Байтұрсыновтың пікірінің орны ерекше демекпіз: «Сөз өнері — адам санасының үш негізіне тіреледі. 1. Ақылға; 2. Қиялға; 3. Көңілге. Ақыл ісі — онда яғни нәрселердің жайын ұғу, тану, ақылға салып ойлау, қиял ісі — меңзеу, яғни ойдағы нәрселерді белгілі нәрселердің тұрпатына, бернесіне ұқсату, бернелеп суреттеп ойлану, көңіл ісі — түю, талдау. Тілдің міндеті — ақылдың аңдауын аңдағанша, қиялдың меңзеуін меңзегенше, көңілдің түюін түйгенше айтуға жарар» [1, 26-б.]. Жазушы Дүкенбай Досжан шығармалары кейде ақылға, қиялға, көңілге сүйеніп сөз күдіреті арқылы сұлу сурет салады, кестелі ой айтады.

Д. Досжан прозасының тілі бай, шұрайлы екені сонау 1960–1970 жылдары-ақ әдебиет сүйер қауымның оң пікіріне ие болғанын білеміз. Десек те, Дүкенбай ағаның қаламы нені жазды. Ақиқат дүниеге нені

араластырды, болмаса шындық таза шындық күйінде суреттелді ме?

Жазушы үшін ең басты қағида не? — деген сауалдар ойымызды он орайды. Дүкенбай Досжан ең көп оқылатын жазушы. Дүкенбай Досжан тынымсыз жазу, жазу, ізденумен өмірі өткен қаламгер. Осы қиын да қызықты жолда қуанды да қайғырды да. Әдебиет сыншыларының мақтауына да даттауына да қалды. Ең қызығы қателесті де. Қателесуі арқылы халқына бір табан тағы да жақындай түсті.

Әр ұлттың өзіндік сипатын, салт-дәстүр ерекшелігін, халық ретіндегі орны әдебиеті мен мәдениеті, өнерінен айғақ табады.

Д. Досжан әңгімелеріндегі қазақы тұрмыс тіршілік, қазақы ой-сана, ұлттық салт-дәстүр, ешкімге ұқсамайтын қазақы мінез айқындалып, дәл суреттеліп, бейнеленген. Оған дәлел болатын «Шортанбай», «Қымыз», «Саумал», «Көкпар», «Өрік» т.б. әңгімелері болмақ.

А. Байтұрсынұлы «Әдебиет танытқыш» атты еңбегінде «Сөзден құрастырып пікірлі әңгіме шығару үшін жұмсалатын зат — сөздер. Топырақтан иленіп кірпіш жасалғаны сияқты. Дыбыстан құралып, сөз жасалған, кірпіштен қалап түрлі үй жасау сияқты, сөзден бірігіп түрлі әңгімелер айтылады. Үйдің түрлі болып шығуы — балшығынан, кірпішінен, әсіресе қалауынан болатыны сияқты, әңгіменің түрлі болып шығатыны тілдің дыбысынан, сөзінен, әсіресе сөздің тізілуінен» дей келе «тізуі жаман болса, дыбысы жақсы сөздерден де жақсы әңгіме шықпайтынын» [2.33–34 б.б.] қадап айтады.

Жазушы шеберлігі оның осы әдебиет саласындағы заңдылықтарды білуімен қатар жаратушы берген бойындағы дарын мен таланттың өз бойындағы еңбекқорлығымен ұштаса дамуында. Дүкенбай Досжан әңгімелері өз халқынан, туған топырағынан еш алыстамады.

«Шортанбай» әңгімесі қазақы мінезге бай, қонақ келсе шабыла кететін, маңғазалық пен тазалығы бір бойына жараса кеткен жылқышы туралы. Жазушы шағын әңгіме арқылы адамгершілік пен ата дәстүрге деген үлкен құрметті көрсете біледі. Күрең атын баптап күткен Шортанбай жылқы мінезді дархан халықтың соңғы тұяғындай әсер қалдырады.

— Бұрын бәйгеге қосып па едіңіз?

— Құнанында қосқаным бар. Озып келді Биыл бесті.

Нағыз шабатын

шақ. Қыстай арпа бердім. Бірақ көктем шыққалы қара отқа жайыла алмай келеді. Жусан да күйіп кетті. Қара отпен қарнын тартып алсам ба деп едім... [3. 137-б]. Автордың қолданысындағы диалогтар кейіпкерлерінің ерекшелігі мен мінезіне сай құрылған. Ғалым А. Исмақова «Бүгінгі компаративистиканың жаңа жол табуына әзер ететін зерттеу — М. Бахтиннің белгілі диалог түсінігі мен «Әдебиет танытқыштағы» өнердің, әдебиеттің басты мақсаты, міндеті, асыл сөздің қажеттілігі туралы тұжырымдар» дейді [4. 114-б]. Жоғарыдағы ғалым сөзін ескерсек, Дүкенбай әңгімелеріндегі кейіпкерлер өзіндік мінез ерекшелігіне сай сөйлейді.

— Күн батар кезде балаға ат шаптырар ма. Орға түсіп кетсе қайтесің?

деп, Тоқбала күңкілдеп келеді. — Ешкімнің сөзін тыңдау жоқ мұнда...

— Өшір үнінді! — деді Шортанбай қатуланып.

— Сабыр қылыңыздар. Үнемі шабылып жүрген жылқы мінез көрсете

— қоймас. Кәнігі ғой, — деп ақын бала білгенін айтып тоқтау салмақ болды.

— Ей, не білгенің бар! Үнемі шабылып жүрген жоқ еді ғой. Құнанынан

кейін шапқаны осы. Қыста қолда ұстағаным болмаса, мінілген жоқ. Көктем шыға үйірге қосқам. Әбден айғыр болып жүрген жерінен той болады деген соң, кеше ұстап әкеліп едім. Әрі, аңқау басым, сен келген соң, есіріп, көрсете қояйын деп. Басты пәле, үйірге түсіп жүрген жерінен кеше келгені ғой...

Ошақ басынан Тоқбаланың саруайымға толы үні шығып еді, едірейіп тұрған Шортанбай тағы дүрс ете қалды.

— Өшір үнінді!

Бұл шақта күн әбден өшіп, соңғы шапағын жинап-теріп, көк аспанды

жалап-жұқтап, қас қараюға айналған [3. 139-б]. Яғни Шортанбай қазақы отағасы, Тоқбала жары. Бұл жерде де әйел мен ерінің қарым-қатынасы аз ғана диалогтан көрініп тұр.

Д. Досжан әңгімелерінің тағы бір байқалатыны авторлық ой. Ол ауылдың маңғаз қазағын әңгіме ете отырып мінездеме береді. «Енді өзі егіліп еріп келеді. Жылқы жайында нелер қызық хикая тыңдауға құныққан. Апырмау, ат күткені ше, қарап тұрғың келеді... Бұл өзі ақын жырлап, жазушы көрмеген қиын кісі болды. Мінезін қай «пункітке» жатқызса екен. Меланхолик пе, сангвиник пе... Олай болса, әлгі профессор айтқандай, атқұмар қазақты көркем әдебиетке жағымсыз бейне етіп пе, жоқ жағымды етіп пе... қай жағынан кіргізген мақұл. Бақандай бес жыл ежіктеп, енді міне, бір мінездің табиғатын тани алмай тұрғаны...» [3. 144-б]

Жазушы «Көкпар» әңгімесінде қазаққа тән ұлттық донаның таза табиғатын танытуға талпынады. Сердалы әке жолын қуғысы-ақ келеді. Бірақ, әке өлімі оның санасына салқын тигізген «Көз алды бұлдыр, буалдыр бірдемелер. Есік алдында ат жалын құшып әкесі тұр. Аузынан, мұрнынан қан тамшылайды. Босағада арыстай болып бұзау көкпар жатыр» [3. 147-б].

Иә Сердалы бойында бар қызулық пен ақсақалдар сұранысын екі етпей көкпарға кірді. Оның алдында екі-ақ жол бар еді. «Бірі — Мақұлыштың қолын қаусата жұлып көкпарды әкету; екінші — мына даланың шаңын қауып қала беру» [3. 151-б]. Автор нағыз қызу қанды көкпаршы сынды адамды сюжет ішіне шақырып оқиғаны тамашалауға емін-еркін мүмкіндік береді. Бас кейіпкер ата дәстүр көкпардың жолында өлуге дайын. Қан жоса болып таяқ жесе де Сердалы қайтар емес.

Жазушы ауылдың ыржалаң мінезді, баскесерлерін «Запыран тастағандай аузынан. Ащы нәрселерді айтады» деп суреттесе. Енді бірде «Қайран жұрт-ай! Кеудеңе толған запырандай ашу-ызанды осындайда шығарасың-ау! Осы күш, осы намыс сені қайда апарар еді?!» деген кейіпкер сөзімен қорытындылайды. Бұндағы «запыран» сөзі автордың жиі қолданысына енген жеру мен кею мағынасында ұшырайды. Ол турасында А. Байтұрсынұлы «Әдебиет танытқышта» асыл сөздің әлемдік мәдениетке тән қасиеттерін қазақ ұлттық әдебиет сөз жүйесіне сай түсіндірген. Біз үлгіні орыс әдебиетінен, олар Европадан алғанын анық аңғартады.

«Шортанбай» әңгімесінде «Ақын баланың мұрнын жас еттің хош иісі жарып барады. Үңіліп қарап еді, қамырсыз, картошкасыз кілкіген майлы ет». Қала мен ауылдың ет асу дәстүрі ерекше байқалады. Келген қонаққа ұлттық асымыздан бұрын « — Қалқам-ау, әлгі ащы су болмаған соң алмай отырсың ба? Манағы бала да кешікті». Автор дегенмен өз кейіпкерін азғындықтан, ащы судан арашалағысы келеді. « — Қымыз құйып бер онда!» — деді Шортанбай әйеліне иек

қағып. А. Веселовский ұлттық ерекшелік — болмысты жоғары бағалайды және оның басқаның әсеріне қарсы тұра алатын, «бөтенді» жоймай — жоққа шығармай, оны қорытып алып, өзіне пайдалысын ажыратып алатынын алға тартады. «Бөтен» ұлттық мәдениеттің қозғалысын, дамуын жылдамдатуға себеп болады. [4. 115-б.]

Яғни «бөтен» орыс ұлтынан келген ащы су болмаса «өзімдікі» — адал асымыз қымыз. Автор осы екі дүниені өзінше саралағандай болады. Жазушы не жазса да өз халқының танымы мен түйсігін, өмір сүру дәстүрін өзіне көркем дүние етіп қайтаруға тырысты. Дүкенбай Досжан әңгімелерінің өзегі ел мұңы, халық тіршілігі ешуақытта тақырыптық мәнін жойған емес.

Әдебиет:

1. А. Байтұрсынұлы «Әдебиет танытқыш». 1926ж.
2. Дүкенбай Досжан. Таңдамалы шығармалар. Әңгімелер 1-том. Білім баспасы. Алматы — 2002 ж.
3. А. Исмақова. асыл сөздің теориясы. Таңбалы баспасы. Алматы-2009ж.
4. Байтұрсынов А. Шығармалары. — Алматы: — Жазушы, 1989ж. —438б

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 3 (107) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор: Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 26.02.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25